

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2019

Том 19
Выпуск 2

Андрей Железнов
Вера как практическое отношение
к контингентному бытию

Диана Гаспарян
Необъективируемая
природа сознания
в трансцендентализме
Мераба Мамардашвили

Елена Кочухова,
Виктор Мартьянов
Креативный город или право
на город: альтернативы
урбанистического развития
в российском контексте

Павел Костокрызов
Общинное право

Светлана Кузнецова
Особенности
конституционно-правового статуса
комиссий по защите прав человека
в Индии

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 2

Екатеринбург – 2019

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. н., проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 19

Issue 2

Ekaterinburg 2019

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.
(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)
Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.
Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Железнов А.С.* Вера как практическое отношение
к контингентному бытию 7
- Гаспарян Д.Э.* Необъективируемая природа сознания
в трансцендентализме Мераба Мамардашвили 25

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Кочухова Е.С., Мартьянов В.С.* Креативный город
или право на город: альтернативы
урбанистического развития в российском контексте.....45

ПРАВО

- Костокрызов П.И.* Общинное право 67
- Кузнецова С.С.* Особенности конституционно-правового статуса
комиссий по защите прав человека в Индии 87

CONTENTS

PHILOSOPHY

- A. Zheleznov.* Faith as practical attitude toward contingent being 7
- D. Gasparyan.* Non-naturalized nature of consciousness
in Merab Mamardashvili's transcendentalism 25

POLITICAL SCIENCE

- E. Kochukhova, V. Martianov.* Creative city or right toward the city:
alternative of urban development in Russian context 45

LAW

- P. Kostogryzov.* Community law 67
- S. Kuznetsova.* Features of the constitutional legal status
of the National Human Rights Commission
and the state human rights commissions in India.....87

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Железнов А.С. Вера как практическое отношение к контингентному бытию // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 2, с. 7–24.

УДК 17.02

DOI 10.17506/aip1.2019.19.2.724

ВЕРА КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К КОНТИНГЕНТНОМУ БЫТИЮ

Андрей Сергеевич Железнов

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии
Уральского федерального университета
им. Первого Президента Российской Федерации
Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: itsnomoredancing@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 23.04.2019 г.

Понятие веры позволяет разрешить проблему отношения к контингентному бытию, которая формируется в современных онтологиях.

Говоря о современных онтологиях, мы подразумеваем концепции Латура (акторно-сетевая теория), Хармана и Мейясу (спекулятивный реализм) и Керимова и Красавина (гетерология). В рамках данных подходов мир описывается как поле неожиданных связей между равнозначными сущими, которые в процессе взаимодействия производят новых участников отношений и претерпевают изменения сами. Мир и его законы контингентны, они могут меняться и меняются в любой момент времени.

Полагая мир контингентным, перманентно создаваемым из сложных и непредсказуемых связей между множеством равнозначных участников, современные онтологии уничтожают любую возможность предсказывать развитие такого мира. Они ставят нас перед лицом абсолютно неизвестного будущего, – будущего, которое

превосходит все наши предсказания или расчеты. Это создает практическую проблему: непонятно, каким образом возможно разумно действовать в мире, который постоянно выходит из-под контроля. Поэтому необходимо поставить вопрос о том, как возможно соотносить собственное действие или собственный образ жизни с бытием, данным в качестве «любого бытия».

Пример практического отношения к любому будущему мы находим в понятии веры, которое рассматривается в традиции С. Кьеркегора, У. Джеймса, Ж. Дерриды и Дж. Бишопа. Вера здесь становится образом действий, то есть предполагает соотнесение актором своих действий с предметом веры. И в то же время вера предполагает принятие любого будущего в качестве ценности и блага. Из контингентности бытия, или совершенной непредсказуемости будущего, следует, что мы не можем на него рассчитывать, не можем строить свое поведение, имея в виду его конкретный сценарий. Но вера дает нам возможность считать, что неизвестное будущее лучше настоящего, что оно и есть благо. Поэтому вера предполагает, что у нас может быть разумный мотив для того, чтобы желать наступления неизвестного будущего, а значит, и действовать, поддерживать свой образ жизни в соответствии с этой возможностью.

Ключевые слова: онтология, различие, контингентность, АСТ, объектно-ориентированная онтология, бытие, будущее, вера.

Мы будем говорить о возможной связи веры и современных онтологий. Само обнаружение такого рода связи может выглядеть достаточно странным: актуальный философский дискурс, кажется, вновь тяготеет к тому, чтобы быть подчеркнуто научным и даже «позитивным», преодолевая тем самым привычку подвешивать вопросы и создавать неясности, которая была характерна для периода постмодерна. Апеллирование к истинам веры как к истинам непроверяемым и непознаваемым не просто не рассматривается серьезно, но и может иметь окрас «дурного тона». И в то же самое время это подчеркнутое дистанцирование веры и акцент на научность знания сами по себе формируют проблемное поле, в котором разговор о вере приобретает актуальность.

В частности, оно формируется собственно логикой построения современных онтологий. Как только мы признали, что мир не управляется никакими законами, это изменило наши физику или социальную теорию. Причем и физика, и социальная теория достаточно легко переживают это изменение, просто переходя от изучения закономерностей к изучению момента или истории. Однако в результате этого изменения возникает проблема, имеющая не теоретическую, а «научно-практическую» природу. Мы привыкли ожидать от науки или познания выявления общих законов, на которые можно рассчитывать и в соответствии с которыми можно строить свое поведение и свои планы. Между тем контингентность, свойственная миру, описываемому современными онтологиями, разрушает эту возможность. Если для теории отказ от закономерности – это только смена точки зрения, то для практики это ступор. Или необходимость принципиального изменения подхода.

В первой части работы мы, обратившись к онтологиям, предъявляемым спекулятивным реализмом (К. Мейясу, Г. Харман), акторно-сетевой

теорией (далее АСТ; Б. Латур) и гетерологией (И. Красавин), покажем, каким образом разворачивается логика, приводящая к формированию данной проблемы.

Концептуально проблема может звучать как отсутствие возможности практического отношения к неизвестному бытию, – к бытию, которое всегда превосходит настоящее и данное. И, собственно, в качестве варианта такого практического отношения к неизвестному бытию или неизвестному будущему мы и собираемся рассмотреть понятие веры. Понятие веры дает нам пример отношения к неизвестному будущему, – отношения, которое является вполне практическим. Таким образом, вера представляет собой действие.

В такой трактовке веры мы ориентируемся на традицию Джеймса–Бишопа и Кьеркегора–Дерриды, согласно которой вера определяется как рискованное предприятие. Раскрытию данного понятия посвящена вторая часть статьи.

Современные онтологии. Под современными онтологиями, которые обсуждаются в статье, подразумеваются вполне конкретные подходы. Это акторно-сетевая теория Бруно Латура, спекулятивный реализм Грэма Хармана и Квентина Мейясу, гетерология Тапдыга Керимова и Игоря Красавина. Называть их современными можно, опираясь на простой модернистский принцип: с одной стороны, они противопоставляют себя «прошлым», тем, кто был до них, с другой – никто не успел их назвать «старыми» или «устаревшими». Это такой «авангардный» принцип: они современны, потому что пока еще находятся на острие нового.

Современные онтологии пишутся «после постмодернизма», то есть после того как резкой критике подвергались авторитеты и столпы классического философского (метафизического) прошлого. И они берутся не только критиковать и разрушать, но и предлагать и строить. Возможно, именно необходимость действовать на выжженном постмодернистской иронией поле формирует их основные аспекты. Можно выделить три таких аспекта, каждый из которых связан с двумя другим.

Во-первых, в рамках современных онтологий мы имеем дело с множеством равноценных сущих. Причем это равенство также можно охарактеризовать как «равноразличность»: сущие равны не потому, что в них присутствует нечто одинаковое, а, наоборот, потому, что они различны настолько, что их невозможно ранжировать.

Во-вторых, равноразличность сущих предполагает отсутствие иерархии или какого-то единого принципа упорядочения, на основе которого они были бы соподчинены друг другу. Сложение единого общего или общностей происходит через взаимодействие. Это взаимодействие, в котором вещи и люди равнозначны и в котором способы их сложения очень слабо предсказуемы.

В-третьих, сложность и непредсказуемость отношений, отсутствие единого закона означает контингентность, то есть случайность устройства мира и онтологии. Мир, описываемый современными онтологиями, – это мир, принципиально находящийся за рамками любого контроля, или же

мир, постоянно выходящий из-под контроля или из рамок нашего предсказания. Это мир, который постоянно нам сопротивляется.

Констатация равенства множества сущих и попытка подобрать адекватное описание для этого равенства могут выступать отправным пунктом современных онтологий. Прояснить это можно через противопоставление двух типов онтологий, которое проводит Эндрю Пикеринг, рассматривая различия в художественных методах Мондриана и де Кунига.

Мондриан до начала рисования имел в голове ясную картину того, что он должен изобразить, и воплощал ее на полотне. Картины де Кунига рождались из свободного и спонтанного взаимодействия с красками – он завершал картину только тогда, когда его прерывали, и отнюдь не потому, что заканчивал реализацию своей идеи. Мондриановская онтология – это онтология «дуализма и господства», она противопоставляет миру человека-творца, который исходя из собственных идей меняет этот пассивный мир. Это онтология, которая, по мнению Пикеринга, признана «естественной». Онтология де Кунига же предполагает «непосредственное симметричное переплетение между человеческим и нечеловеческим и временное становление в этом переплетении» (Пикеринг 2017: 157). Это различие двух онтологий: мир – это либо поле для реализации человеком его идеи, либо открытое взаимодействие с предметами, в котором ты сам являешься только частью.

Противопоставление двух онтологий, конечно, не исчерпывается примером из искусства; оно имеет место, прежде всего, в философии. Тут Пикеринг ссылается на «Вопрос о технике» Хайдеггера, где хайдеггеровский «постав» есть воплощение мондриановской онтологии (Пикеринг 2017: 158). Эта позиция должна быть если не преодолена, то как минимум осмыслена в качестве одного из временных вариантов отношения к миру, но отнюдь не абсолютной точки зрения (Пикеринг 2017: 157-158).

Избавление от «антропоцентризма» вовсе не сводится только к общетеоретическим рассуждениям. Куда важнее, что оно происходит в рамках социальной теории. Два самых ярких примера применения этого подхода в социальной теории мы находим у Мануэля Деланды и Бруно Латтура.

Введение в «Войну в эпоху разумных машин» Мануэля Деланды содержит попытку описать историю не с человеческой точки зрения, а с точки зрения самоорганизующейся материи. Деланда предлагает в качестве эксперимента представить, как робот-историк стал бы рассуждать о собственном происхождении (Деланда 2014: 8-11). Для характеристики такого нечеловеческого субъекта Деланда использует делезовское понятие «машинный филум» (Деланда 2014: 14). Машинный филум в изложении истории действует как «абсолютных дух» Гегеля: мы как бы можем объяснить его волей или логикой его становления и развития исторические события, изменения в организации людей и технологий.

Позиция «робота-историка» или «машинного филума» все-таки является образной – речь всерьез не идет о том, что мир развивается в соответствии с логикой развертывания какого-либо сверхсубъекта (живого или неживого). В конечном итоге Деланда показывает, как порох, пули, радио-

связь и другие технологии меняют мир и меняют людей, живущих в мире. Идея машинного филума нужна только для того, чтобы показать возможность мыслить не-антропоцентричный мир, в котором люди, технологии и предметы взаимодействуют равноценно.

Реализация этой теоретической установки требует разработки принципиально иной терминологии. В «Новой онтологии социальных наук» Деланда предлагает заменить понятие индивидуумов (*individual*) на понятие индивидуальных сущих (*individual entities*) (Деланда 2017: 38): это необходимо для того, чтобы исключить связь индивидуальности с обладанием сознанием, свободы воли: понятие индивидуальных сущих намного шире понятий *люди, индивиды* или *субъекты*.

Подобную логику мы находим в АСТ Латура, который также устанавливает равнозначность людей и «объектов» мира. Вместо классического универсума, в котором макроуровень определяет индивидуальные проявления, а люди свободно демонстрируют некоторое внутреннее содержание, АСТ предлагает воспринимать мир в качестве расходящихся пучков взаимодействий, которые претерпевают изменения, проходя через акторов: через людей, вещи, структуры.

Нам представляется важным обратить внимание на то, как Латур извлекается от обычного субъект-объектного дуализма. Он замечает прежде всего, что сам объект, который мы воспринимаем, задает пути и способы его восприятия: трехмерная статуя предполагает, что ее можно рассматривать с разных сторон; прекрасный вид с возвышенности можно увидеть, только находясь в определенной точке: «сама вещь, долина, горы, дороги предлагают вам этот взгляд, эту возможность, эту точку зрения» (Латур 2014: 203). «Любое место будет рассматриваться как актер-сеть, если оно является источником дистанционного воздействия на другие места...» (Латур 2014: 310).

В мире, разделенном равнозначными участниками, единство, или общее, производится не посредством подчинения множества одной великой силе, но как результат установления случайных взаимодействий. Место изучения законов занимает прослеживание генеалогии или истории. Историчность, генеалогии (начиная с Фуко и прочих) или психоанализ личной истории важны потому, что нет никаких серьезных, определяющих причин, которые бы объяснили существование сущего «как оно есть». Настоящее формируется не в результате применения законов истории, а в результате «случайного стечения обстоятельств». Исторически сложившиеся сущие формируют общее множество, которое также складывается исторически (Деланда 2017: 42-43).

Противостояние «социологии социального» и «социологии ассоциаций» у Латура рождается как раз из этой разницы установок. Новация АСТ не только в смене подчиненности, как если бы просто заявлялось, что общество – это наша метафора для описания связей, а не связи – это следствие общества. Новация заключается в том, что стандартизированные социальные связи суть только один из возможных способов реализации социального (Латур 2014: 328). (Вспомним тут мысль Пикеринга о том, что «постав

следует понимать как вариант нашего участия в мире.) Общество или порядок – это один из возможных способов того, как ассоциируются или связываются элементы, которые до этого не были социальными.

При этом единства или общие структуры, такие как «общество» или «правовая система», приравниваются к людям и скалам. Они не находятся на «ином уровне», а взаимодействуют с нами на равных. Место иерархии существностей макро- и микроуровня занимают локальные места, которые описываются как «исходящие лучи связей, по которым средства передвижения (документы, записи и материалы) движутся своими путями» (Латур 2014: 249).

АСТ избавляется не только от антропоцентризма, но и от *ethnicity-центризма*. Связи, а точнее процессы и поток, – это тоже очень значимое действующее лицо. «Сети включают в себя на равных правах как человеческих, так и нечеловеческих акторов: они реальны, как природа, разворачиваемы, как дискурс и коллективны, как общество» (Вяткин 2017: 59).

Переключение внимания с объектов и форм их взаимодействия на ассоциации или процесс установления связей и передачи взаимодействий требует и нового языка описания. Ключевое для АСТ понятие *актор-сети* непосредственно связано с установлением равенства всех участников взаимодействий, вносящих в них изменения. В актор-сети мы фокусируем свой взгляд не на акторах, действующих лицах, и не на сети как установленной форме связи. Мы сосредотачиваемся (или, в языке Латура, «следуем за») на изменениях и трансформациях, которые движутся от одного актора к другому, связывая их. Важно не субстантивировать акторов: каждый актор – это «сборка» взаимодействий, в который он вступает (Латур 2014: 291). И важно не субстантивировать сеть: сеть – это только результат трансформированных акторами взаимодействий.

Понятие актора заменяется понятием актор-сети потому, что мы одновременно избавляемся и от внешнего (макро), и от внутреннего (микро). Мы не считаем, что акторы действуют в результате своей внутренней метафизической свободы. Они не инициируют движение, а только «меняют» его направление, вносят отличие в передаваемую информацию или импульс. Акторы не «выстреливают» собственной спонтанностью или контингентной актуальностью. Они только «сбивают», смешивают передаваемое через них взаимодействие (Латур 2014: 302).

Следует подчеркнуть, что понятие актор-сети остается очень сложным. Оно интуитивно не очевидно: нельзя найти актор-сеть и ткнуть на нее пальцем. Отказавшись от ссылок на субстантивированные единства (типа «общества»), мы получаем проблему описания общих законов или общего видения того, как устанавливаются ассоциации.

Это новое «общее» приходится осознать как-то иначе, не так, как мы видели его ранее. Ключевой проблемой его описания оказывается то, что «до» общего нет ни самого общего, ни его частей. Невозможно установить отношения производства; неясно, кто что производит: части складываются в общее или же общее формирует части.

Примером поиска языка, который должен решить эту проблему, может быть обращение к аналогии с вложенными фрактальными структура-

ми, где соединение частей производит целое, обладающее эмерджентными качествами, и в то же самое время сформированное целое также становится участником отношений с его частями (Красавин 2017: 180). Или использование понятия *социемы* как децентрализованной деэссенциализированной структуры, состоящей из связи нескольких связанных систем (Красавин 2017: 193).

Предлагаемая концепция социальной онтологии предполагает перманентное производство новых связей, отношений и субъектов, которые более не следуют логике раскрытия заранее данных законов социального устройства, но каждый раз переписывают и состав участников, и способы взаимодействия, и полученное в результате единство. Такая онтология более не является «дорожной картой», с которой можно сверить направление развития. Скорее, она представляет собой «историю болезни» или биографию, фиксирующую происхождение актуального положения дел из сочетания различных обстоятельств.

Латур, как нам кажется, не случайно несколько раз сравнивает приращение АСТ с движением муравья, наделяя его чертами «близорукости». АСТ не может сослаться на общий объясняющий принцип: открытие такого принципа вообще не является ее целью. Продукт АСТ – это описание реально произошедшего или происходящего, но не объяснение. У исследователя есть возможность частных конкретных описаний, каждое из которых требует труда и не сократит наши усилия в дальнейшем (Латур 2014: 235-236). Сам тезис о том, что нет существительного «общество», но есть «обобществление», которое находит разные пути в политическом, правовом контексте, в контексте одной корпорации или одной семьи, показывает новый уровень сложности мира. Мы можем только проследовать за обобществлением, описать его, а не свести к некоторой общей рамке. А значит, мы никогда не узнаем, каким будет мир в будущем.

Тезис об отсутствии законов, к которым можно было бы свести движение ассоциаций, имплицитно содержит утверждение о контингентности. Поскольку мы не в состоянии выделить никакой закономерности, в соответствии с которой вещи, индивидуумы, акторы образуют те или иные связи, то из этого следует, что существование данного нам мира и его законов случайно. Об этом особенно хорошо говорит Мейясу в «После конечности», буквально утверждая: мир в целом случаен и это означает, что его законы могут в любой момент измениться (Мейясу 2015: 74-75).

Описывая одно из свойств современной онтологии, мы осознанно выбираем именно понятие контингентности, а не просто непредсказуемости или нелинейности. Это выбор понятия стоит обосновать, тем более что Латур или Деланда, например, не говорят о контингентности в сильном смысле, скорее показывая нелинейность и сложность процесса.

«Контингентность» как отсутствие достаточного основания для существования мира и его законов мы используем тут в смысле Мейясу, который под контингентностью подразумевает возможности быть, когда ничто не принуждает к существованию (Мейясу 2013: 77). Предложение начать «с действительной возможности того, что законы природы могли

бы беспричинно перестать работать, позволив случиться несовместимому с ними», приводит к признанию контингентности в качестве «абсолютного свойства любого бытия» или, другими словами, к открытию «интеллектуального Хаоса, способного беспричинно разрушать и порождать покорные ему вещи и законы», понимаемого как природа того бытия (Мейясу 2013: 78-79). Контингентность означает невозможность даже помыслить какое-либо основание или закон. В этом плане понятие контингентности максимально сильно. Говоря о контингентности бытия, мы не просто указываем на сложность или недоступность для нас его законов, но утверждаем, что таких законов не может быть никогда.

Здесь также необходимо отметить, что идея контингентности, или случайности, законов, несмотря на достаточно провокативное звучание, изначально свойственна научному подходу. В частности, именно идея о том, что у биологических видов нет никаких «базовых» признаков, которыми они обязательно должны обладать, отличает концепцию Дарвина от взглядов Платона и Аристотеля (Деланда 2017: 38).

Контингентность мира, его превосходство над любыми законами и планами – это еще одна ключевая черта современных онтологий, для которых важно, что мир сопротивляется нашим планам и контролю. Выше мы уже ссылались на противопоставление Пикерингом двух онтологий в искусстве и философии. Это же противопоставление он обнаруживает и в технологии, описывая проект по управлению руслом реки Миссисипи (Пикеринг 2017: 160-161). Миссисипи постоянно выходит из-под контроля: она выстраивает все новые и новые обходные пути, которые разрушают не просто технические решения. Они разрушают сами представление инженеров о принципах и закономерностях развития ее русла.

Соппротивление и контингентность – это не просто «техническое замечание», это именно онтологическое утверждение. Оно принципиально для самоопределения современных онтологий. Так, Харман и Мейясу заявляют о необходимости делать попытки мыслить мир, существующий вне нашего восприятия, указывая именно на это сопротивление. Именно через сопротивление Харман описывает реализм Латура и Деланды в «Сети и асамбляжи»: «греющее нас солнце» или «поражающая болезнь» вторгаются в нашу жизнь помимо наших планов; они заставляют с собой считаться. Они активны, они часть того, что Харман называет «сопротивлением мира». Аналогичный принцип реализма обнаруживается Харманом и у Латура: «Камень, мрамор, общество и математическое доказательство сопротивляются нашим усилиям и требуют тщательной инженерной работы, чтобы быть собранными эффективно и правильными способами» (Харман 2017: 23-24). Наивное и повседневное отношение к объектам основано на том, что мы не можем по своему произволу делать все, что хотим: мы бы хотели не болеть, но болезнь поражает нас; у мрамора есть свое мнение о том, как он должен выглядеть; даже математическое доказательство не дается нам без усилий. Реальность здесь – это то, с чем мы должны считаться безотносительно наших желаний или планов. Реальность принципиально выходит за рамки любого контроля или предсказания, она может быть любой.

Употребление выражений «любое» или «любое бытие» в связи с концепцией контингентности мы полагаем необходимым, поскольку это указывает на требование трактовать контингентность не только как отсутствие законов, но и как возможность любого будущего.

«Грядущее бытие – бытие любое» (Агамбен 2008: 8) в том смысле, что оно всегда конкретно, а не обобщенно, и тем не менее невозможно заранее знать ни о каких известных или необходимых его качествах. То, что будущее бытие – это всегда любое бытие, означает: происходящие изменения всегда больше позиции отдельных акторов или динамики отдельных связей. Любое бытие всегда выходит за пределы понимания.

В этой части рассуждения мы можем аккуратно сослаться на Дж. Агамбена. Аккуратно потому, что Агамбен в первую очередь концентрируется на проблеме индивидуации, а не наличия оснований или причин. Его «любое» – это прежде всего обладающее любыми конкретными качествами. И в то же время этот разговор имеет непосредственно отношение и к вопросу происхождения, законов и т.д.

Собственно, вопрос о появлении индивидуальных качеств – это всегда вопрос о переходе «от потенции к акту, от общей формы к индивидуальному бытию», который можно описать как «бесконечный ряд колебаний качеств», но не закономерное и неизбежное явление. «Бытие, возникающее на этой линии или вдоль этой границы, – это бытие любое, и то, каким образом оно переходит от общего к частному и от частного к общему, называется обычаем, или, иначе, – этосом» (Агамбен 2008: 25-26).

Отсутствие необходимости перехода от небытия к конкретному существованию вводится тут не через понятие контингентности, но через демонстрацию «невозможности», всегда вложенной в понятие бытия: «Лишь та возможность может быть высшей, которая может быть как возможностью, так и невозможностью, бессилием. Если каждая возможность заключает в себе возможность как бытия, так и небытия, то переход к действительности может произойти лишь благодаря привнесению (Аристотель называет это “спасением”) в актуальное бытие присущей ему возможности небытия» (Агамбен 2008: 37-38).

Но эта связанность небытия и бытия по умолчанию и означает «случайность», то есть контингентность. «Случайность – отнюдь не-необходимое, нечто, что может и не быть, но то, что, будучи таким, будучи только своим собственным способом существования, может быть преимущественно, может не не-быть. (Бытие-такое не случайно, оно случайно необходимым образом. Но оно отнюдь и не необходимо – оно необходимо случайным образом.)» (Агамбен 2008: 96). Любое бытие случайно в том смысле, что его потенция не не-быть не предопределена никаким основанием, кроме его собственного фактического свершения. «Бытийность» любого бытия – это только его способность не не-быть, но не какая иная причина.

В этом смысле понятия *контингентность* и *любое будущее бытие* оказываются двумя сторонами одной медали, где контингентность относится к причинам, прошлому и настоящему, а «любое» – к будущему. Любое будущее по определению контингентно, так как не имеет никаких причин

в прошлом или настоящем. А контингентность по определению рождает любое бытие, поскольку у него нет никаких оснований быть каким бы то ни было.

Теоретическим следствием идеи контингентности может быть призыв перестроить теорию и онтологию таким образом, чтобы они следовали за объектами, а не находились исключительно в области человеческого восприятия (Харман 2015: 18, 28-29). Нас же больше интересуют практические следствия. Например, Пикеринг осмысливает одно из таких требований в качестве призыва отказаться от намерений подчинить себе природу, отказать от «постава», например позволить Миссисипи идти своим путем (Пикеринг 2017: 163), а не пытаться ее покорить.

Впрочем, тут возникает достаточно серьезная проблема. А именно если считать, что цель науки или познания – это выявление общих законов, на которые можно рассчитывать, в соответствии с которыми можно строить свое поведение и свои планы, то контингентная онтология разрушает эту возможность. Получается, что онтология может быть только дескриптивной: она описывает происходящее постфактум, но не имеет никакого технологического или проективного потенциала. Что же делать, если общих законов и закономерностей нет вообще? Есть два уровня ответа.

Первый ответ – можно приспособливаться к течению жизни. Или следовать ему, участвуя в раскрытии и установлении новых связей. Однако возникают два вопроса: каков критерий этого следования и зачем вообще это делать? Например, инженерные войска США, пытающиеся «подчинить» Миссисипи, явно вступают с ней в некоторое взаимодействие; оно спонтанно и открывает новые возможности. Почему им как актору необходимо занять другую позицию? Почему следовать за Миссисипи лучше, чем сдерживать ее? Почему отношения борьбы менее естественны, чем отношения подчинения? Как определить, где происходит следование и соучастие, а где противоборство?

Второй ответ – можно принять противостояние естественному устройству в качестве сознательного выбора. Зачем следовать естественному течению вещей? Может быть, способность ставить мир на дыбы (мондриановская позиция) – это и есть собственно человеческая позиция? Или даже если не приписывать человеку вот такой позиции как естественной или обязательной, то это вовсе не значит, что ее нельзя занять по собственному произволу.

Грубо говоря, вопрос об абсолютном отношении к контингентной онтологии, – к онтологии, которая может быть «любой», остается открытым. Как можно относиться к любому бытию или любому будущему в практическом смысле? Как можно соотносить свои действия с любым будущим?

Сближение понятий будущего и бытия происходит тут во вполне хайдеггеровском смысле. В частности, хайдеггеровский «поворот» во многом проявляется в попытке взаимного прочтения бытия и времени: «...бытие как присутствие, настоящее в каком-то еще не определенном смысле отмечено чертами времени и тем самым временем. Отсюда близко до догадки, что Место, вмещающее бытие, обуславливающее бытие как при-

сутствие и впускание присутствия, могло бы быть обнаружено в том, что в рубрике “время и бытие” названо “временем”» (Хайдеггер 1993: 396). Говоря более конкретно, для Хайдеггера бытие как ничто – это постоянное присутствие отсутствия во времени (Milbank 2003: 117). Будущее – это образ того самого отсутствия, с которым мы и имеем дело как с бытием.

Взаимное прочтение контингентного бытия и любого будущего позволяет нам перейти ко второй части нашего исследования. Здесь мы будем говорить о том, каким образом можно иметь практическое отношение к будущему, то есть и практическое отношение к контингентному бытию.

Вера как практика бытия. Давая определение понятию веры, мы будем опираться прежде всего на концепцию *doxastic venture* Джона Бишопа (Bishop 2016). В рамках данной парадигмы вера рассматривается в религиозном понимании, иными словами, речь идет о вере в существование Бога, причем конкретно в рамках христианской традиции. Вместе с тем, как указывает сам Бишоп, понимание, которое «проявляется» в религиозной традиции, может вполне использоваться и в атеистическом, и в другом контексте (Bishop 2016).

Несмотря на это указание о возможности применения понятия веры вне рамок религиозного дискурса, может все-таки возникнуть диссонанс между принципиально вне-религиозным (а порой и атеистическим) пафосом современных онтологий и нашим обращением именно к религиозной, а не гносеологической концепции веры.

Обращение именно к религиозной трактовке, на наш взгляд, является необходимым и важным потому, что оно позволяет рассматривать веру как отношение к не-существующему. Бог и воля Бога в христианской традиции рассматриваются как бесконечно превосходящие любые наши суждения или прогнозы. В этом смысле отношение к Богу можем быть аналогией отношения к чему-то невозможному или превосходящему все наши представления. Разработанное в контексте отношения к Богу, который принципиально есть не-объект, понятие веры поэтому может использоваться и в рассуждении об отношении к бытию, которое также точно вне существования.

Интересно отметить, что, например, Мейясу, раскрывая концепт контингентности, близко подходит к религиозному феномену веры. В частности, это происходит в «Дилемме призрака», которая построена вокруг мнимого противопоставления религиозной и атеистической позиций, каждая из которых содержит утверждение о необходимости: необходимости Бога или его отсутствия. В качестве альтернативы Мейясу утверждает контингентность Бога, который «должен иметь возможность быть, но нет ничего мыслимого, что принуждало бы его к существованию» (Мейясу 2013: 77). Заявление о контингентности Бога приводит Мейясу к тому, чтобы вновь повторить кантовский (религиозный вопрос): «...теперь, когда я могу надеяться, на что мне позволено надеяться?» (Мейясу 2013: 80). Снятие противопоставления религиозного и атеистического как противопоставления доказанного существования Бога и доказанного его отсутствия открывает возможность поставить вопрос об отношении к той самой открытости,

перед которой мы оказались. И мы полагаем, что в данном случае как раз будет очень полезно использовать аналогию с понятием веры.

Понятие веры как *doxastic venture*, предлагаемое Дж. Бишопом, опирается на концепции С. Кьеркегора, У. Джеймса, Ж. Дерриды. Вера рассматривается в качестве образа действия в ситуации предельной неопределенности статуса. Смысл веры как отношения к будущему заключается в том, что «верить» – значит действовать исходя из того, что будущее – это абсолютное благо. Верящий принимает неизвестность будущего, его принципиальное отличие от настоящего. И считает, что наступающее будущее лучше него знает, что будет хорошо. Вера представляет собой практическую позицию. Верить – это действовать так, как будто предмет веры существует. Также вера дает нам пример отношения к любому бытию. Она предполагает принятие того, что любое бытие – это благо.

В статье «Faith» в «Stanford Encyclopedia of Philosophy» дается определение веры как *doxastic venture*, где вера – это «практическое обязательство». То есть не просто утверждение о существовании Бога, а намерение и даже необходимость действовать некоторым образом. Вера предусматривает полное «практическое обязательство» по отношению к тому, что считается истиной (Bishop 2016).

Указание на практическую природу веры вовсе не предполагает написания слова «истина» с большой буквы и обязательного уклона в мистицизм или религиозность. Определение может даваться через повседневные и логические примеры. Мы говорим, что некто верит, что «р» истинно, если сообразует с этим свои практические действия (Bishop 2002: 473). Можно здесь привести грубую аналогию: мы верим прогнозу погоды, когда берем зонтик, то есть действуем в соответствии с прогнозом. И не верим ему, если не меняем своего поведения. В этом ключе вера – это всегда практическое действие, поступок или поведение.

Вера представляет собой образ действий, который основан на недоказанных или недоказуемых положениях. Здесь важна терминологическая определенность: вера не просто «подтверждается» действием, она и есть действие по своей природе. Она не только «дар», но и «действие» (Bishop 2002: 475).

Но действие веры – это не какое-то конкретное мероприятие или набор практик. Вера рассматривается в качестве такой установки, которая подчиняет себе весь образ жизни человека. Здесь уместно обращение к Кьеркегору и его «рыцарю веры».

Кьеркегор определяет «рыцаря веры» через противопоставление его «рыцарю отрицания», где рыцарь отрицания принял бессмысленность своих притязаний и выстраивает исходя из этого отказа собственное существование, а «рыцарь веры» сохранил веру, несмотря на очевидную ее абсурдность. «Рыцарь веры» действует и организует собственную жизнь, руководствуясь тем, что он получит принцессу «силой абсурда» (Кьеркегор 2010: 42). «Рыцарь отрицания» построил удобное для себя существование на основании полученного отказа – поэтому он и не в состоянии более быть с принцессой (Кьеркегор 2010: 46). Образ жизни рыцаря веры, напротив, зависит от веры в то, что принцесса может быть с ним.

Ярким литературным примером осмысления веры является «Снежная королева» Ханса Христиана Андерсена. Читать эту историю следует прежде всего как историю веры, а не дружбы, морального императива или жертвенности. Герда во время своего путешествия не рассуждает о долге, не жалуется на трудности или опасность: она совершенно уверена в том, что найдет Кая. Финка говорит о Герде: «Я не могу сделать ее сильнее, чем она есть: она прошла босиком полстраны, ей помогают и люди, и звери». Именно вера в то, что она обязательно встретит Кая, а вовсе не ценность товарищества или моральный императив направляет и оберегает Герду. Андерсен подчеркнет это в концовке сказки, которая завершается отрывком из Евангелия о том, что в Царство небесное войдут те, кто «будут как дети». Эта концовка еще раз отсылает нас к по-детски наивной и несокрушимой вере Герды. И мы знаем, что Герда «верила», не потому, что она декларировала это в словах, а потому, что она действовала так, как будто будущее безусловно хорошо. В подобном контексте вера сродни наивному отношению детей к миру, предполагающему, что «все обязательно будет хорошо».

Таким образом вера прочитывается и в кьеркегоровских «Беседах» 1843 г., и в истории о жертвоприношении Авраама в «Страхе и трепете». В частности, беседа о вере начинается с вопроса о пожелании, которое не девальвировалось бы со временем, не потеряло бы смысла в будущем (Кьеркегор 2016: 18-20). Здесь сразу на первый план выходит проблема любого будущего: будущее совершенно непредсказуемо и может уничтожить ценность любой «хорошей вещи», о которой обычно говорят в церкви, кроме веры.

Вера осуществляется совершенно вне «твоей способности объяснить и предвидеть происходящее» (Кьеркегор 2016: 49). Если бы она была основана на способности предсказывать, то имела бы отношение к настоящему, а не к будущему. В основе веры не прогноз, а «чаяние победы» (Кьеркегор 2016: 54), причем оно указывает не на конкретный образ «победы», но только на то, что случится нечто, что мы признаем победой.

Кьеркегор говорит, что именно Богу известно, что лучше для тебя, а надеяться (чаять) на что-то другое – значит ограничивать его власть и мудрость (Кьеркегор 2016: 69). Верующий полагается на волю Бога, который знает, что именно для него лучше. Именно поэтому непредсказуемое и превосходящее ожидания будущее должно рассматривать как бесспорное благо: оно не может не быть благом, так как его определяет Бог.

Именно в этом контексте мы предлагаем читать сюжет жертвоприношения Исаака в «Страхе и трепете». Действия Авраама Кьеркегор оценивает через противопоставление его трагическому герою. Трагический герой приносит жертву ради признания ее моральной ценности. Авраам же действует, понимая, что его жертве нет никакого морального оправдания (Кьеркегор 2010: 75). Результатом противопоставления является лишение Авраама любого оправдания. Никакой прагматизм строгая моральная деонтология не может обосновать или даже принять саму возможность принесения в жертву собственного сына. Именно в этом смысле Авраам не имеет никакой «опоры во всеобщем». Если мы не принимаем в расчет веру, Авраам – просто безумный убийца.

Во что же верит Авраам? Это вера не в то, что жертвоприношение – это благо, но и не в то, что все обойдется и Исаак вернется живым. Строго говоря, Авраам сам не знает, во что именно он верит; в основе его веры лежит тайна, или «секрет». Авраам не только не рассказывает никому о цели своего путешествия (Derrida 1995: 73), но и, отвечая на вопрос Исаака о жертве, «говорит на неизвестном языке» (Кьеркегор 2010: 115). Ответ Авраама – это не просто уловка, не просто способ не давать сыну ужасный ответ. Ответив даже «Я не знаю», Авраам бы солгал (Derrida 1995: 74). Авраам «в точности не знает», что именно произойдет на горе Мориа. И это его не-знание не заставляет его колебаться, не подвешивает его решение о том, как следует действовать (Derrida 1995: 77).

В этой истории понятие веры «асболютизируется», тут подчеркивается принципиальное отличие веры от надежды на чудесный результат. Отвечая на вопрос Исаака о том, кого они будут приносить в жертву, Авраам отвечает: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». Авраам не отрицает, что в жертву будет принесен Исаак. Он, вообще говоря, допускает, что жертва Исаака может состояться (как если бы Герда допускала, что не найдет Кая). И в то же время он верит: то, что задумал совершенно непонятный, трансцендентный Бог, и есть благо. Авраам не рассчитывает на чудо или какой-то конкретный исход. Он только верит, что «все равно будет хорошо, даже если еще не понятно, как именно». И слова «Господь выберет себе агнца» имеют именно этот смысл: Авраам хочет надеяться, но он не смеет надеяться, он не обещает, что все будет хорошо, не обещает, что все будет плохо, он просто держится за веру в то, что «Господь все решит правильно».

В истории с Авраамом вера наиболее полно раскрывается именно как отношение к неизвестному будущему. Это не просто соотнесение своих поступков с невероятным, но желаемым исходом. Это принятие любого исхода как желанного и лучшего. Таким образом, вера становится той точкой зрения, с которой само наступление неизвестного будущего есть благо и его можно желать. Верящий не верит в конкретный результат, он верит, что любое будущее само по себе хорошо. В каком-то смысле можно сказать, что вера рассматривает будущее как цель. И в таком ключе она может интерпретироваться в качестве возможного практического отношения к контингентному бытию. Для веры трансцендентность, принципиальная внеположенность бытия любым прогнозам или закономерностям не является проблемой. Считая, что неизвестное будущее – это благо, вера предполагает, что у нас может быть разумный мотив для того, чтобы желать наступления неизвестного будущего. А значит, и действовать, поддерживать свой образ жизни в соответствии с этой возможностью.

* * *

В заключение работы кратко перечислим основные шаги и выводы. Мы начинали с указания на проблему, которая создается в поле современных онтологий. Это проблема не теоретического, а практического плана:

дело не в том, что мы не можем нечто осмыслить, а в том, что нам непонятно, каким образом действовать.

Для современных онтологий характерно признание множественности сущего, которое равно или «равноразлично» – нет такого привилегированного сущего, могущего подчинить себе остальные. Исходя из этого равенства переосмысливается идея общего или единства. Множественность предполагает отсутствие центра и отсутствие отношений подчинения (вернее гарантированных отношений подчинения), поэтому взаимодействие сущих оказывается таким процессом, который и порождает общее. Появление общего как в смысле некоторой структуры (общности), так и в смысле самих обобщающих связей представляет собой спонтанный процесс, в котором взаимодействия случайны, спонтанны и непредсказуемы.

Мир, который складывается из спонтанных взаимодействий, где сами взаимодействия или связи также являются «действующими лицами», не может быть заранее предсказан и структурирован. Он очень сложен, и его развитие не подчиняется никаким вычислимым законам. Следует сказать, что такой мир и его законы контингентны. Положение о контингентности мира также проговаривается в понятии «любого бытия» или «любого будущего»: бытие или будущее могут быть совершенно любыми.

Из этого следует проблема, которую мы бы назвали практической или «научно-практической». А именно если цель науки или познания есть выявление общих законов, на которые можно рассчитывать и в соответствии с которыми можно строить свое поведение и свои планы, то контингентная современная онтология разрушает эту возможность. Такая онтология может быть только дескриптивной: она может описывать происходящее постфактум, но не имеет никакого технологического или проективного потенциала.

Для того чтобы обозначить возможный способ практического отношения к бытию или любому будущему, мы обращаемся к понятию веры. Вера рассматривается нами в качестве образа действия. Верить – значит действовать исходя из того, что предмет веры существует. Кроме того, вера позволяет рассматривать любое будущее или наступление неизвестного в качестве блага.

Контингентность бытия, совершенная непредсказуемость будущего означает, что мы не можем на него рассчитывать, не можем строить свое поведение в соответствии с его конкретным сценарием. Но вера дает нам возможность считать, что неизвестное будущее лучше настоящего, что оно и есть благо. Поэтому вера предполагает, что у нас может быть разумный мотив для того, чтобы желать наступления неизвестного будущего. А значит, и действовать, поддерживать свой образ жизни в соответствии с этой возможностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Д. 2008. Грядущее сообщество. М. : Три квадрата. 144 с.
Вяткин Д. 2017. Плазма в себе: между онтологией и эпистемологией // Логос. № 3(118). С. 57-82.

- Деланда М. 2014. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый : Ин-т общегуманит. исслед. 338 с.
- Деланда М. 2017. Новая онтология для социальных наук // Логос. № 3 (118). С. 35-56.
- Джеймс У. 1997. Воля к вере. М. : Республика. 431 с.
- Керимов Т. 2011. Бытие и различие. М. : Акад. проект : Фонд «Мир». 256 с.
- Красавин И. 2017. Гетерархия множества // Логос. № 3(118). С. 173-198.
- Кьеркегор С. 2010. Страх и трепет. М. : Культурная революция. 488 с.
- Кьеркегор С. 2016. Девять бесед 1843 года. М. : Рекорд. 324 с.
- Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 384 с.
- Мейясу К. 2013. Дилемма призрака // Логос. № 2(92). С. 70-90.
- Мейясу К. 2015. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый. 196 с.
- Пикеринг Э. 2017. Новые онтологии // Логос. № 3(118). С. 153-172.
- Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика. 447 с.
- Харман Г. 2015. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс. 152 с.
- Харман Г. 2017. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. № 3(118). С. 1-34.
- Bishop J. 2002. Faith as doxastic venture // Religious Studies. № 38. P. 471-487.
- Bishop J. 2016. Faith [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Ed.) / ed. by Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/faith/> (дата обращения: 02.04.2018).
- Derrida J. 1995. The gift of death. Chicago : Univ. of Chicago Press. 121 p.
- Milbank J. 2003. Being reconciled. Ontology and pardon. London : Routledge. 257 p.

A. Zheleznov. Vera kak prakticheskoye otnosheniye k kontingentnomu bytiyu [Faith as practical attitude toward contingent being], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 7–24. (in Russ.).

Andrey S. Zheleznov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: itsnomoredancing@gmail.com

Article received 24.04.2018, accepted 06.06.2018, available online 01.07.2019

FAITH AS PRACTICAL ATTITUDE TOWARD CONTINGENT BEING

Abstract. The main idea of the article is to show how the concept of faith could resolve problem, which is created in modern ontologies. Under the term «modern ontologies» we understand concepts of Latour (ANT), Harman and Meillassoux (speculative realism), Kerimov and Krasavin (heterology). Within the framework of these ontologies, the world is described as a field of unexpected connections between equivalent entities.

New participants and relationships are produced and changed by the process of that interaction. The world and its laws are contingent, they can change, and change at any time. Modern ontologies put us in front of an absolutely unknown future and deny certainty in predictions or calculations. Science is no longer able to predict the changes taking place in the world, society, and our identities due to the process of the world's permanent creation from the connections between a multitude of equal participants. As a result, we have a practical problem: it is not clear how to act reasonably in the world, which constantly gets out of control. Therefore, it is necessary to find ways of correlating our actions or our way of living with being given as «any being». The concept of faith brings us closer to the solution of this problem. Based on model of faith of Kierkegaard, James, Derrida, and Bishop, we can treat faith as practical attitude to any future. Faith is an act or activity, which correlate with the object of faith. Faith has a practical nature. And in the same time, faith implies acceptance of any future as a value and a blessing.

Keywords: ontology; difference; contingency; ANT; object-oriented ontology; being; future; faith.

References

- Agamben D. *Gryadushchee soobshchestvo* [The Coming Community], Moscow, Tri kvadrata, 2008, 144 p. (in Russ.).
- Bishop J. Faith as doxastic venture, *Religious Studies*, 2002, no. 38, pp. 471-487.
- Bishop J. *Faith*, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2016. Ed. by Edward N. Zalta), available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/faith/> (accessed April 02, 2018).
- DeLanda M. *Novaya ontologiya dlya sotsial'nykh nauk* [A New Ontology for the Social Sciences], *Logos*, 2017, no. 3(118), pp. 35-56. (in Russ.).
- DeLanda M. *Voyna v epokhu razumnykh mashin* [War in the Age of Intelligent Machines], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyy uchenyy, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014, 338 p. (in Russ.).
- Derrida J. *The gift of death*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1995, 121 p.
- Harman G. *Chetveroyakiy ob»ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object], Perm, Gile Press, 2015, 152 p. (in Russ.).
- Harman G. *Seti i assablyazhi: vozrozhdenie veshchey u Latura i Delanda* [Networks and Assemblages: the Rebirth of Things in Latour and DeLanda], *Logos*, 2017, no. 3 (118), pp. 1-34. (in Russ.).
- Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being], Moscow, Respublika, 1993, 447 p. (in Russ.).
- James W. *Volya k vere* [The Will to Believe], Moscow, Respublika, 1997, 431 p. (in Russ.).
- Kerimov T. *Bytie i razlichie* [Being and Difference], Moscow, Akademicheskyy proekt, Fond «Mir», 2011, 256 p. (in Russ.).
- Kierkegaard S. *Devyat' besed 1843 goda* [Nine Upbuilding Discourses of 1843], Moscow, Rekord, 2016, 324 p. (in Russ.).
- Kierkegaard S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling], Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2010, 488 p. (in Russ.).
- Krasavin I. *Geterarkhiya mnozhestva* [Heterarchy of Multitude], *Logos*, 2017, no. 3(118), pp. 173-198. (in Russ.).
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014, 384 p. (in Russ.).

Meillassoux Q. *Dilemma prizraka* [Spectral Dilemma], *Logos*, 2013, no. 2(92), pp. 70-90. (in Russ.).

Meillassoux Q. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay On The Necessity Of Contingency], Ykaterinburg, Moscow, Kabinetnyy uchenyy, 2015, 196 p. (in Russ.).

Milbank J. *Being reconciled. Ontology and pardon*, London, Routledge, 2003, 257 p.

Pickering A. *Novye ontologii* [New ontologies], *Logos*, 2017, no. 3(118), pp. 153-172. (in Russ.).

Vyatkin D. *Plazma v sebe: mezhdu ontologiy i epistemologiy* [Plazma in Itself: Between Ontology and Epistemology], *Logos*, 2017, no. 3(118), pp. 57-82. (in Russ.).

Гаспарян Д.Э. Необъективируемая природа сознания в трансцендентализме Мераба Мамардашвили // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 2, с. 25–44.

УДК 101.8

DOI 10.17506/aip.2019.19.2.2544

НЕОБЪЕКТИВИРУЕМАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМЕ МЕРАБА МАМАРДАШВИЛИ¹

Диана Эдиковна Гаспарян

кандидат философских наук,

доцент Школы Философии

Департамента Гуманитарных наук НИУ-ВШЭ,

старший научный сотрудник

Лаборатории Трансцендентальной философии НИУ-ВШЭ, г. Москва, Россия.

E-mail: anaid6@yandex.ru

Материал поступил в редколлегию 20.08.2018 г.

Сознание – это не знание, это – со-знание, это то, в чем мы знаем нечто другое, не зная того, в чем мы это знаем; это нечто, что сопровождает знание и в чем будет знание и только там будет, а в другом месте не будет, но что (то есть это нечто) при этом мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть частицу «со-» в самом со-знании превратить в объект. И это есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но мы никогда не видим сознание.

М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский²

В статье предложен анализ некоторых идей М. Мамардашвили о «невидимой» и «незнаемой» (М. Мамардашвили) природе сознания, которая передается в статье термином «необъективируемость». Речь идет об идее принципиальной непредметности сознания, равно как невозможности построения натуралистической онтологии, которая учитывала бы опыт сознания. Под непредметностью подразумевается не только нефизичность сознания, но и логическая невозможность позитивно-утвердительного схватывания сознания в терминах стандартных субъект-объектных определений. Сознание не является объектом, более того, со-знание вообще не может *являться*, хоть и позволяет являться вещам и миру. В статье показано, что значительная часть философской работы М. Мамардашвили была направлена на осмысление феномена изначальности сознания. Аргументируется,

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 18-011-01234 «Принцип трансцендентализма в российской философии (XIX–XX вв.)», 2018–2021 гг.

² См.: (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 364).

что парадоксальная природа сознания может быть рассмотрена в терминах трансцендентальности. При этом в статье предлагается определенная интерпретация понятия трансцендентального и обосновывается оправданность его применения к сознанию. Утверждается также, что философский метод Мамардашвили можно назвать особым видом трансцендентализма, в котором наряду с традиционными мотивами были выработаны специфические, собственно авторские, акценты.

Ключевые слова: философия Мераба Мамардашвили, сознание, трансцендентализм, критика натурализма, рефлексия, критика дуализма.

Введение: понятие объекта. Несмотря на то что в советской философии не пользовался популярностью термин «натурализм»¹, в ней активно использовался термин «материализм». Материализм как направление, разрабатываемое в контекстах советской философии, можно с некоторыми оговорками соотнести с современным физикализмом или, более расширительно, *натурализмом*. В самой обобщенной версии материализм (натурализм) настаивает на отождествлении ментального с физическим, то есть отрицает реальность ментального. Реально то, что протяженно, а в более современных уточнениях – то, что измеримо. В предлагаемом исследовании нет необходимости подробно останавливаться на постулатах материализма, скорее, нас будет интересовать его предшественник, а именно натурализм. Иногда натурализм и материализм полагают равнозначными, но есть основания полагать, что натурализм несколько шире материализма. Натурализм не просто сообщает о том, что реальное есть протяженное или измеримое. Реальной для натурализма становится любая объективация. Реально то, что является или может явиться объектом². Но что есть объект? Если мы намерены использовать смысловую пару понятий «материальное – идеальное», то объектом может быть и что-то вполне идеальное. Какое тогда определение объекта следует сделать рабочим для натурализма и его возможного оппонента? Объектом выступает то, что может быть наблюдаемо или мыслимо без посредства тех свойств или признаков, которые составляют сам этот объект. Иными словами, объект может быть отделен от наблюдателя или процедуры наблюдения. Это то, что можно поставить

---

¹ Впрочем, в советской философии термин «натурализм» частично задействовался при изучении творчества французских философов XVIII в., З. Фрейда, некоторых советских физиологов, а зачастую и всего позднего позитивизма. Также в области исследования проблемы сознания нередко «натурализмом» называют наследие Д.И. Дубровского – в противоположность наследию Э.В. Ильенкова. В настоящей работе подразумевается противопоставление трансцендентализма и натурализма, которое для отечественной философской мысли сравнительно ново.

² Необходимо отметить, что способ использования термина «объект» у Мамардашвили нуждается в некоторых оговорках. С одной стороны, несмотря на свои феноменологические предпочтения, М.К. Мамардашвили в ряде работ продолжал классическую традицию философского понимания терминов, согласно которой субъект – это источник активности, а объект – это то, на что направлена активность субъекта. Однако при тематизации сознания Мамардашвили в большинстве случаев подразумевает, что правильной всего было бы «вынести за скобки» субъект-объектную парадигму вообще.

перед мышлением или восприятием, соблюдая четкую границу между наблюдателем или наблюдением (если угодно, субъектом) и наблюдаемым (собственно объектом). Отсюда следует, что определение объекта в натурализме будет своего рода диспозициональным. Такие свойства, как «материальность» или «идеальность», отходят на задний план, высвобождая место свойству полной отделимости наблюдаемого (мыслимого) от ненаблюдаемого (немыслимого). Объект в самом широком смысле – это некое «что», или некая «сущность», способная быть выделенной и обособленной.

С данными базовыми определениями мы можем подойти к тому, как сознание понимается у М. Мамардашвили. На этом пути мы попробуем понять, в каком смысле его подход к сознанию противостоит натуралистскому, а также в чем состоит своеобразие развиваемой им феноменологии сознания. Интересным в этом плане может оказаться и обнаружение того, в какой степени его аргументы сохраняют свое значение для различного рода дискуссий между натурализмом и трансцендентализмом в современной философии сознания.

Критика натуралистской теории сознания. В знаменитой совместной работе М. Мамардашвили и А. Пятигорского «Символ и сознание» немало страниц посвящено критике возможности создания позитивных и натуралистских теорий сознания, а именно таких, где сознание дано как некий объект, о котором можно говорить с позиций родо-видового или субъект-объектного дуализма. Центральная мысль авторов заключается в том, что говорить о сознании нельзя, и это серьезно путает карты тем, кто намерен создавать различные теории сознания. Главным аргументом в пользу того, что сознание нельзя сделать объектом теоретизирования, становится феноменологическая интуиция, в общем-то классическая для философии. Только с помощью самого сознания мы можем что-либо обнаружить. Оно является той начальной позицией, дальше которой невозможно отступить. Если мы обнаруживаем в мире вещи, мы знаем, что до вещей мы нашли в мире сознание. «...Любая попытка детерминистического восстановления начальных условий содержит в себе уже в скрытом виде сами эти начальные условия. Но это не тот вид начальных условий, который предположительно является генетически предшествующим, – генетически предшествующее начальное условие исчезло и невозстановимо» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 355). Только через сознание даются нам вещи. Но если это так, то опередить само сознание, поставив себя впереди него, нельзя. Сознание не обнаруживает себя как вещь, но в этом суждении существенна не его нефизическая (невещественная) природа, а то, что оно не объективируется ни как вещь, ни как идея. Его положение относительно нас, носителей самого сознания, парадоксально – оно совпадает с нами, его нельзя отодвинуть и от него нельзя отделиться. К нему нельзя отнестись, поскольку от него нельзя отмыслиться. Оно сращено с наблюдателем, и в то же время наблюдатель знает о своем сознании; он знает, что он сознает, сознает свое сознание. То обстоятельство, что мы знаем о своем сознании, могло бы подвинуть к тому, чтобы настаивать на возможности его объективации. Но это не совсем так. Знание о своем сознании позволяет нам

сказать, что оно есть. Если бы это было не так, то никакие разговоры о сознании, ни утверждающие его, ни отрицающие, были бы невозможны. Но следует ли автоматически из его существования его объектность? Если *что-то* существует, значит ли, что это *что-то* – объект (предмет, сущность)? Как раз против такой связки и выступает критика натурализма и, напротив, на наличии подобной связки всегда настаивает сам натурализм. Все, что мы читаем у Мамардашвили на страницах совместной с Пятигорским работы, указывает на его интуицию размыкания связи между существованием сознания и схватыванием его в качестве некоего объекта (предмета или сущности). «Мы не можем со-знание, то есть частицу “со-“ в самом со-знании превратить в объект. И это есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но мы никогда не видим сознание» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 364).

Тогда получается, что создание традиционной теории сознания сопряжено с двумя главными трудностями. Во-первых, любая попытка его описания «уже содержит в себе те условия и средства, происхождение которых как раз и должно быть выяснено» (Мамардашвили, Пятигорский 1997: 45). Во-вторых, для того чтобы осознать сознание, его надо приостановить. «Сознание становится познанием, и на это время перестает быть сознанием...» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 364). На этой трудности мы еще остановимся ниже. Теории сознания сталкиваются с трудностями потому, что теория подразумевает выделение объекта. Большинство теорий строятся на основе тривиального разделения на предмет и метод. У теории должен быть предмет, к которому прилагается некий инструмент – метод. При этом предмет не должен сводиться к методу. Но если предмет начинает накладываться на метод, фактически совпадать с ним, то теория строится на каких-то паранормальных основаниях. Как раз на такую паранормальность любых теорий о сознании и указывает Мамардашвили. «...В гуманитарных науках... приходится оперировать понятием единого континуума бытия-сознания и рассматривать “бытие” и “сознание” лишь в качестве различных его моментов, имея в виду области, где теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого и т. д. Но здесь как раз и появляются (и сохраняются в теории, претендующей на объективность метода описания) превращенные объекты (иррациональные выражения...) как знаки, “свидетельства” неустранимого различия между бытием и сознанием, как символы того, что при всей слитости в некотором общем континууме бытие и сознание не могут быть отождествлены» (Мамардашвили 1992).

В связи с этим он фактически обращает наше внимание на необходимость отказа от риторики объяснительных стратегий в отношении сознания. Как правило, именно объяснительный подход не может обойтись без отсылки к разделению на предмет и метод. Объяснить – значит указать на причинно-следственную связь между одним и другим. Объясняем мы что-то тогда, когда воспроизводим связь понятий или явлений. Кроме того, объяснение предполагает родо-видовые процедуры. Объяснить – значит най-

ти род для вида или встроить вид в род. Но в отношении сознания обе эти процедуры оказываются невыполнимы. У сознания нет рода, ибо его нельзя превзойти. Равно обнаружение причинного ряда, приводящего к порождению сознания в качестве следствия, упускает замечание, сделанное выше – раньше сознания ничего нет, оно субстанциально в классическом философском смысле, поскольку начинается, всегда и только, с самого себя.

Критика субъект-объектного дуализма как предпосылки натурализации сознания. Выше мы уже ссылались на такую трудность объективации сознания, как необходимость «приостановки». Если сознание пытается сделать предметом рассмотрения, то «...на это время оно перестает быть сознанием...» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 37).

По сути, это положение, которое восходит к Декарту и большинству новоевропейских философов, имеет в виду критику классической теории рефлексии. Согласно классическому представлению рефлексия – это отражение, которое пассивно, а именно ничего не добавляет и не убавляет, но лишь регистрирует работу сознания в ее первоначальном виде. Волшебная функция сознания заключается в способности превратить самое себя в объект и при этом сохраниться как сознающее этот объект сознание, не чуждое, но со-принадлежащее ему. Оспаривая эту наивную установку западной гносеологии, Мамардашвили специально вводит понятие *сферы сознания*. Делая скидку на условность вынужденных терминов и моделей, попробуем понять, что подразумевается в этом понятии. Как пишет Мамардашвили, план «субъекта–объекта» не является первичным планом умозрения. Таковым выступает другой абстрактный синтезирующий план – сфера сознания. Сфера сознания не есть некий субъект, понимаемый как универсальное основание наблюдения в рамках рефлексивной процедуры, но она включает в себя как свойства объекта, так и свойства субъекта (Мамардашвили, Пятигорский 1971). Это некое лишенное дуальности отношение себя к себе.

В классической философии сознание понимается как некий объект, то, что принадлежит человеку (субъекту), для которого обладание сознанием со всеми его данными является самой достоверной точкой отсчета. Сознание можно определить посредством самоотражения. *Со-знание* есть тогда, когда есть удвоение регистрирования знания – мало просто знать, следует *знать, что знаешь*. Рефлексия вводится как некая уникальная способность *быть для себя прозрачным*. Прозрачность означает, что сознание дано самому себе таким, как оно есть, «по истине», без каких бы то ни было искажений. Ответ философов на неудобный вопрос: «Каким образом сознание может быть предметом исследования?» – предполагал обращение к «чудесным» свойствам рефлексии. К сожалению, эти положения несвободны от ряда парадоксов. Как раз на них обращает наше внимание Мамардашвили.

Главная трудность приписывания рефлексии дуалистических свойств заключается в том, что дуализм если не на первом, то уже на втором шаге обращает сознание в объект. Пусть это заметно не сразу и субъект-объектный дуализм удачно ложится на наши обыденные установки и ожидания здравого смысла. Но уже на втором шаге сознаваемое всякого рефлексивного акта

начинает тематизироваться в терминах объектности, и мы сталкиваемся с описанными выше трудностями.

Именно в этой связи Мамардашвили предлагает понятие *сфера сознания*, которое вводится им как разрешающее парадоксы классической теории сознания. Согласно его трактовке можно представить более универсальный способ описания, чем способ методических дуализмов. Первое, что мы обнаруживаем при наблюдении опытов сознания, – это то, что структура события сознания иная, чем структура события внешнего (физического) мира. Но событие сознания не только нельзя описать с помощью «субъект-объектной схемы» (Воронина 2003), данное событие также нельзя разложить на такие понятия, как *сущность* и *явление*. В классической философии, с которой Мамардашвили вновь вынужден разойтись, реальным существованием обладает только сущность, а явление есть нечто фиктивное, как бы мы сейчас сказали виртуальное, обязанное своим существованием чему-то еще, то есть, по сути, не обладающее собственным бытием. В событии сознания нет никакой возможности отделить сущность от явления. Явление обретает самостоятельное существование и ни в какой другой сущности для своего существования не нуждается. При таких условиях оно становится особым явлением или тем, что в феноменологии принято называть *феноменом*. События (или состояния) сознания имеют феноменальную структуру. Что такое феномен? Феномен – это некое целостное образование сознания, далее не разлагаемое и не нуждающееся в объяснении через что-то другое. Например, когда я вижу из окна фасад соседнего дома, то этот факт является феноменом сознания. Феномен самодостаточен и потому в феноменологии приняты «вынесение за скобки» внешнего мира и полная сосредоточенность на данностях сознания.

Сказанное выше напрямую связано еще с одним соображением Мамардашвили, а именно с пересмотром классического представления о *рефлексии как отражении*. Речь идет о сомнениях относительно свойств сознания сохранять нейтральность по отношению к самому себе. Под этим чудесным качеством классическая философия подразумевает способность сознания наблюдать за своей работой, то есть, по сути, способность к ведению режима самоотчета. Как уже указывалось, основной в этом самонаблюдении является пассивность отражающей функции. Такое положение соответствует тому, что служит важной посылкой классической философии, исходя из которой «самая достоверная точка отсчета для любого явления сознания есть данность сознания» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 47).

Согласно этому тезису предполагается, что у сознания имеется прямой опыт самого себя, то есть ему даны такие состояния, о которых оно может с достоверностью сказать, что знает свои мотивы. Как раз этот классический ход ставится Мамардашвили под сомнение. Условием всякого сознательно-го акта являются акты, которые прошли вне и помимо всякой рефлексии, оставаясь для последней недоступными. Речь идет о том, что существует некий «необъективируемый остаток» в мышлении, который собственно и есть само мышление. В сказанном можно легко убедиться – на простейший вопрос: «Как мы мыслим?» – субъект затрудняется дать внятный ответ.

По большей части все сводится к неким тавтологиям – мышление описывается с помощью самого же мышления. Каждый согласится с тем, что, когда он видит вещь, то, конечно, понимает, что это именно *он* ее видит. Проблема заключается в том, что мы не видим, *как* мы видим, не понимаем, *как* понимаем. Можно ли составить алгоритм, который раскладывал бы процедуру понимания таким образом, чтобы ее мог бы воспроизвести кто-то другой или даже мы сами? Скорее все выглядит так, что мы должны были бы сказать: с нами *случается* понимание. «...Мы мыслим то, что порождено в нашей голове каким-то стихийным потоком, что *пришло нам в голову*. Тогда как мыслить в настоящем смысле – это мыслить не то, что мыслится само собой, а то, что порождается на каких-то скоординированных и концентрированных основаниях, в источнике которых находишься ты сам. ... Значит, мы сталкиваемся с какими-то несоставляемыми состояниями мысли, в которых “помыслить” означает знать, что это так» (Мамардашвили 2000: 47).

Допустим, нам дается задание решить некую математическую задачу или отгадать загаданное слово. Мы успешно справляемся с этой задачей. Однако, когда нас просят объяснить, *как* мы пришли к нашему решению, мы лишь *дублируем* его. По большей части *под видом объяснения процесса мышления мышление запускается еще раз*. Мы еще раз показываем готовое решение, но затрудняемся вскрыть его генезис. Точно также прочтение доказательства теоремы Пифагора в первый раз может не привести к ее пониманию, во второй раз – привести, а в третий – вновь остаться непонятым. При этом мы можем помнить о своем понимании, но не испытывать самого понимания. Понимание было, но прошло. В данном случае можно сказать, что понимание к нам приходит; язык тут довольно показателен: когда мы говорим, что «идея пришла нам в голову», мы пытаемся передать интуицию нашего ощущения самих себя как пассивных созерцателей недоступной и ограниченно подконтрольной нам работы сознания. При описании работы сознания речь всегда может вестись только в модусе *постфактум*, как о чем-то случившемся. Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, Мамардашвили прибегает к специальному термину *факт сознания*. Факт есть то, что происходит само по себе и может быть лишь застигнуто наблюдателем, который в состоянии констатировать факт, но не в состоянии его изменить.

Кроме того, многие умственные операции, которые мы производим, – от навыка речи до навыка счета – попросту не осознаются нами. Например, никто не будет спорить с тем, что мы не рефлексируем правила языка (грамматики), когда говорим, притом что говорим (на родном языке) по большей части правильно. «Например, применяя те или иные лингвистические формы, люди не думают при этом об их строении и законах, а думают о высказываемом содержании, об объектах» (Мамардашвили 2007: 56). И, наконец, когда мы совершаем любую умственную работу, мы хорошо чувствуем, что имеем к происходящему косвенное отношение – мыслительный процесс как будто протекает по своим собственным законам. В каком-то смысле этот процесс носит бессубъектный характер: задачи решаются, стихи вспоминаются, предложения формулируются, образы рисуются и т.д.

Любопытно, что намерение сохранить субъект-объектный дуализм в сознании фактически ведет к применению дуалистической парадигмы к самому сознанию, а последнее, в свою очередь, легко перетекает в натурализм. Любые практики обращения сознания в объект в конечном итоге подразумевают такую онтологию, где кроме «сознания» есть «не-сознание» и где, заняв позицию «не-сознания», можно вести поиск сознания. Мир оказывается представлен двумя измерениями (в чем и состояла картезианская модель онтологии), и можно попеременно занимать то одно измерение, то другое. Вдвойне парадоксально, что в подобной онтологии способность осциллирующей миграции присваивается субъекту, который в качестве предположительного носителя сознания может тем не менее начинать с констатации вещей как не-присутствующих в его сознании, чтобы потом спрашивать, как и где внутри мира вещей может располагаться сознание. Этот вопрос обычно предстает в следующей редакции: как посреди физических фактов могут возникать ментальные факты? Данный вопрос имеет уже вполне натуралистический заряд, но возникает он из простого расщепления мира на «сознание» и «не-сознание», а еще раньше на «сознание о сознании» или на «сознающее» и «сознаваемое». Само расщепление имеет в себе значительный натуралистический потенциал, подтверждением чему может служить то, что картезианская модель сознания выступает отправной точкой для большинства современных теорий сознания аналитической направленности, где силен натуралистический посыл, даже когда речь касается теорий, критически настроенных по отношению к явному редукционизму сознания или различным видам физикализма.

Как нам кажется, Мамардашвили в своем критическом настрое в адрес субъект-объектного дуализма имеет ввиду этот натуралистический сценарий дуальной модели. Именно обращение сознания в объект провоцирует поиски каузальной связи между сознанием и телом, редукционизм в объяснении сознания (посредством сведения к работе мозга) и любые другие стратегии, в которых познание мира начинается с вещей и упускает при этом само сознание, в котором и для которого эти вещи только и даны.

Однако, по Мамардашвили, задача состоит в том, чтобы дать место иному опыту философствования, наиболее радикально ставящего задачу «пересмотра и ограничения всего классического философского поля мысленных операций и идентификаций... которые обычно практикуются наукой применительно к объектам человеческой реальности» (Мамардашвили 1992: 281). Этот опыт «предполагает иные метафизические допущения и постулаты, чем те, которые допускались классикой и полагались ею в качестве всеобщих и универсальных. Наоборот, последние могут быть частным, специальным случаем. Это касается прежде всего пересмотра формулировки таких абстракций, как отношения “описания извне” объектов человеческой реальности и их “описания изнутри” и т.д. Речь в принципе должна пойти о построении онтологического пространства мысли, отличного от так называемого “декартова пространства” и могущего тем самым послужить лоном отработки или, если угодно, изобретения расширенных форм рациональной мысли и объективного знания и описания» (Мамардашвили 2007: 125).

Я мыслю там, где не мыслю. Как же соотносятся друг с другом уровень рефлексии и уровень до-рефлексивного мышления (до-рефлексивного *cogito*)? По мнению Мамардашвили, они вовсе не релевантны друг другу и уж тем более не прозрачны для взаимопроникновения. Их диспозиция такова, что рефлексия есть не нейтральный, но активный процесс, который при своем вторжении *меняет* сознание. «К сознанию можно подходить как не осознанно, так и осознанно. При неосознанном подходе сознание считается случаем отражения или сознания, то есть сознание выступает само как какой-то особый познавательный процесс. И тогда сознание остается “на своем месте”, с ним “ничего не делается”. Но мы здесь предполагаем нечто иное. Мы исходим из того, несколько безумного, предположения, что в тот момент, сейчас, в то время, когда мы рассуждаем о проблеме сознания, когда, как мы говорим, “мы работаем с сознанием”, мы в некотором роде уже его как какой-то спонтанный, естественный процесс исключаем» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 23-24).

Мамардашвили хочет сказать, что, когда мы действительно мыслим, у нашего опыта мышления нет свидетелей, но, как только свидетели появляются, мышление останавливается. Отсюда можно сделать довольно парадоксальный вывод: сознание – это глубоко бессознательный процесс. То же, что мы привыкли называть сознанием (опыт рефлексивного самосхватывания), есть своего рода наивная попытка назначить самому себе свидание. Таким образом, получить доступ к собственному сознанию нам вряд ли удастся. Даже если мы окажемся в заветном месте, мы лишь обнаружим, что сознание здесь было, но ушло. При попытках понять, «как работает сознание», мы привносим изменения в процессы, которые протекают совершенно автономно. То есть, грубо говоря, в нашем присутствии это уже не работает так, как работало «на самом деле». Своеобразие сознания состоит в том, что при попытке его описания мы ликвидируем условия его существования. Мы вносим «неконтролируемое возмущение» в протекающий процесс. Происходящее можно сравнить с ситуацией, когда я пытаюсь увидеть место, где меня нет. Когда меня там нет, то как я его увижу? А когда я там нахожусь, это уже не место, где меня нет. Существуют и менее изощренные примеры: скажем, наша неспособность увидеть собственное тело целиком, так, как мы видим тела других людей, служит хорошей иллюстрацией тому, как устроено сознание. Мы не видим свое тело целиком потому, что глаза принадлежат самому телу. Также и сознание не подлежит объяснению, поскольку объяснение принадлежит сознанию. Прибегая к известному высказыванию Витгенштейна о глазе, который не видит сам себя в процессе видения (Витгенштейн 1958: 88) (мы видим, что видит глаз, но не видим видение глаза, ибо способности имеют измерение дления, но не имеют измерения обращения на себя), можно заметить, что если бы глаз видел себя в процессе видения, то мы всегда видели бы только этот глаз, а не вещи вокруг нас. Если же мы хотим сделать объектом исследования глаз, то мы обязаны извлечь его, предварительно лишив функции видения, и поместить в пробирку. Общий смысл проблемности атрибутирования сознанию дескриптивного принципа

выражается в том, что, заняв позицию, *на* которую смотрят, мы теряем позицию, с которой смотрят.

В феноменологической манере об этом можно сказать следующее. Когда субъект пытается формализовать *способ* своих конституций, вскрыть механизм, описать структуру, процедуру, машинерию, ответственную за работу конституирующего сознания, он постигает *ничто*; все, что ухватывается в этом акте оборачивания на себя сознающего, оказывается пустотой. Программа по объективации механики конституирования становится конституированием «ничто». Возможно, еще более нагляден принцип интенционального наведения на объект; в движении, стремящемся ухватить саму интенцию как объект интенционального акта, объектом этого движения оказывается «ничто»; правильнее сказать, здесь мы имеем отсутствие всякого объекта.

В конечном итоге, суть тех трудностей, которые имеет в виду Мамардашвили, состоит в том, что классические подходы к сознанию фактически его не схватывают. Вероятнее всего, сознание и нельзя схватить, но можно путем почти апофатической практики исключений ошибок понять о нем что-то такое, что было бы для нас ценным. Однако для этого придется отказаться от надежд на понимание сознания в утвердительных категориях, характерное для классической философии. Вопреки постулатам классической эпистемологии никакого примата рефлексии не существует. У сознания, пожалуй, нет чудесной способности отражать самое себя; не эта фантастическая способность сознания позволяет ему себя открыть. Совсем наоборот. Именно нерелексивное сознание делает рефлексию возможной. Мамардашвили подразумевает, что есть некое дорефлективное *cogito*, которое и составляет условие того, что в классической парадигме принято называть картезианским *cogito* (Быкова 2010). То есть условием всякого сознательного акта являются такие акты, которые уже прошли без какой-либо рефлексии и остаются неотраженными в сознании. Дорефлективное *cogito* предшествует картезианскому *cogito*, а некий «необъективируемый остаток» в мышлении и является его самой главной деятельной пружиной. «Более того, само я-*cogito* как живое невербальное знание и активность, онтологическое существование в общем виртуальном поле непрерывного и бесконечно длительного рождения, оказывается гораздо ближе к чему-то «третьему», чем к известным нам двум субстанциям. Так, не есть ли *cogito* то особое место (топос), материя которого тоже особая? Декарт лишь предупреждает: для нас это своего рода непостижимая «третья субстанция». Мы ее знаем как факт, но для нас он непроницаем, и понять его мы не можем» (Мамардашвили 1993: 44).

Для прояснения своей идеи Мамардашвили использует понятие *состояние сознания*. Состояние сознания – это те операции сознания, которые приводят к его продуктивности, но сами при этом не подлежат осознанию. Эти операции находятся не «внутри» психического акта, ибо вообще не имманентны психике. Если нами понимается нечто, то те законы, по которым понимание происходит, не могут быть *поняты*, они не могут стать содержанием самого понимающего опыта. Понимание не ухваты-

вается пониманием, но есть принципиально проективное следствие. Это означает, что оно позволяет видеть себя как *результат*, но не как внутренний процесс; понимание приходит всегда с некоторым опозданием – когда работа сознания проведена и закончена; оно дается нам как следствие, владение которым не позволяет умозаключить к тому, как оно было получено. Как раз на это обстоятельство призвано обратить наше внимание введение понятия «состояние сознания». Оно «позволяет нам работать над той стороной нашего бытия, которая не может быть объектом (ни субъектом!) никакого научного рассмотрения. Поскольку все, что в психике не может быть рассмотрено объективно и в той мере, в какой оно не может быть рассмотрено объективно, есть сознание, постольку то в психике, что является нам вне сознания, может быть с введением категории «состояние сознания» приурочено к сознанию в качестве его состояния» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 64). Несмотря на то что мы не можем сделать работу сознания прозрачной и последовательно промышляемой, мы тем не менее ощущаем, что с нами что-то *произошло*, мы чувствуем, что с нами *случилось понимание*. «Следовательно, всякий действительно исполненный акт мысли можно рассматривать как *событие*. Событие, отличное от своего же собственного содержания. Помимо того, что мысль утверждает какое-то содержание, сам факт утверждения и видения этого содержания есть событие. Событие мысли, предполагающее, что я как мыслящий должен исполниться, состояться. Причем элементом такого события является, например, и то, что Кант называет чувством разума. Казалось бы, странная вещь. Или, кстати, у Пруста потом появится такая замечательная оговорка: он назовет разум бесконечным чувствованием. Очень странно, почему разум – чувствование? Обычно мы различаем эти вещи. А оказывается, здесь имеется в виду как раз то событийное измерение, измерение вот этих событий порядка мысли, в котором состояния мысли, случаясь, не могут быть тем не менее сымитированы, искусственно повторены и продлены мыслью и являются в этом смысле абсолютными» (Мамардашвили 1988: 57-58).

Если бы этого чувства не было, мы не могли бы удостоверить свое понимание, регистрировать его как факт. Между тем данный опыт нам все же доступен – его Мамардашвили также относит к «состоянию сознания». По сути, оно «задает возможность “перевода” сознания в сферу доступного опыта. Подобно тому, как в психоанализе в принципе недоступная прямому опыту сфера бессознательного становится доступной косвенно, символически благодаря особому прочтению текстов, возникающих в психоаналитической беседе. Если говорить о психике как тексте сознания, то можно заключить: “состояние сознания” есть возможность интерпретации сознанием психики как самого себя» (Мамардашвили 1988: 55).

Сознание как избыток. Одним из опознавательных признаков безобъектности сознания является его невстроенность в объектную логику вещного мира. Сознание трансцендентально в том смысле, в котором оно организует проявленность мира как объектного (вещного или абстрактного), но само никак не проявляется в качестве объекта – будь то вещь или

абстрактное понятие. В свою очередь, эту удивительную «непредставленность нигде» можно трактовать и как *нехватку*, и как *избыток*.

Выше мы писали о сознании скорее как о нехватке – его как бы нет, но благодаря ему есть все остальное. Такая его природа схватывается в тот момент, когда мы пытаемся найти сознание среди вещей и понимаем, что быть его здесь не может, как не может место в зале театра быть одновременно частью сцены. Сознание, согласно Мамардашвили, есть такое трансцендентальное условие, которое, будучи ближайшим к нам, никогда не может быть найдено в мире как нечто от нас отличное. Поэтому и говорить о нем как об объекте (вообще как о *чем-то*) нельзя. Сознание – это то, *через-что*, но не то, *что*. Сознание скорее описывается неким *как*, а не неким *что*. Наверное, самая яркая метафора, которая здесь напрашивается, – это метафора света: сознание можно уподобить свету, в котором мы видим все, не видя его самого.

С другой стороны, если все-таки погрузиться в мир вещей и зафиксировать его собственную внутреннюю логику, а потом вновь вернуться к вопросу о сознании, то можно обнаружить *избыточность сознания*, его необязательность для мира вещей. С точки зрения природы вещей сознание миру не нужно, оно никак не включено в ход естественных процессов. Сознание обнаруживается в природе как не-естественное образование, не выводимое из существующих в природе свойств и качеств и не сводимое к ним.

У нас нет удовлетворительной теории, которая объясняла бы, почему в мире существует такое свойство, как способность знать о себе и иметь внутреннее измерение. Это свойство удивительно, и вдвойне удивительна его собственно человеческая природа (Сенокосов 1991). «Философия, или мысль, существует только потому, что мы не рождаемся естественным путем; это и есть необходимый элемент того органа, посредством которого в нас рождается человеческое, хотя определить его невозможно. Оно рождается на каких-то неестественных, неприродных, немеханических, неавтоматических основаниях, и участником этого рождения есть нечто, что мы называем мыслью» (Мамардашвили 2000: 96).

Почему сознание не нужно миру? Потому что мир не нуждается в том, чтобы его осознали. Этот мир выглядит как тот, который есть, который не предполагает своего осознания или, если предполагает, то осознание является контингентным, случайным и необязательным фактом. Конечно, такую логику можно упрекнуть в том, что она подразумевает разделение на сознание и мир, на расторжение их связи, а значит, подразумевает и отказ от интуиции изначальности сознания, – интуиции, которой мы фактически посвятили эту статью. Как пишет К. Малабу, «этот опустошенный, нейтральный, отчужденный мир безразличен к факту мышления о нем» (Малабу 2018: 103). В данную фразу она вкладывает смысл программы отказа от трансцендентального измерения и трансцендентальной философии и возводит ее к философии К. Мейясу, одного из радикальных борцов с трансцендентализмом. Когда Мамардашвили говорит о неестественности сознания, не закрадывается ли сюда противоречие: если мир отделим от сознания, то он возможен без него, а сознание только приходит сюда

из других сфер? Следовательно, возможен момент, когда сознания нет, и соответственно, как-то можно знать мир, в котором сознания еще нет, и с этого неосознаваемого мира можно начинать его осознание? Мы видим, что запутываемся, но причиной этой путаницы служит не совсем верный принцип, который мы кладем в основу разделения подходов – трансцендентального и нетрансцендентального. Такие современные проблематизаторы трансцендентализма, как К. Мейясу и К. Малабу, очевидно отталкиваются от присущей ряду философов (например, М. Хайдеггеру) интуиции одомашненности мира, всегда уже схваченного сознанием. Если нет мира вне сознания, также как нет сознания вне мира, то их родственная связь дается как примиряющая, исконная, устанавливающая естество их совместного сопребывания. Если сознание и мир не разделены, как это полагалось в дуалистических моделях, но взаимообусловлены, то сознание уже нельзя считать противоестественным для мира, его существование также приурочено миром, как мир приурочен сознанием. В такой логике сознание по-прежнему может сохранить свою трансцендентальность (как это и происходит у Хайдеггера) – сознание (мышление) родственно миру, оно всегда уже по поводу мира, однако оно не находит себя в мире на правах сущего. Сознание не может быть отнесено ни к чему из сущего – ни к вещам, ни к идеям, ибо оно не сущностно (безобъектно). Но вопреки такой, условно хайдеггерианской, логике, противникам трансцендентализма как будто достаточно показать чужеродность мира, его «ласковое равнодушие» (А. Камю) – и тотчас мы утратим всякий трансцендентализм: сознание станет не нужно миру, их связь разомкнется в пользу самодостаточности мира, а сознание окажется ненужным и эпифеноменальным в своей основе, бессмысленным довеском, заставляющим задавать известный философский вопрос по-другому: почему мир должен быть осознан, а не наоборот, не осознан? К этим вопросам мы можем отыскать у Мамардашвили некоторые ответы.

Когда Мамардашвили говорит о неестественности сознания, он не имеет в виду возможность отделить его от мира, отказ от феноменологических установок, оговаривающих принципиальную интенциональность сознания, не отменяющую его (сознания) радикальную изначальность. Сознание всегда по поводу мира, но к такому сознанию, сознающему мир, нельзя подойти, его нельзя инициировать и его нельзя положить из каких-то других, несознательных, установок. Сознание всегда дано направленным, равно как отсутствие сознания, опережающее свое начало, не дано. Сознание всегда продолжается, если угодно, как «уже сознание», ибо у нас нет опыта, опережающего сознание. Но из этого, к сожалению, еще не вытекает его родственность миру в значении осмысленности или экзистенциальной близости (как и понятность сути извечного ответа на вопрос: «Почему есть нечто, а не, наоборот, ничто?»). Из одной только направленности на объекты, или трансцендентальной работы сознания, делающей этот мир трансцендентально понятным, еще не следует его экзистенциальная понятность, еще не следует его комфортность и автоматически обеспечиваемая уютность. Мы оформляем этот мир, но мы не понимаем его. Мы живем в мире, «сделанном» под наши трансцендентальные запросы, но нам все еще

не уютно в нем. Мир расположен в нашем пространстве и нашем времени, но мы не находим себя в этом мире как объекты познания и продолжаем спрашивать: к чему это время? и к чему пространство? Почему мы здесь? почему мы такие? почему наше трансцендентальное измерение такое, а не другое? почему у нас ровно столько категорий? пусть это мы сотворили этот мир, но почему мы отныне должны в нем жить? И разве мы выбирали, когда трансцендентально творили этот мир? Был ли у нас вообще выбор? Многие из этих вопросов звучат отчетливо экзистенциально, и это не случайно, так как в определенном смысле подход Мамардашвили можно прочесть как соединение трансцендентализма в значении феноменологии сознания и экзистенциализма как собственно человеческого измерения этого сознания (Мотрошилова 2016).

У Мамардашвили мы читаем про неавтоматичность, неестественность, немеханистичность пребывания человека в мире. Если мир наш, почему мы не вытекаем из него, почему не укладываемся в его логику? Возможно, ответом на этот вопрос может послужить тот особый смысл трансцендентальной философии сознания, который нащупал Мамардашвили. Проводимая им логика позволяет говорить об особой, трансцендентальной, антропологии, исключительно трансцендентальной природе, присущей человеку, человечеству и человеческому в человеке. Эта логика принципиальной внутренней расщепленности и раскола, отсутствия какого бы то ни было изначально общего истока для человека и мира, примиряющего их в их бытии (Деянов, Петков 2010). Человек и есть тот, чье бытие и мышление описывается логикой «вопреки». В мире без человека нет тех смыслов, которые организуют этот мир как человеческий, и человеку дано это понять. В мире нет ни метафизики, ни ценностей, ни смысла, но в нем есть человек, который всегда видит мир через метафизику (осознанно или неосознанно), ценности и смыслы. Как указывал Юм¹, в мире сущего нет должного, и нам, добавим от себя, приходится знать об этой разнице. Поэтому человеческое понимание сводится к модальности «как если бы». Своеобразие трансцендентализма у Мамардашвили описывается следующим положением: я точно знаю, каким должен быть мир, хоть и не нахожу его таким. Мы имеем в меру отчетливый образ (необъективируемый и не схватываемый в терминах позитивного знания) того, каким следует быть миру, хотя нигде в мире не находим реализации этого образа. После этой констатации можно действовать двумя способами, и мы принципиально свободны в своем выборе пути. Мы или полагаемся на логику мира, и это не означает, что мы забыли или не знаем трансцендентальной метрики, составляющей глубину человеческого. Или мы стараемся следовать трансцендентальной метрике; отсюда

¹ Юм пишет: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно или не должно». И далее: «...различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами» (Юм 1998: 213).

не следует, что мы перестали замечать отличие мира от трансцендентального образа. В этом смысле с точки зрения трансцендентальной природы сознания оба выбора сходны – в основе их лежит осведомленность о несовпадении «сущего и должного». Отличными, скорее, оказываются способы практического пребывания в мире. В одном случае мы систематически направляем внимание на *результаты* работы трансцендентального. В другом – на само *трансцендентальное*. Первое характеризует наше сознание в модусе обыденных установок, второе – собственно философских. Однако в обоих случаях человек систематически выходит за пределы естественного порядка событий. Он руководствуется в своем понимании мира тем, чего в нем нет. Именно поэтому мир вовсе не дается нам как что-то настолько близкое и прирученное, чтобы перестать замечать разницу между природным и не-природным (сущим и должным). Но воспринимать мир в его нетрансцендентальной схваченности мы тоже не можем. Подобный мир напрочь утратит для нас какую-либо понятность. Поэтому дело обстоит, вернее всего, так, что мир становится понятен благодаря нашему усилию. И эта ситуация не может ни устранить ощущение усилия, ни столкнуть нас с миром в обход усилий. Человек обустроивает свой мир в режиме «как если бы», но неотменимость сослагательности не позволяет ему слиться с этим миром, стать «своим» в нем; эта связь всегда остается противоестественной, как и сам факт бытия человека в мире. «Значит, когда мы говорим о сознательных структурах, мы говорим о структурах, которые не существуют природным образом. В том смысле, что они не присущи нам как природным существам; они возникают не логически и психологически (т.е. не из наших намерений и психического материала), а на основе процесса, в области которого как раз и должен быть исследован феномен сознания или сознательных, символических структур, имеющих отношение к возникновению эффектов, которые мы постфактум наблюдаем в мире. Следовательно, если мы устраним понятие сознательных структур, то никак не сможем объяснить (да и просто различить) их существование или случание в мире – так же, как никогда не сможем объяснить факт человеческих взбрыкиваний – проявлений человеческой свободы» (Мамардашвили 1992: 22).

* * *

Мы попробовали понять, в каком аспекте у Мамардашвили трансцендентальное указывает на такой способ бытия человеком, при котором все человеческое не принадлежит миру естественных (природных) фактов и вещей. Все существенное в человеке, что его таковым и делает, – ценности, сознание, свобода воли, смысл – в мире природных фактов не встречается. В природе нет сознания – там есть мозг, в природе нет свободы – там есть физический детерминизм¹, и там нет ценностей (этического) – бессмысленно спрашивать о том хорошо или плохо, что трава зеленая, а тела падают вниз, а не вверх.

¹ К утверждению о детерминистическом характере природы требуется одна оговорка. Можно возразить, что современное представление о физике природного мира отличается от лапласовского механицизма и предполагает некоторую

Человек избыточен тому миру, в котором ему надлежит пребывать. Он не вытекает из его законов, и в этом, возможно, состоит наибольший драматизм его существования. Поиски себя в мире в формате научного знания, равно как литературных и художественных образов, упускают из вида сущность человеческого (ментального, смыслового, ценностного). Всякая реконструкция образа человека оказывается лишенной целостности – знание получается либо неполным, либо ложным. Человеческое остается рамочным условием всего мира, крепко-накрепко связанным с этим миром, но устойчиво выпадающим из него. Мир всегда есть вместе с человеком, и мир всегда есть человеческий мир, но нигде в этом мире нет самого человека.

Сознание человека как раз и является той инстанцией, где сказанное раскрывается в полной мере. Сознание формирует мир и открывает для себя этот мир, но само в мир не попадает. Оно дает увидеть физические вещи, но ценой принципиального неведущества сознания. Оно позволяет мыслить предметы, но за счет парадоксальной непредметности сознания. Оно порождает знание, укладываемое в теории, но само лечь в основу теории не может. Сознание – это тот свет, который позволяет увидеть все, сам оставаясь невидимым. Невидимость и означает в данном случае безобъектность. Получается, что все самое важное есть то, что суть мы сами и что сокрыто в нас. Но в той мере, в которой объект мыслится как то, что может быть отделено от нас и расположено вне нас, систематическое запутывание в парадоксах при попытках выстроить теорию сознания становится неизбежным. Эта неизбежность может быть и опасной – в частности, именно в ней может скрываться зерно для различного рода социальных и политических идеологий (см. переписку М. Мамардашвили и Л. Альтюссера: Встреча... 2006; Файбышенко 2016). Сознание непрозрачно для себя. Сознание, которое объективирует вещи, не может одновременно и объективировать,

спонтанность и неопределенность. По крайней мере, в современной научной картине мира речи о жесткой предзаданности всех событий не идет. Означает ли это, что Мамардашвили в своем противопоставлении свободы человеческого измерения и детерминизма природы не учитывал современных научных знаний? Как нам кажется, возможный ответ состоит в том, что под «свободой» Мамардашвили понимает не просто непредзаданность (спонтанность, эффект квантовой суперпозиции, бифуркацию или сингулярность), но свободу как осмысленный и субъективный выбор. Речь идет о принципиально антропоморфной интуиции, лежащей в основе нашего понятия «свободы», отличающегося от понятия «случайности». В рамках этой интуиции мы описываем свободу как выбор между одним и другим, решение в пользу одного, а не другого, предшествующий этому акт воли и т.д. Для Мамардашвили свобода – это всегда человеческое действие. Квант, который спонтанно сдвигается направо, а не налево, не ведет себя «свободно», хотя и ведет себя «случайно». Мы не описываем его терминах свободы, поскольку не считаем его выбирающим свое решение, но как только мы это сделаем, мы будем считать квант субъектом и он перестает быть частью природы. Распространение свободы в указанном значении на природу означало бы тотальную антропоморфизацию всего сущего. Кирпич, совершающий падение по «непросчитываемой» логике, тем не менее не свободен, так как не он выбрал это решение – падать. Он был, если угодно, «принужден к этому случаю». Таким образом, Мамардашвили говорит о философской свободе, которая традиционно предполагает акт воли (выбор), так или иначе отсылает к измерению сознания (сознательного выбора), а значит, к человеку.

и объективироваться. Нельзя наблюдать и наблюдаться. Трансцендентальная природа сознания и сам принцип трансцендентальности определяются этой удивительной и вместе с тем очень простой диспозицией: сама природа наблюдения состоит в том, чтобы систематически упускать из поля наблюдения точку, с которой ведется наблюдение. Самим наблюдением «индуцируется поле понимания и возможного движения мысли, создается замкнутое горизонтом пространство, которое в принципе может пробегать взгляд субъекта, а с другой стороны... отбрасывается своего рода “тень”... индуцируется зона принципиального непонимания, “мертвое пространство”, непроницаемое для луча сознания» (Мамардашвили 1992: 45).

Наблюдение, формирующее картину, не является частью картины в качестве изображенного на ней. Но наблюдение присутствует в картине как то, без чего эта картина не была бы возможна. Если угодно, оно при ней, но не в ней. «Но если это так, то тогда из подвеса любых предметных представлений (а они должны быть подвешены, потому что я мыслю, только находясь в мысли, то есть в “топосе” мысли) я не могу еще с третьей какой-то стороны, с внешней этому позиции посмотреть на себя, выполняющего акт мысли. Это некая беспредметная и бессубъектная мысль. И она – условие экзистенциального акта человеческого существования как возможного события в мире. И она же – основание трансцендентального среза мира или трансцендентального сознания, с позиций которого мы рассматриваем говоримое как возможность того мира, о котором говорится» (Мамардашвили 2007).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Быкова М.Ф. 2010. Событие мысли и проблема трансцендентальной субъективности: об одном аспекте философского проекта М.К. Мамардашвили [Электронный ресурс] // Мераб Мамардашвили: вклад в развитие философии и культуры : сб. материалов Междунар. конф. М. Интелрос. URL: <http://www.intelros.ru/merab-mamardashvili-vklad-v-razvitie-filosofii-i-k/> (дата обращения: 11.05.2018).

Витгенштейн Л. 1958. Логико-философский трактат. М. : Изд-во ин. лит. 248 с.

Воронина Н.Ю. 2003. Концепт «события» у М. Мамардашвили и Ж. Делеза // Философия: в поисках онтологии : сб. ст. / отв. ред. Н.Ю. Воронина. Самара. С. 3-33.

Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер, 2016. М. : Фонд Мераба Мамардашвили. 184 с.

Деянов Д., Петков Т. 2010. Мамардашвили и принцип неполноты бытия [Электронный ресурс] // Мераб Мамардашвили: вклад в развитие философии и культуры : сб. материалов Междунар. конф. М. Интелрос. URL: <http://www.intelros.ru/merab-mamardashvili-vklad-v-razvitie-filosofii-i-k/> (дата обращения: 11.05.2018).

Малабу К. 2018. Можем ли мы отказаться от трансцендентального? // Филос. журн. Т. 11, № 1. С. 99-110.

Мамадашвили М.К., Пятигорский А.М. 1997. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. : Яз. рус. культуры. 256 с.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. 1971. Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады // Труды по знаковым системам. Тарту : Центр гуманит. технологий. Т. 5. С. 345-376.

Мамардашвили М.К. 1988. Феноменология и ее роль в современной философии // Вопр. философии. № 12. С. 55-59.

Мамардашвили М.К. 1992. Превращенные формы // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М. : Прогресс. С. 269-283.

Мамардашвили М.К. 1993. Картезианские размышления. М. : Прогресс-Культура. 286 с.

Мамардашвили М.К. 2000. Эстетика мышления. М. : Моск. шк. полит. исслед. 430 с.

Мамардашвили М.К. 2007. Феноменология – сопутствующий момент всякой философии [Электронный ресурс], 21.10. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5477> (дата обращения: 11.05.2018).

Мотрошилова Н.В. 2016. Диалог Мераба Мамардашвили с Жаном-Полем Сартром [Электронный ресурс] // Омелия : Междунар. лит. клуб. URL: <https://omiliya.org/article/o-dialoge-meraba-mamardashvili-s-zhanom-polem-sartrom-nelli-motroshilova> (дата обращения: 11.05.2018).

Сенокосов Ю.П. 1991. О философе и его работе // Вопр. философии. № 5. С. 3-25.

Файбышенко В. 2016. Маркс без марксизма (Мераб Мамардашвили в 60-е годы) // Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер. М. : Фонд Мераба Мамардашвили. С. 75-99.

Юм Д. 1998. Трактат о человеческой природе. М. : Канон+. 420 с.

D. Gasparyan. Neob'yektiviruyemaya priroda soznaniya v transsendentalizme Meraba Mamardashvili [Non-naturalized nature of consciousness in Merab Mamardashvili's transcendentalism], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 25–44. (in Russ.).

Diana E. Gasparyan, Candidate of Philosophy, Associate Professor, School of Philosophy, Department of Humanities; Senior Researcher, Laboratory of Transcendental Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: anaid6@yandex.ru

Article recived 20.08.2018, accepted 28.02.2019, available online 01.07.2019

NON-NATURALIZED NATURE OF CONSCIOUSNESS IN MERAB MAMARDASHVILI'S TRANSCENDENTALISM

Abstract. The outstanding feature of M. Mamardashvili's approach to philosophy is his skill of the oral performance. This should not come as a surprise, considering the importance of the concept of consciousness in his philosophical conversations. The very notion of "talking about consciousness" is problematic. This phrase makes no sense, since one cannot speak about consciousness. Contrary to various naturalistic approaches, consciousness is not "something". However, how does the process of cognition works? Misguided by the ambiguity of the concept, one may consider the consciousness as the transparent medium, which one may not notice being fascinated by the things. Then, as an afterthought, one may try to think about it as an object. Nevertheless, consciousness is never an object, and it does not appear to us at all, although it allows things and the world to exist. The intention of modern philosophical tradition is to convey this intuition.

Mamardashvili's philosophical method where the method of performance presentation is never just a formality, can be regarded as special kind of transcendentalism, which develops essential concepts to supplement this philosophical tradition.

Keywords: Merab Mamardashvili's philosophy; consciousness; transcendentalism; criticism of naturalism; reflection; criticism of dualism.

References

Bykova M.F. *Sobytiye mysli i problema transtsendental'noy sub»ektivnosti: ob odnom aspekte filosofskogo proekta M.K. Mamardashvili* [The occurrence of thought and problem of transcendental subjectivity: about singular aspect of Mamardashvili's philosophical project], *Merab Mamardashvili: vklad v razvitie filosofii i kul'tury : sb. materialov Mezhdunar. konf.*, Moscow, Intelros, 2010, available at: <http://www.intelros.ru/merab-mamardashvili-vklad-v-razvitie-filosofii-i-k/> (accessed May 11, 2018). (in Russ.).

Deyanov D., Petkov T. *Mamardashvili i printsip nepolnoty bytiya* [Mamardashvili and the principle of incompleteness of being], *Merab Mamardashvili: vklad v razvitie filosofii i kul'tury : sb. materialov Mezhdunar. konf.*, Moscow, Intelros, 2010, available at: <http://www.intelros.ru/merab-mamardashvili-vklad-v-razvitie-filosofii-i-k/> (accessed May 11, 2018). (in Russ.).

Faybysenko V. *Marks bez marksizma (Merab Mamardashvili v 60-e gody)* [Marks without Marxism (Merab Mamardashvili in the sixties)], *Vstrecha: Merab Mamardashvili – Lui Al'tyusser*, Moscow, Fond Meraba Mamardashvili, 2016, pp. 75-99. (in Russ.).

Hume D. *Traktat o chelovecheskoy prirode* [Treatise of human nature], Moscow, Kanon+, 1998, 420 p. (in Russ.).

Malabu K. *Mozhem li my otkazat'sya ot transtsendental'nogo?* [Could we forsake the transcendental?], *Filosofskiy zhurnal*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 99-110. (in Russ.).

Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical thinking about consciousness, symbolism and language], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1997, 256 p. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking], Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2000, 430 p. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Fenomenologiya – sopotstvuyushchiy moment vsyakoy filosofii* [Phenomenology as the related concept to any philosophy], October 21, 2007, available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5477> (accessed May 11, 2018). (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Fenomenologiya i ee rol' v sovremennoy filosofii* [Phenomenology and its Role in Contemporary Philosophy], *Voprosy filosofii*, 1988, no. 12, pp. 55-59. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations], Moscow, Progress-Kul'tura, 1993, 286 p. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Prevrashchennyye formy* [Converted form], *M.K. Mamardashvili. Kak ya ponimayu filosofiyu*, Moscow, Progress, 1992, pp. 269-283. (in Russ.).

Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M. *Tri besedy o metateorii soznaniya. Kratkoe vvedenie v uchenie vidzhnyanavady* [Three conversations about meta-theory of consciousness. Short introduction into the teachings of Vijnanavada], *Trudy po znakovym sistemam*, Tartu, Tsentri gumanitarnykh tekhnologiy, 1971, vol. 5, pp. 345-376. (in Russ.).

Motroshilova N.V. *O dialoge Meraba Mamardashvili s Zhanom-Polem Sartrom* [About the conversation of Merab Mamardashvili with Jean Paul Sartre], *Omiliya, Mezhdunarodniy literaturniy klub*, 2016, available at: <https://omiliya.org/article/o-dialoge-meraba->

mamardashvili-s-zhanom-polem-sartrom-nelli-motroshilova (accessed May 11, 2018). (in Russ.).

Senokosov Yu.P. *O filosofe i ego rabote* [About the philosopher and his work], *Voprosy filosofii*, 1991, no. 5, pp. 3-25. (in Russ.).

Voronina N.Yu. *Kontsept «sobytiya» u M. Mamardashvili i Zh. Deleza* [Concept of 'occurrence' in the works of M. Mamardashvili and J. Deleuze], *N.Yu. Voronina (resp. ed.) Filosofiya: v poiskakh ontologii : sb. st.*, Samara, 2003, pp. 3-33. (in Russ.).

Vstrecha: Merab Mamardashvili – Lui Al'tyusser [Meeting: Merab Mamardashvili – Louis Pierre Althusser], Moscow, Fond Meraba Mamardashvili, 2016, 184 p. (in Russ.).

Wittgenstein L. *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1958, 248 p. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Кочухова Е.С., Мартьянов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 2, с. 45–66.

УДК 323.172:330:316.44
DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566

КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД ИЛИ ПРАВО НА ГОРОД: АЛЬТЕРНАТИВЫ УРБАНИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Елена Сергеевна Кочухова

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: elenascause@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7329-2046

Виктор Сергеевич Мартьянов

кандидат политических наук, доцент,
врио директора Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: martianovu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7747-0022

Материал поступил в редколлегию 23.03.2019 г.

В статье поднимается проблема центр-периферийной поляризации российских городов и исследуются конкурирующие сценарии городского развития. Социально-политическая и экономическая специфика российского городского развития

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 18-6-6-9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

встраивается в глобальный контекст. Аргументируется интерес властных городских субъектов к неолиберальной риторике. Описываются ограничения попыток перехода сети российских городов к постиндустриальной урбанистической экономике. Развитие современных городов России рассматривается через призму неомарксистской критики капитализма. Этот подход позволяет (1) дезавуировать парадоксальные противоречия в сложившейся системе бюджетного федерализма; (2) поставить вопрос о переоценке статуса городов в системе государственного управления; (3) обнаружить системную проблему в попытках реализовать стратегии креативного развития на базе периферийного капитализма; (4) обосновать значимость борьбы за право на город для выхода из стагнации. В статье доказывается, что поддержание асимметричного обмена ресурсами между федеральным бюджетом и бюджетами крупных городов противоречит задаче модернизации российских городов. Предлагается стимулировать развитие крупнейших городов России путем их вывода из логики территориального подчинения региональной власти и посредством придания мегаполисам статуса городов федерального значения. Этот шаг стимулирует опору городов на собственные источники развития, связанные с их человеческим и социальным капиталом. В качестве стратегического решения предлагается переориентация российских городов на новых субъектов модернизации. Децентрализация власти, повышение административного статуса *городов-миллионников*, вовлечение горожан в решение вопросов об общем благе становятся главными альтернативами существующей политике управления.

Ключевые слова: креативный город, право на город, человеческий капитал, децентрализация, делегирование полномочий, местное самоуправление.

Согласно стратегическим прогнозам главный вклад в развитие страны будет вносить городская экономика. В городах высокоразвитых стран вырабатывается 85% ВВП, среднеразвитых – 73%, слаборазвитых – 55% (Oyelaran-Oyeyinka, Lal 2016). В связи с этим государство должно сосредоточиться на повышении вклада агломераций и *городов-миллионников* в экономический рост. Перспективы роста экономики городов оцениваются как более высокие, чем в среднем по стране (Новая повестка... 2017). Какие модели развития могут выступить в качестве ориентиров в таком случае? Близкий к Кремлю *Центр стратегических разработок* ориентируется на абстрактный *глобальный город* и настаивает на необходимости увеличивать финансовые возможности городов, чтобы преодолеть ограничения межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий.

В условиях центр-периферийной поляризации мира (Валлерстайн 2006; Friedmann 1966) *глобальный город* (Sassen 1991), эффективно включенный в мировые экономические потоки, в качестве образа успешного будущего противопоставляется бедным мегаполисам развивающихся стран. Оба типа города присутствуют в глобальной экономике, однако первые выступают как интеллектуальные, управленческие, финансовые постиндустриальные центры, а вторые – как источник дешевых ресурсов. Если можно стимулировать процесс развития в направлении к одному из этих полюсов, то как поощрять создание городов, привлекательных для всех жителей, для высококлассных специалистов и для постиндустриальной экономики? В этой статье мы рассмотрим две альтернативы городского развития с точки зрения их примени-

мости в российском контексте. С одной стороны, это концепция *креативного города* (Флорида 2005; Лэндри 2011), с другой – идея *права на город* (Харви 2008). Как примеры сценариев городского развития нас интересуют принятые в России попытки трансформации городских пространств, экономики и культуры, подкрепленные аргументами сторонников креативного развития городов, а также возможности реализации права на город.

Стратегии *креативного города* и *права на город* принадлежат разным субъектам политического действия, чьи групповые интересы не совпадают, порождая принципиально разные иерархии коллективных предпочтений и классовые перспективы взгляда на город как место достойной жизни, самореализации и доступа к необходимым ресурсам. Креативный город – это неолиберальная стратегия развития, ориентированная на относительно независимое от разных форм социальной поддержки меньшинство городского населения. Креативное меньшинство адаптировано к возможным негативным трансформациям городского рынка труда в малочисленных, но высокооплачиваемых экономических нишах. Проблема заключается в том, что индивидуализированные жизненные сценарии представителей креативного класса не могут быть использованы большинством горожан в качестве массовых доступных образцов, поскольку успех креативного класса основан на наличии ряда неявных ограничительных условий, о которых в дискурсе креативного города умалчивается (например, элитное образование, родственные связи и человеческий капитал как внеэкономические преимущества; эксклюзивный доступ к властным ресурсам и неконкурентным контрактам; ограниченность самих креативных сегментов в экономике, которые не требуют расширения занятости и т.д.) (Мартьянов 2016). При этом неолиберальный проект *креативного города* и креативного класса, апеллируя к утопическим возможностям, которых у большинства никогда не было и не будет, становится убедительным аргументом для отказа городских элит учитывать в качестве ядра стратегий городского развития приоритеты, интересы и потребности большинства. Левые стратегии права на город, наоборот, ориентированы на выравнивание прав, возможностей и доступа к городским ресурсам и инфраструктуре для всех горожан. Это предполагает выработку политических решений, основанных не на рациональном эгоизме и конкурентном индивидуализме специфической модели *человека экономического*, а на том, что достойное существование человека само по себе представляет базовую безусловную ценность, необходимым образом лежащую в основе всех иных приоритетов.

Предлагаемый в статье материал опирается на анализ ключевых приоритетов современного городского развития, связанных с распределением местных бюджетов, ресурсов, технологий и коммуникаций. На наш взгляд, это распределение осуществляется в центр-периферийной логике углубления территориального неравенства, которая в России легитимируется политическими решениями на самом высоком уровне.

Так, в *майских указах* Президента РФ от 7 мая 2012 года фактически закрепляется радикальное неравенство условий жизни бюджетников российских регионов как новая социальная норма. В первое десятилетие XXI в.

разница доходов людей, занятых аналогичным трудом в Москве/Санкт-Петербурге и на периферии, достигающая пятикратных размеров, рассматривалась как важная социальноэкономическая и политическая проблема в контексте ценностей стабильности и равномерного развития территорий. Вырабатывались разные стратегии по сглаживанию сильного регионального неравенства и распределению межбюджетных трансфертов. Однако в качестве стратегической политической задачи был обозначен лишь выход оплаты труда бюджетников на 100–200% по региону, вне зависимости от исходных и несправедливых диспропорций, усиливающих межрегиональное неравенство.

Данные Росстата подтверждают наличие рекордной *региональной ренты* в оплате аналогичного труда бюджетников: в оплате труда научных сотрудников федеральных учреждений – почти в 3 раза (48,3 тыс. руб. – средняя зарплата в Псковской области, 126,8 тыс. руб. – в г. Москве); в оплате труда врачей – в 3 раза (42,2 тыс. руб. – средняя зарплата в Ингушетии, 136,4 тыс. руб. – в г. Москве); в оплате труда преподавателей вузов в 3 раза (44 тыс. руб. – в Ивановской области, 139,1 тыс. руб. – в г. Москве)¹. Указанные региональные разрывы растут, не будучи обусловленными аналогичными различиями в стоимости жизни в разных регионах. (Из выбранных примеров сознательно исключены регионы Крайнего Севера, стоимость жизни в которых де-факто наиболее дорога, а условия проживания наиболее суровы, что отражается и в справедливо высоких зарплатах бюджетников. С учетом северных регионов представленные выше региональные разрывы были бы еще контрастнее.) Более того, Москва, например, выделяет своим *коренным жителям* (стаж прописки от 10 лет) дополнительные *политические ренты*, касающиеся высоких ежемесячных пособий на детей, имеет возможности для финансирования коммунальной инфраструктуры, дотаций на оплату ЖКХ, медицины и иных отраслей жизнеобеспечения граждан, которые в разы превышают аналогичные показатели в других регионах². В *лужковский период* существовала «столичная рента ... в виде «московских» надбавок к пенсиям и заработной плате бюджетников, субсидирования из бюджета расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг» (Зубаревич 2018: 30). В *собянинский период* целевые политические ренты москвичей немного сократились в пользу расширения инфраструктурных и транспортных проектов. В частности, в 2017 г. среднедушевые московские показатели расходов на ЖКХ превысили общероссийские в 6,9 раз, в том числе на благоустройство – в 15,4 раза (Зубаревич 2018: 32).

Все это противоречит универсальным эгалитарным принципам социальной поддержки граждан в СССР, где особые надбавки вводились лишь на опасных производствах и в регионах с суровыми климатическими условия-

¹ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-март 2018 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/03-18/it-tab03-18.rar

² Минимальная пенсия в Москве повышена до 17,5 тыс. руб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/594186>

ми проживания, за что люди расплачивались своим здоровьем. В настоящее время экономически не обусловленная, но оправданная рентно-сословным лоббизмом разница в реальных возможностях доступа к государственным услугам и общественным ресурсам между отдельными регионами такова, что дифференциация регионов по уровню жизни уже превосходит различие в уровне жизни разных стран. Согласно докладу Всемирного банка, неравенство уровня жизни граждан отдельных российских регионов сопоставимо с неравенством Сингапура и Гондураса, а Россия входит в тройку стран-лидеров по региональному неравенству (Bussolo et al. 2019). Таким образом, мы имеем дело с политико-географической рентой, в которую в той или иной степени вовлечено население избранных российских регионов и которая трудно соотносима с чем-то иным, кроме следования модели асимметричного бюджетного федерализма, ориентированной на поддержание *рентно-сословного неравенства в территориальном измерении вместо решения задач его элиминации*.

Более того, центр-периферийная поляризация как объяснительная модель экономических отношений, прилагаемая к анализу российских городов, обнаруживает донор-реципиентную логику отношений между крупными, средними и малыми городами. Доминирующую позицию занимают города, которые стягивают 32,7 миллиона населения России, то есть 22,4% от общего количества населения и 30,2% – от городского¹. В этих городах среднемесячные начисляемые зарплаты на 30–50% выше, чем в регионах их расположения в целом. За вычетом *городов-миллионников* разница между региональными столицами и их перифериями была бы еще сильнее (Петухов 2017: 15). В менее выгодном положении оказываются малые и средние города, которые становятся поставщиками мигрантов в *миллионники*. Непривлекательность проживания в малых и средних городах описывается не только через миграционный переток населения в крупные города, более высокую безработицу и более низкий уровень средних доходов и зарплат (Волкова, Соколов, Терентьев 2015), но также через общий дефицит жизненного пространства. В России все меньше территорий и населенных пунктов, в которых «существуют приемлемые условия современного воспроизводства жизнедеятельности населения (рабочие места, жилье, инфраструктура, безопасность, экология, рекреация и пр.)» (Слепаков 2012: 84).

Центр-периферийная логика характеризуется тем, что политические процессы выравнивания и дифференциации доступа граждан и локальных сообществ к разнообразным ресурсам действуют с переменным успехом. С одной стороны, ресурсы и возможности постоянно стягиваются от периферии к центрам, с другой – центр одновременно заинтересован в экономическом развитии периферии как источника долгосрочного налогового дохода и ресурсной эксплуатации. В зависимости от положения страны в мироэкономике, состава политических субъектов, *колеи* предыдущего развития, налогооблагаемой базы городского бюджета, эффективности институтов достижения городского консенсуса, активности отдельных сообществ

¹ Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/bul_dr/mun_obr2015.rar . С. 95.

и ряда других параметров в управлении современным городом могут преобладать две взаимоисключающие стратегии. Так, может превалировать неолиберальная модель управления *креативный город*, связанная с оправданием дифференциации городских сообществ, свертыванием социальных программ, критикой социального государства, верой в неисчерпаемые возможности расширения рынков и справедливость рыночной саморегуляции, а также с попытками политической опоры на интересы активных креативных меньшинств. Альтернативой ей выступает модель выявления долгосрочных интересов большинства, связанная с приоритетом внерыночного выравнивания возможностей горожан и их вовлечения в процессы местного самоуправления, ориентированная на реализацию левой стратегии права на город. Далее мы попытаемся, опираясь на сравнительный анализ, статистику и учет накопленного мирового опыта, оценить возможности и целесообразность применения указанных стратегий в реалиях российских городов.

Концепция креативного города: ограничения в российском контексте. Концепция *креативного города* связана с именами Ричарда Флориды и Чарльза Лэндри. Флорида выводит формулу креативного города, в котором должны сочетаться «талант, толерантность, технологии», то есть город должен предоставлять разнообразие экономических возможностей и обладать «стимулирующей атмосферой», которая поддерживает «множество различных стилей жизни с их инфраструктурой» (Флорида 2005: 25). Другая модель *креативного города*, восходящая к исследованиям Лэндри, предполагает в качестве основы городского развития *капитализацию исключительности*. Культурные индустрии рассматриваются как двигатель городской экономики и понимаются предельно широко: это одновременно и капиталоемкие цифровые кино, телевидение, видеоигры, и требующие ручного труда ремесла, искусства, дизайн, высокая мода, и разработка программного обеспечения, и продажи (Хокинс 2011), и способность решать коммунальные проблемы (Лэндри 2011).

Идеология *креативного города* декларирует поддержку разнообразия и уникальности сообществ, но на практике ориентирована на интересы лишь некоторых из них. Креативное развитие требует понимания культуры как капитала, обучения технологиям работы с этим капиталом, а также наличия инфраструктуры, поддерживающей культурные индустрии. Это сочетание оказывается возможным лишь в определенных пространствах избранных постиндустриальных городов. Так, будучи релевантной прежде всего, постиндустриальным обществам с их расширяющимися постматериальными ценностями и целями самореализации и самовыражения граждан (Инглхарт, Вельцель 2011), идеология *креативного города* заметно трансформируется при попытке ее реализации за пределами развитых стран. Показателен пример, который приводит Лэндри: учет потребностей местных сообществ при разработке городских проектов в развивающихся странах заставляет переходить к решению базовых для выживания проблем (обеспечение работой или городская гигиена) вместо создания креативной индустрии (Лэндри 2011: 54, 76, 221).

В своей последней книге Р. Флорида открыто признает, что декларируемые им ранее приоритеты для развития креативных отраслей городской экономики лишь усилили отрыв богатых от бедных, оказавшись бесполезными для рабочего класса и бедных слоев населения, и ведут к новой *колониализации* городов привилегированными слоями (Флорида 2018). До этого он более десяти лет ограничивался написанием новых предисловий к очередным изданиям своего бестселлера, увидевшего свет в 2005 г., где признавал, что переоценил возможности креативного класса, в свете глобального экономического кризиса 2008 г. В новой книге он откровенно квалифицирует попытки сделать креативный класс драйвером социальных изменений как свершившийся провал. Креативная стратегия привела к радикализации центр-периферийного расслоения городов, размыванию среднего класса и деиндустриализации, которая не была компенсирована ростом занятости в креативных отраслях. Поэтому Р. Флорида закономерно эволюционирует от неолиберализма к левым взглядам, когда призывает «превратить низкооплачиваемую работу в сфере услуг в работу на уровне среднего класса», «дать больше власти городам и сообществам» или «инвестировать в людей и городские районы, чтобы покончить с бедностью» (Флорида 2018: 233-246). Очевидно, что это слишком общие и популистские лозунги, не принимающие в расчет социально-политические факторы и выходящие за рамки городской экономики, которой ограничена область рассуждений Р. Флориды.

В развитии крупных российских городов наблюдается склонность к реализации постиндустриальных сценариев развития. Однако лишь в Москве, Санкт-Петербурге и, возможно, отдельных *городах-миллионниках* (Екатеринбург, Казань, Пермь и др.) наличествующая инфраструктура и накопленный культурный капитал позволяют зафиксировать отличный по своему объему от статистической погрешности сектор креативной экономики (Лавриненко 2015). В этих городах появляются некоторые признаки неолиберальной трансформации городских районов (Брукс 2013; Зукин 2015). Но не поддерживаемые массовой городской культурой велодорожки, кофе на вынос, парки и набережные, ярмарки и фестивали становятся лишь смутным, неубедительным прообразом возможных перемен. На велодорожках муниципальные службы ставят цветочные вазоны или столбы со знаками дорожного движения, как, например, в Екатеринбурге (Черных 2017). Гаражные сейлы, джаз-фестивали, фермерские ярмарки оказываются новым типовым продуктом, что противоречит идее уникальности и разнообразия, заложенной в идеологию креативного развития.

В России системный интерес к развитию городской культуры и вовлечению горожан в культурное производство и потребление маркированы попытками трансформации публичных пространств. Среди наиболее ярких примеров преобразования городских публичных пространств можно отметить проекты команды Сергея Капкова в Москве (Вахштайн 2014) и Пермский культурный проект (Гладких и др. 2011). В других крупных городах, в частности в Екатеринбурге, креативная логика развития не получила мощной властной поддержки, но было создано пространство для различных культурных инициатив, причем некоторые из них выстраиваются

по неолиберальным сценариям (освоение индустриальных пространств современным искусством с эффектом последующей капитализации места), некоторые – по коммунитаристским установкам (волонтерские и крауд-фандинговые проекты, нацеленные на исследование и сохранение истории места, отдельных знаковых объектов).

Несмотря на публичную переоценку Р. Флоридой универсальности и эффективности его собственных идей *креативного класса/города*, последние давно и успешно функционируют в пространстве управленческих логик и стратегических планов городского развития автономно от породившего их автора. Популярность концепции креативного города по-прежнему поддерживается ее столичными агентами. Один из двигателей креативного развития Москвы – образовательный проект Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» – отправляет в регионы собственные *десанты* для эпизодического решения местных проблем. Этот, по сути, колонизаторский подход игнорирует местные культурные особенности, которые могли бы стать материалом для системных проектов капитализации городской исключительности. Хотя риторика креативного города вдохновляла и вдохновляет отдельные городские преобразования в России, в целом неолиберальная модель капитализации культуры, предлагаемая идеологами креативного развития городов, не может быть полноценно реализована в контексте российского городского развития в силу отсутствия ресурсов для создания значимых сегментов постиндустриальной экономики. В отличие от креативных групп, чьи ресурсы определяются преимущественно рынком, большинство в российских городах является ресурсозависимыми от государства и его агентов социальными группами – сословиями: рабочие госпредприятий и разнообразных учреждений, пенсионеры, инвалиды, получатели и субподрядчики госзаказа, регионального и муниципального заказа (Кордонский, Дехант, Моляренко 2012). Поэтому попытки стимулировать экономическое развитие российских городов через развитие культурных индустрий имеют характер ограниченных подражательных экспериментов. Экономическая статистика показывает, что даже в таких передовых местах производства социальных, культурных, технологических образцов, как крупные российские города, главные направления изменений связаны не с пост-, а с обычной деиндустриализацией городской среды и парадоксальным ростом без развития, который состоит в преобразовании советской модели индустриальных городов-заводов в модель города – торгового центра (Мартьянов, Руденко 2012). Точечных социокультурных инноваций, связанных с запуском креативных индустрий (кино, дизайн, мода, реклама, СМИ, компьютерные игры и т.п.), оказывается недостаточно для преобразования совместных условий жизни и расширения возможностей большинства горожан (Мартьянов 2016).

Таким образом, стратегия креативного развития отвлекает внимание от радикализации центр-периферийного характера городского развития, когда центр города развивается за счет ресурсов окраин, крупные города – за счет своих обширных периферий, а страны центра капиталистической экономики имеют возможности глобально перераспределять в свою пользу

наиболее выгодные ресурсы остального мира. При этом издержки развития достаются большинству, все более неуверенному в своем будущем. Это жертвы финансовых пузырей, плохой экологии и транспортной логистики; это прекариат и безработные, чье число постоянно увеличивается автоматизацией и роботизацией, и т.д. Нарастание скрытой массы социальных противоречий можно наблюдать даже в городах, считающихся образцом глобального креативного развития, например в Сан-Франциско – ключевом пункте Силиконовой долины (Walker 2018). Момент перераспределения в процессах экономического развития и накопления городских ресурсов креативными теориями обычно затушевывается, а получение ренты от проживания в определенном городе, принадлежности к социальному классу или от гражданства объявляется несущественным. Опровергая этот аргумент, Бранко Миланович доказывает, что наиболее эффективным способом изменения своего экономического положения, стоимости труда и доступных возможностей является изменение региональной/страновой географии проживания, которая в современном мире имеет большее значение, чем классовая принадлежность индивида (Миланович 2017).

Право на город в России: институциональные препятствия и возможные перспективы. Важным прагматическим изменением последних десятилетий является растущее понимание того, что город – это не только место, которое нуждается в *территориальном* развитии и *градостроительных* планах, ремонте фасадов, прокладке дорог и т.д. Таков лишь обезличивающий дискурс городской власти, стремящейся не видеть необходимости диалога с другими значимыми субъектами. Город все чаще интерпретируется как *сообщество* людей, нуждающихся в эффективных социальных коммуникациях, согласовании долгосрочных коллективных интересов и иерархий предпочтений относительно условий совместного проживания. Все это задает определенный уровень конфликтности и дискуссий разных субъектов, без которых выявление, согласование и реализация различных интересов и предпочтений невозможны.

Идея отстаивания права на разнообразное прямое и активное участие горожан в управлении городом выдвинута в 1968 г. Анри Лефевром (Lefebvre 1968). В настоящее время наиболее последовательно эта концепция раскрывается в работах Дэвида Харви, критикующего неолиберальные города, где на фоне пассивности большинства реальная власть все чаще осваивает и приватизирует городские пространства в частных и корпоративных интересах (Харви 2007; Харви 2008). Вставая на сторону большинства горожан, не имеющих возможности влиять на процессы городского развития, часто не способных обеспечить себе достойный образ жизни и удовлетворить базовые права граждан, Харви призывает добиваться права на преобразование города, «на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями» (Харви 2008: 93). Общие нужды в данном случае – это базовые потребности тех, кто обычно не имеет властной возможности влиять на городскую политику.

Классовая социальная стратификация, разделяющая горожан по условиям доступа к ресурсам и возможностям влияния на привилегированные

властные сословия и на де-факто исключенное из политического поля большинство, имеет место в российских городах. Однако в отличие от неолиберальных городов, описываемых Харви, в России местные городские элиты не располагают значимыми ресурсами. Сложившаяся в России иерархия распределения бюджетных ресурсов нивелирует финансовую независимость муниципалитетов. Доля местного самоуправления в консолидированном федеральном бюджете снижается на протяжении всего постсоветского периода. Если в 1991 г. она составляла 28% (Тургель, Целищева 2007: 167), то в 2000 г. – 14,7%, а в 2016 г. снизилась до 11,8%¹. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06 октября 2003 г. передает местному самоуправлению ряд значимых полномочий, но не закрепляет за городами необходимую для их обеспечения налогооблагаемую базу. В результате функционирование городского самоуправления во многом становится а) подконтрольным вышестоящим органам власти, которые относятся к уровню государственного управления, и б) зависимым от постоянно пересматриваемых доходно-расходных лимитов городских администраций, которые они самостоятельно не контролируют. Более того, финансовая централизация сверху лишает российские муниципалитеты стимулов к наращиванию собственной налоговой базы и эффективному использованию финансовых средств, делая их критически зависимыми от объемов дотаций и субсидий, распределяемых вышестоящими уровнями власти.

В подобной перспективе система органов местного самоуправления фактически лишается ключевой роли выражения интересов горожан и местных сообществ и встраивается в систему государственной власти (Панкевич 2016). Местное самоуправление становится исполнителем внешних управленческих решений и зависимым получателем трансфертов для осуществления собственных функций (Туровский 2015). Локальные политические режимы перестают быть формами демократической самоорганизации горожан в целях самоуправления, решения взаимосвязанных проблем городского развития. В российских городах начинают превалировать механизмы принятия решений, монополизированные исполнительной властью либо градообразующими предприятиями (особенно в моногородах); элиты все чаще выстраивают общегородские приоритеты и распределяют ресурсы на уровне личного взаимодействия (Ледяев, Чирикова, Сельцер 2014).

Экстенсивная эксплуатация города как источника финансовых и человеческих ресурсов заслоняет общие внеэкономические интересы горожан, приоритеты развития публичных благ и коллективных городских пространств. В результате российские горожане в значительной мере лишены права на город как (а) права прямых выборов и прямого контроля мэра и иных должностных лиц, (б) источников формирования собственной ресурсной базы и (в) возможности независимого от внешних инстанций распоряжения общей судьбой в масштабах города. В России согласно Конституции

¹ Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, 2017. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyj-byudzheta/>

местное самоуправление отделено от системы государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Однако это не мешает органам государственной власти субъектов РФ повсеместно устанавливать принципы организации местного самоуправления, что явно противоречит ст. 131 Конституции РФ, в которой закреплено, что «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно». Например, в последние годы были последовательно отменены прямые выборы глав всех *городов-миллионников* России. (Прямым голосованием последним был избран в 2014 г. глава администрации Новосибирска Александр Локоть, представляющий КПРФ.) Таким образом, российские мегаполисы как автономные центры современного экономического развития вытесняются на периферию сложившейся вертикали управления. Городские политические элиты все плотнее контролируются через различные сети и вертикали исполнительной, судебной и законодательной власти, а консолидирующая фигура сильного городского лидера элиминируется посредством манипуляций с электоральными механизмами и разделения полномочий между мэром города, сити-менеджером и городской думой.

Из постиндустриальной перспективы выглядит парадоксальной ситуация, когда *города-миллионники*, аккумулирующие треть городского населения страны, последовательно утрачивают элементы самоуправления. Поэтому представляется, что повышение административного статуса и расширение реальных полномочий городов, в соответствии с реализацией ст. 130–133 Конституции РФ, создадут хорошие перспективы для экономического развития городов и в конечном счете – для модернизации страны. Статистика красноречива: если в 2000–2015 гг. темпы роста российского ВВП на душу населения составляли в среднем 4,1% в год, то аналогичные темпы роста валового городского продукта (ВГП) в крупных городах – столицах субъектов РФ равнялись 7,7%. ВГП 81 столичного города России обеспечил 46% ВВП страны в 2015 г., при этом 67% этого вклада внесли 13 крупнейших городов (Полиди 2017b). Согласно экспертному прогнозу *Института экономики города* «крупные городские агломерации могут быть драйвером экономического роста для страны на ближайшие годы, показывая ежегодный рост на 5%. Вместе с крупными городами с населением более 100 тыс. человек, которые будут расти на 4,4%, они способны компенсировать низкие показатели малых (1,2%) и моногородов (0,6%), обеспечив общий рост экономики страны на уровне 3%» (Полиди 2017a).

Экономические расчеты показывают, что перевод 13 оставшихся российских *городов-миллионников* из муниципальных образований в статус города федерального значения (ГФЗ) в 2–3 раза увеличивает их эффективную доходную базу, позволяя рассматривать сеть *миллионников* как новый, а возможно и последний не задействованный, драйвер территориального развития России, создающий необходимую диверсификацию точек роста (Гусев, Юревич 2017: 62). Эти важные точки роста невозможно *размазать* по целым регионам, как невозможно выжать подобный эффект из давно дискредитировавшей себя практики *особых экономических зон*. Потенциал развития не может ограничиваться откровенно стагнирующими Москвой

и Санкт-Петербургом, выработавшими свой инвестиционный ресурс. Об этом косвенно свидетельствует застой в этих городах на рынке жилищного строительства, который пытаются преодолеть по бессмысленным программам *реновации*. Статус ГФЗ влечет для *миллионников* некоторые новые налоговые обязательства, а также увеличивает внутрирегиональное неравенство, но в долгосрочной перспективе это неравенство будет сглаживаться, территориальные агломерационные эффекты – усиливаться, а позитивные эффекты от роста привлекательности инвестиций в ведущие города распространятся на широкие прилегающие территории, включая соседние регионы. Однако в статусе муниципального образования достичь быстрых и позитивных агломерационных эффектов нынешней сети *городов-миллионников* практически невозможно. В управленческой и налоговой вертикалях крупнейшие города критически зависимы от лояльности и трансфертов региональной власти, составляющих более половины доходной базы городских бюджетов.

Чтобы стать экономическим драйвером, каждый город должен выстроить модель развития, ориентированную на собственные сравнительные преимущества (историческая колея, структура городской экономики, географическое положение, транспортная инфраструктура, отраслевая специализация и т.д.) и на доступные ресурсы в общероссийском и даже глобальном контексте, поскольку многообразие российских условий городского развития обуславливает неэффективность попыток разработать единообразную стратегию городского успеха и ее нормативное обрамление для всех российских городов. Города можно превратить в точки роста российской экономики, только предоставив им реальную возможность на местах решать широкий круг проблем городского развития. Это наиболее значимые повседневные проблемы, преимущественно связанные с инфраструктурой, ЖКХ, школами, детскими садами, дорогами, строительством жилья, общественным транспортом и т.д., которые оптимально решаются на уровне местного самоуправления. В отношении указанных сфер жизнедеятельности целесообразно максимально перераспределить полномочия в пользу местных сообществ как распорядителей налоговых средств на местах. Будучи погруженными в повседневную среду города, горожане и городские власти, в отличие от отчужденного и далекого государства и его агентов, часто полнее и лучше представляют, (а) какие повседневные приоритеты и/или долгосрочные преобразования действительно требуются городу, его отдельным районам и дворам, (б) какие проекты удовлетворяют их общим долгосрочным интересам и являются эффективными не во внутренней реальности вертикали управления, но в самой жизни граждан. Вопросы городского развития оказываются в центре внимания органов власти разного уровня, бизнеса, активных групп граждан. Городские группы интересов и ценностные обоснования их стратегий могут серьезно различаться и противоречить друг другу. Поэтому любые решения требуют согласования, выстраивания иерархии приоритетов между материальными и постматериальными ценностями, креативными технологиями и правами на город, интересами большинства и обеспечением запросов разнообраз-

ных лоббистов в условиях ограниченности доступных ресурсов. В каждом конкретном случае поиск собственной модели развития города потребует выявления и последующего компромисса всех значимых интересов.

Осуществляя политологический анализ стратегий развития городов, исследователи уделяют особое внимание использованию технологии сотрудничества: «...если локальные группы акторов (а также режимы, коалиции), несмотря на фрагментацию, все же совместно вырабатывают стратегии, то собственная логика будет обнаруживаться не в последнюю очередь именно в этих процессах выработки стратегий» (Циммерман 2017: 269). Способность городских администраций к диалогу с экспертами и сообществами по поводу будущего городов в современной России всегда оценивалась невысоко: «...городские власти не готовы мириться с тем, что городские сообщества, инфраструктуры, экономика – объекты чрезвычайно сложные. Легче отдать приказ и требовать немедленного его исполнения, чем изыскивать тонкие методы воздействия на сложную и хрупкую городскую инфраструктуру» (Высоковский 2012: 43). По-видимому, это положение сохраняется: отдельные примеры успешного сотрудничества муниципалитетов с сообществами не компенсируют общую логику неуважения властей к интересам граждан. Бесцеремонность властных претензий олигархов и чиновников периодически наталкивается на сопротивление горожан. Борьба петербуржцев против передачи Исаакиевского собора РПЦ, защита екатеринбуржцами акватории городского пруда от строительства «храма-на-воде», а также протесты против его строительства на месте сквера у Театра драмы, дискуссии вокруг «ночи длинных ковшей» (снос киосков и павильонов у станций московского метрополитена) и самоорганизация горожан для противодействия *реновации* (планы по сносу пятиэтажек в Москве) – актуальные, хотя и немногие примеры такого сопротивления. Однако исключения могут стать закономерностью, если будет осуществляться целенаправленное движение к *справедливому городу* (постепенно получающее институциональное и законодательное оформление) (Carmon, Fainstein 2013), а именно: а) если при принятии значимых решений акцент будет перенесен с соблюдения формальных процедур, в том числе легитимирующих ритуалов голосования, на содержательное, дискуссионное обсуждение конкретных городских проблем с максимальным возможным числом заинтересованных участников (поскольку только в условиях делиберативной демократии органы власти выступают как медиаторы, а не как монополисты городских решений); б) если при этом будет выравниваться статус лиц, принимающих решения, в том числе посредством создания смешанных органов, где голоса чиновников и политиков уравнены с голосами экспертов и обычных граждан (это позволяет скорректировать профессиональные изъяды специалистов, ангажированность лоббистов и групп интересов); в) если критериями всех планов и проектов будут, прежде всего, общее благо и интересы рядовых горожан и малого бизнеса, а не перспективы решения частных проектов и т.д.

В условиях исчерпания экстенсивных ресурсов роста, преимущественно связанных с внешними источниками (потоки непрехотливых

мигрантов; общее расширение потребительского спроса, коррелирующее с высокими ценами на энергоносители и т.п.), в качестве альтернативного фактора развития городов назревает расширение полномочий местного самоуправления вместе с делегацией им права самостоятельного формирования и распоряжения собственной налогооблагаемой базой. Наделение структур самоуправления финансово-экономическими полномочиями и повышение ответственности в перспективе позволяют вернуть городам социально-экономическую субъектность и инициативу. Более оперативно и точно реагируя на разные вызовы развития, достигая общественного согласия, создавая более плотную конкурентную городскую среду, города получают больше возможностей привлекать и удерживать инвестиции и трудовые ресурсы. Подобный подход, во-первых, снимает часть избыточного управленческого функционала с федерального центра, во-вторых, упраздняет громоздкую управленческую логику, связанную с централизованным, чрезмерно политизированным, неэффективным изъятием и последующим перераспределением доходов между регионами без учета тех эффективных сфер развития, которые имеют опору только в самих городах (Глазычев 2011: 364-365).

В современных российских условиях представляется перспективным выделение крупных городов в качестве самостоятельного уровня управления. Эта рекомендация звучит парадоксально с позиций формального разделения уровней, функций и предметов ведения системы государственного управления и местного самоуправления. Однако бюрократическое подчинение мегаполисов региональным управленческим надстройкам с постоянным изъятием ресурсов для *выравнивания территорий* зачастую затрудняет эффективное развитие межрегиональных, национальных и глобальных связей городов. Привилегированный статус Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (имеющего лишь 0,45 миллиона жителей) как городов федерального значения является значимым политическим ресурсом для их развития. Вместе с тем по своему значению, потенциалу и перспективам муниципальный уровень давно переросли и многие другие *города-миллионники*. Каждый из них не уступает по собственным ключевым экономическим показателям большинству субъектов Российской Федерации.

Желательная повестка российской урбанизации. Развитие современного города все сильнее противоречит логике капитализации и коммерциализации городских пространств, радикализирующей все социокультурные противоречия. Неолиберальная монетизация городского пространства для комплексного развития современных городов решает лишь частные и периферийные задачи, которые нельзя ставить в центр стратегий и планов городского развития. В такой перспективе горожанин редуцируется лишь к функционалу пассивного потребителя. Становятся востребованными обратная декапитализация и деконцентрация городских пространств в пользу малоэтажной застройки, бесплатных культурных индустрий, мест отдыха и рекреации. Растет запрос на демократизацию городских пространств, центр-периферийное выравнивание районов, преодоление логики нового *огораживания* и снос частных заборов, экологизацию, развитие обществен-

ного транспорта, комфортные парки, места для коллективного отдыха, обустройство тротуаров, набережных и велосипедных дорожек, на создание мест коллективного отдыха и т.д. Это город с точки зрения пешехода, гражданина, ребенка – безопасный, удобный для семьи, создающий места культуры притяжения и развивающий человеческий капитал большинства.

Поэтому в наиболее развитых странах экономикоцентризм все чаще уступает приоритету внеэкономических факторов развития в интересах большинства. Концепция *права на город* предлагает инструменты и механизмы для подобных изменений логики городского развития, поддерживая в числе прочего внеэкономические и постматериальные ценности. Большинство горожан заинтересовано не столько в частной прибыли, остающейся уделом немногих, сколько в создании благоприятных условий для воспроизводства человеческого капитала большинства горожан как ключевого элемента постиндустриальной экономики. На этом фоне все большую поддержку горожан получает дискурс права на город как общего блага, ориентированный на легитимацию политических и управленческих решений с позиций и посредством процедур агрегации интересов большинства (выборы, референдумы, публичные слушания и т.д.).

В России актуальная логика принятия городских управленческих решений пропитана неолиберальными идеями. Все больше социальных групп предстают как зависимые от государства получатели бюджетных ресурсов, не имеющие экономической ценности. Человеческий капитал большинства горожан перестает рассматриваться как главный ресурс городского развития, но все чаще превращается в источник угроз стабильности. Попытки большинства принимать коллективное политическое участие и влиять на механизмы выработки общегородских решений элиминируются властными элитами. С одной стороны, любая массовая активность снизу интерпретируется как вызов государству, экстремизм, нарушение негласного договора об обмене политической лояльности на доступ к бюджетным ресурсам. С другой стороны, апелляция элит к концепции креативного класса/города, по сути, является аргументом ухода от социально-политической ответственности перед большинством. Эти идеи прямо восходят к традиционалистским постулатам, призванным оправдать отсутствие доступа большинства к равным правам и ресурсам некими *объективными* моральными ценностями. Поскольку в современных условиях прямые апелляции к Богу выглядят архаичными, он замещается *невидимой рукой рынка* в целях обоснования преимуществ немногих избранных – креативного класса. В условиях крупных городов как пространственной концентрации современности со всеми ее технологическими преимуществами и классовыми противоречиями подобная протестантская риторика рыночного успеха меньшинства, заменившего божью благодать, является малоубедительной.

Стратегические перспективы современных российских городов связаны с поиском новых ресурсов и организационных технологий развития, предполагающих долгосрочный учет интересов и вовлечение большинства. Российская практика управления сетями мегаполисов, средних и малых городов с помощью встраивания их в иерархию национально-государственной

бюрократической системы обнаруживает свои пределы эффективности. Например, в российских городах центры занятости предлагают вакансии со средним размером оплаты труда в 54% от средней зарплаты в стране, а каждая десятая вакансия не дотягивает до минимальной оплаты труда (Беришвили 2018). А сам рост населения городов, обеспечиваемый миграционным притоком с разного рода периферий, свидетельствует не столько о развитии, сколько о пространственной перекачке ресурсов, усиливающей экономическое неравенство и асимметрию российских регионов.

Между тем стремление федеральных властей ограничить большие российские города структурой местного самоуправления (с постоянным сокращением его финансовой базы и полномочий) не соответствует их действительному вкладу в развитие страны и не позволяет раскрыть потенциал их политического, экономического, культурного влияния. Обращаясь к будущему, которое представлено преимущественно моделью постиндустриального развития, необходимо делать ставку на расширенное воспроизводство человеческого и культурного капитала городов. Однако прыжок к неолиберальной реальности креативных городов требует глобальной конкурентоспособности экономического и культурного капитала города. Подобная задача утопична для большинства городов даже постиндустриальных экономик, являясь приоритетом лишь, пожалуй, десятка глобальных городов. Для российских городов более эффективным представляется другой путь, который предполагает изменение бюджетных приоритетов в пользу самоуправления, обеспечения социальных благ для большинства, расширение механизмов коллективного участия, кооперации и согласования общих интересов.

В случае с крупными российскими городами, большинство из которых выступают ресурсными донорами для столиц или отдельных регионов, возможность удерживать человеческие и экономические ресурсы становится важной задачей для местного управления. В этой ситуации условием выхода российских городов из ловушки центр-периферийной поляризации становится институциональная реализация *права на город* как права на доступ всех горожан к широким социальным благам, права слабых городских субъектов заявлять и отстаивать свои интересы. Эта левая, неомарксистская повестка позволяет акцентировать внимание на качестве жизни населения российских городов, объединить горожан заботой об общем пространстве, солидарными моделями функционирования сообщества и освоения территории. Ее перспективы прямо связаны с российскими трансформациями более общей модели эгалитарного социального государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беришвили Н. 2018. Безработным предлагают зарплаты вдвое ниже средних по стране [Электронный ресурс], 17 апр. URL: <https://iz.ru/726624/nataliia-berishvili/bezrabotnym-predlagaiut-zarplaty-vdvoe-nizhe-srednikh-po-strane> (дата обращения: 12.02.2019).

Брукс Д. 2013. Бобо в раю: Откуда берется новая элита. М. : Ад Маргинем Пресс. 296 с.

- Валлерстайн И. 2006. Миросистемный анализ: введение. М. : Территория будущего. 246 с.
- Вахштайн В. 2014. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. № 2. С. 9-38.
- Волкова О., Соколов А., Терентьев И. 2015. Исследование РБК: как вымирают российские города [Электронный ресурс], 22 янв. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fc9a7947a8f1dc4a7f> (дата обращения: 20.02.2019).
- Высоковский А. 2012. Управление пространственным развитием // Отечеств. записки. № 3. С. 36-47.
- Гладких Н.В. и др. 2011. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края [Электронный ресурс] / Н.В. Гладких, Е.В. Зеленцова, Е.Х. Мельвиль, А.В. Попов, Е.А. Сачкова, К.Л. Филимонова. Пермь. 98 с. URL: <http://creativeindustries.ru/uploads/userfiles/file/Perm%20Concept.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
- Глазых В. 2011. Город без границ. М. : Территория будущего. 398 с.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. 2017. Города федерального значения как новый источник экономического роста // Общество и экономика. № 2. С. 53-70.
- Зубаревич Н. 2018. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? // Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития : сб. науч. ст. М. : Изд. Матушкина И.И. С. 25-36.
- Зукин Ш. 2015. Культуры городов. М. : Новое лит. обозрение. 424 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое изд-во. 464 с.
- Кордонский С., Дехант Д., Моляренко О. 2012. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. Т. 21, № 2. С. 62-102.
- Лавриненко А.С. 2015. Актуальные вопросы государственного регулирования творческих индустрий // Вопр. гос. и муницип. управления. № 4. С. 135-159.
- Ледяев В.Г., Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. 2014. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис : Полит. исслед. № 2. С. 88-105.
- Лэндри Ч. 2011. Креативный город. М. : Классика-XXI. 399 с.
- Мартьянов В.С. 2016. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и междунар. отношения. Т. 60, № 10. С. 41-51.
- Мартьянов В.С. 2017. Поздний Модерн и границы привычного капитализма: в поисках внеэкономических факторов развития // Обществ. науки и современность. № 1. С. 165-176.
- Мартьянов В.С., Руденко В.Н. 2012. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 12. С. 316-330.
- Миланович Б. 2017. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М. : Изд. Ин-та Гайдара. 336 с.
- Новая повестка развития российских городов [Электронный ресурс], 18 сент. 2017. URL: <https://www.csr.ru/news/novaya-povestka-razvitiya-rossijskih-gorodov/> (дата обращения: 20.02.2019).
- Панкевич Н.В. 2016. Местное самоуправление в системе государственной власти // Полис : Полит. исслед. № 2. С. 62-77.
- Петухов Н.А. 2017. Сравнение крупных городов с регионами их расположения // Вестн. Южно-урал. гос. ун-та. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 11, № 3. С. 13-21.

Полиди Т.Д. 2017а. Освобождение городов: как агломерации помогут российской экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbanecomomics.ru/expert/polidi-tatyana-dmitrievna/osvobozhdenie-gorodov-kak-aglomeracii-pomogut-rossiyskoj-ekonomike> (дата обращения: 20.02.2019).

Полиди Т.Д. 2017б. Рейтинг столичных городов России от Фонда «Институт экономики города» [Электронный ресурс]. URL: http://www.urbanecomomics.ru/centrobshchestvennyh-svyazey/news/rejting-stolichnyh-gorodov-rossii-ot-fonda-institut-ekonomiki#_ftn2 (дата обращения: 20.02.2019).

Слепаков С. 2012. Вымирание малых городов и деревень в России: «огораживание» XXI века? // Альтернативы. № 3. С. 79-88.

Тургель И.Д., Целищева Е.Ф. 2007. О финансовой самостоятельности местных органов власти // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. Т. 18, №1. С. 167-173.

Туровский Р.Ф. 2015. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полит. исслед. № 2. С. 35-51.

Флорида Р. 2005. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI. 421 с.

Флорида Р. 2018. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М. : Изд. группа «Точка». 360 с.

Харви Д. 2007. Неолиберальная урбанизация [Электронный ресурс], 25 мая. Ин-т обществ. проектирования. 26 с. URL: <http://www.inop.ru/files/Harvey.doc> (дата обращения: 20.02.2019).

Харви Д. 2008. Право на город // Логос. № 3. С. 80-94.

Хокинс Д. 2011. Креативная экономика. М. : Классика-XXI. 256 с.

Циммерман К. 2017. Собственная логика городов: взгляд с точки зрения политологии // Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике / под ред. Х. Беркинг, М. Лёв. М. : Новое лит. обозрение. С. 262-292.

Черных М. 2017. «Столб, лестница, лужа, киоск»: общественники пересчитали препятствия на велодорожках Екатеринбурга [Электронный ресурс], 02 окт. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-478308.html (дата обращения: 20.02.2019).

Bussolo M. et al. 2019. Toward a New Social Contract : Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia [Электронный ресурс] / Maurizio Bussolo, María E. Dávalos, Vito Peragine and Ramya Sundaram. Washington, DC : World Bank Group. 251 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

Carmon N., Fainstein S. (eds.) 2013. Policy, planning, and people: promoting justice in urban development / ed.by N. Carmon and S. Fainstein. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press. 416 p.

Friedmann J. 1966. Regional Development. Boston : Policy. 196 p.

Lefebvre H. 1968. Le droit à la ville. Paris : Anthopos. 166 p.

Oyelaran-Oyeyinka O., Lal K. 2016. Urbanization and Structural Transformation [Электронный ресурс]. Nairobi : Un-Habitat. 44 p. URL: <https://unhabitat.org/books/urbanization-and-structural-transformation> (дата обращения: 20.02.2019).

Sassen S. 1991. The Global. City: New York, London, Tokyo. Princeton : Princeton Univ. Press. 397 p.

Walker R. 2018. Pictures of a Gone City: Tech and the Dark Side of Prosperity in the San Francisco Bay Area. Oakland : PM Press, Spectre. 480 p.

E. Kochukhova, V. Martianov. Kreativnyy gorod ili pravo na gorod: al'ternativy urbanisticheskogo razvitiya v rossiyskom kontekste [Creative city or right toward the city: alternative of urban development in Russian context], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 45–66. (in Russ.).

Elena S. Kochukhova, Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. Email: elenascause@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7329-2046

Victor S. Martianov, Candidate of Political Science, Interim Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. Email: martianovu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7747-0022

Article received 23.03.2019, accepted 29.04.2019, available online 01.07.2019

CREATIVE CITY OR RIGHT TOWARD THE CITY: ALTERNATIVE OF URBAN DEVELOPMENT IN RUSSIAN CONTEXT

Abstract. This paper considers the problem of the limited resources of extensive modernization and urbanization. The center-periphery polarization between Russian cities is described. The outlines of urban development are explored. City development in Russia is treated through neo-Marxist critical theory. This approach allows 1) to reveal paradoxical contradictions in the current system of fiscal federalism; 2) to raise the question of the reassessment of the cities' status in the state management system; 3) to detect a systemic problem in attempts to implement creative development strategies into peripheral capitalism; 4) to substantiate the importance of the struggle for the right toward the city in order to escape the demodernization's trap. The socio-political and economic specifics of Russian urban development are inscribed into the global context. The fact of interest of power subjects in neoliberal rhetoric is fixed. Limited attempts to pass to a post-industrial urban economy are described. On the base of the issue of fiscal federalism's consequences, the authors justify that maintaining the asymmetric exchange of resources between the federal budget and budgets of the cities contradicts the task of Russian cities' modernization. A structural solution that allow to stimulate the development of the biggest Russian cities under the existing conditions is proposed. It is necessary to withdraw them from the territorial logic of subordination to the regional authorities. This step can stimulate a short-term increase of social and economic inequality; but in the long-term perspective it will create own urban development resources which are related to their human and social capital. A reorientation to new subjects of modernization is proposed as a strategic decision. Decentralization of power, increasing the administrative status of the biggest cities, involving citizens in resolving issues of common good become the main alternatives to the existing demodernization logic of the state.

Keywords: creative city; the right to the city; human capital; decentralization; delegation of authority; local government.

References

Berishvili N. *Bezrabotnym predlagayut zarplaty vdvoe nizhe srednikh po strane* [The unemployed are offered salaries half the national average], April 17, 2018, available at: <https://iz.ru/726624/nataliia-berishvili/bezrabotnym-predlagaiut-zarplaty-vdvoe-nizhe-srednikh-po-strane> (accessed February 12, 2019). (in Russ.).

Brooks D. *Bobo v rayu: Otkuda beretsya novaya elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There], Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 296 p. (in Russ.).

Bussolo M., Dávalos M.E., Peragine V., Sundaram R. *Toward a New Social Contract : Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia*, Washington, DC, World Bank Group, 2019, 251 p., available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf> (accessed February 20, 2019).

Carmon N., Fainstein S. (eds.) *Policy, planning, and people: promoting justice in urban development*, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2013, 416 p.

Chernykh M. «Stolb, lestnitsa, luzha, kiosk»: obshchestvenniki pereschitali prepyatstviya na velodorozhkakh Ekaterinburga [‘Pillar, stairs, puddle, stall’- citizens counted obstacles on Ekaterinburg bike paths], October 02, 2017, available at: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-478308.html (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative class: people who change the future], Moscow, Klassika-XXI, 2005, 421 p. (in Russ.).

Florida R. *Novyy krizis gorodov: Dzhentifikatsiya, dorogaya nedvizhimost', rastushchee neravenstvo i chto nam s etim delat'* [New Urban Crisis: gentrification, expensive real estate, growing inequality and what can we do about it], Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Tochka», 2018, 360 p. (in Russ.).

Friedmann J. *Regional Development*, Boston, Policy, 1966, 196 p.

Gladkikh N.V., Zelentsova E.V., Mel'vil' E.Kh., Popov A.V., Sachkova E.A., Filimonova K.L. *Permskiy proekt. Kontseptsiya kul'turnoy politiki Permskogo kraya* [The Perm project. The concept of the cultural policy of Perm Region], Perm, 2011, 98 p., available at: <http://creativeindustries.ru/uploads/userfiles/file/Perm%20Concept.pdf> (accessed February 12, 2019). (in Russ.).

Glazychev V. *Gorod bez granits* [The City Without Borders], Moscow, Territoriya budushchego, 2011, 398 p. (in Russ.).

Gusev A.B., Yurevich M.A. *Goroda federal'nogo znacheniya kak novyy istochnik ekonomicheskogo rosta* [Cities of federal significance as a new source of economic growth], *Obshchestvo i ekonomika*, 2017, no. 2, pp. 53-70. (in Russ.).

Harvey D. *Neoliberal'naya urbanizatsiya* [Neoliberal urbanization], May 25, 2007, Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 26 p., available at: <http://www.inop.ru/files/Harvey.doc> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Harvey D. *Pravo na gorod* [The Right to the City], *Logos*, 2008, no. 3, pp. 80-94. (in Russ.).

Howkins J. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], Moscow, Klassika-XXI, 2011, 256 p. (in Russ.).

Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy], Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p. (in Russ.).

Kordonskiy S., Dekhant D., Molyarenko O. *Soslovnye komponenty sotsial'noy struktury Rossii: gipotetiko-deduktivnyy analiz i popytka modelirovaniya* [Class components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and modeling], *Mir Rossii*, 2012, vol. 21, no. 2, pp. 62-102. (in Russ.).

Landry Ch. *Kreativnyy gorod* [Creative City], Moscow, Klassika-XXI, 2011, 399 p. (in Russ.).

Lavrinenko A.S. *Aktual'nye voprosy gosudarstvennogo regulirovaniya tvorcheskikh industriy* [Topical issues of state regulation of creative industries], *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2015, no. 4, pp. 135-159. (in Russ.).

Ledyayev V.G., Chirikova A.E., Seltser D.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov* [Power in a small Russian Town: the Configuration and Interaction of the Key Actors], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 88-105. (in Russ.).

Lefebvre H. *Le droit à la ville*, Paris, Anthopos, 1968, 166 p.

Martianov V.S. *Kreativnyy klass – kreativnyy gorod: real'naya perspektiva ili utopiya dlya izbrannykh?* [A creative class, a creative city: a real perspective or a utopia for the elite?], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 41-51. (in Russ.).

Martianov V.S. *Pozdnyy Modern i granitsy privychnogo kapitalizma: v poiskakh vneekonomicheskikh faktorov razvitiya* [Late Modernism and the boundaries of customary capitalism: in search of non-economic factors of development], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 1, pp. 165-176. (in Russ.).

Martianov V.S., Rudenko V.N. *Rossiyskie megapolisy: ot industrial'nykh gorodov k strategii mnogofunktsional'nykh aglomeratsiy* [Russian Metropolises: from Industrial City to a Strategy of the multi-functional Agglomerations], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2012, vol. 12, pp. 316-330. (in Russ.).

Milanovich B. *Global'noe neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global Inequality. A New Approach for of Globalization], Moscow, Izdanie Instituta Gaydara, 2017, 336 p. (in Russ.).

Novaya povestka razvitiya rossiyskikh gorodov [A new agenda for the development of Russian cities], September 18, 2017, available at: <https://www.csr.ru/news/novaya-povestka-razvitiya-rossijskih-gorodov/> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Oyelaran-Oyeyinka O., Lal K. *Urbanization and Structural Transformation*, Nairobi, Un-Habitat, 2016, 44 p., available at: <https://unhabitat.org/books/urbanization-and-structural-transformation> (accessed February 20, 2019).

Pankevich N.V. *Mestnoe samoupravlenie v sisteme gosudarstvennoy vlasti* [Local Self-Government in the System of Government], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 62-77. (in Russ.).

Petukhov N.A. *Sravnenie krupnykh gorodov s regionami ikh raspolozheniya* [Comparison of big cities with their regions of location], *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment»*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 13-21. (in Russ.).

Polidi T.D. *Osvobozhdenie gorodov: kak aglomeratsii pomogut rossiyskoy ekonomike* [The liberation of cities: how agglomerations will help the Russian economy], 2017, available at: <http://www.urbanecomomics.ru/expert/polidi-tatyana-dmitrievna/osvobozhdenie-gorodov-kak-aglomeratsii-pomogut-rossiyskoy-ekonomike> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Polidi T.D. *Reyting stolichnykh gorodov Rossii ot Fonda «Institut ekonomiki goroda»* [Rating of capital cities of Russia], 2017, available at: http://www.urbanecomomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/rejting-stolichnyh-gorodov-rossii-ot-fonda-institut-ekonomiki#_ftn2 (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Sassen S. *The Global. City: New York, London, Tokyo*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1991, 397 p.

Slepakov S. *Vymiranie malyykh gorodov i dereven' v Rossii: «ogorazhivanie» XXI veka?* [The Extinction of Small Towns and Villages in Russia: 'fencing' XXI Century?], *Al'ternativy*, 2012, no. 3, pp. 79-88. (in Russ.).

Tsimmerman K. *Sobstvennaya logika gorodov: vzglyad s tochki zreniya politologii* [The own cities' logic: a view from the perspective of political science], *Kh. Berking, M. Lev (eds.) Sobstvennaya logika gorodov: novye podkhody v urbanistike*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, pp. 262-292. (in Russ.).

Turgel' I.D., Tselishcheva E.F. *O finansovoy samostoyatel'nosti mestnykh organov vlasti* [On the financial independence of local authorities], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2007, vol. 18, no.1, pp. 167-173. (in Russ.).

Turovskiy R.F. *Rossiyskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoy vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoj passivnosti* [Russian Local Government: The Agent of the State Government in a Trap of the Underfunding and Civic Passivity], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2015, no. 2, pp. 35-51. (in Russ.).

Vakhshayn V. *Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom* [Rebuilding the city: between language and space], *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9-38. (in Russ.).

Vallerstajin I. *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [World-System analysis: An introduction], Moscow, Territoriya budushchego, 2006, 246 p. (in Russ.).

Volkova O., Sokolov A., Terentiev I. *Issledovanie RBK: kak vymirayut rossiyskie goroda* [Study of RBC: How dying out the Russian Cities], January 22, 2015, available at: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fcaf9a7947a8f1dc4a7f> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Vysokovskiy A. *Upravlenie prostranstvennym razvitiem* [Development and spatial planning], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 3, pp. 36-47. (in Russ.).

Walker R. *Pictures of a Gone City: Tech and the Dark Side of Prosperity in the San Francisco Bay Area*, Oakland, PM Press, Spectre, 2018, 480 p.

Zubarevich N. *Ekonomicheskie i byudzhetye preimushchestva Moskvy: kak oni formiruyutsya i ispol'zuyutsya?* [Economic and budget advantages of Moscow: how are they formed and used?], *Staraya i novaya Moskva: tendentsii i problemy razvitiya : sb. nauch. st.*, Moscoe, Izdanie Matushkina I.I., 2018, pp. 25-36. (in Russ.).

Zukin Sh. *Kul'tury gorodov* [The Cultures of Cities], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 424 p. (in Russ.).

УДК 340.15
DOI 10.17506/aip.2019.19.2.6786

ОБЩИННОЕ ПРАВО

Павел Игоревич Костокрызов

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: pkostogryzov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9345-3900
ResearcherID: K-2794-2018

Материал поступил в редколлегию 14.03.2019 г.

Статья посвящена проблеме концептуализации социально-нормативного порядка, не связанного непосредственно с деятельностью государства и чаще всего обозначаемого в юридической науке терминами «правовые обычаи» и «обычное право». Право этого типа возникает в догосударственный период и затем в течение продолжительного времени сосуществует с системой норм, создаваемой государством, а в ряде регионов продолжает играть роль важного социального регулятора и в наши дни. Анализируя устоявшуюся теорию обычного права, автор предлагает взглянуть на это понятие по-новому, выявляя ряд связанных с ним теоретических и эпистемологических проблем. Показано, что наиболее распространенное определение обычного права внутренне противоречиво, неоднозначность и неоправданно широкое применение этого понятия обедняет его содержание, а представление, согласно которому право догосударственных обществ и государственно-организованных социумов, сохранивших независимые от государства правовые институты, состоит из одних лишь обычаев, являющихся результатом многократного повторения неких (более или менее случайных) действий, неверно. Применяя принципиально иной подход к типологии права, который учитывает прежде всего не формальные критерии, а характер

тех социальных сил, которые обеспечивают общеобязательность правовых норм, автор вводит и обосновывает понятие общинного права. Показано, что данное понятие наиболее релевантно для обозначения права традиционного общества, не основанного на волеизъявлении государственной власти, а также тех правовых порядков, которые существуют в современных социумах параллельно с официальным правом государства. Его объем полностью соответствует обозначаемому им множеству явлений, и его использование помогает избежать тех противоречий и вводящих в заблуждение коннотаций, которые возникают в связи с употреблением категории «обычное право». Опираясь на фактологический материал, предоставляемый историей права и юридической этнографией, автор выявляет основные структурные и содержательные особенности общинного права, отличающие его от других типов права, и дает характеристику его источников.

Ключевые слова: общинное право, обычное право, народное право, негосударственное право, право в традиционном обществе, правовой плюрализм, община, юридическая антропология, теория государства и права, история государства и права.

Спор о том, что появилось раньше – право или государство – и возможно ли функционирование первого без участия второго, ведется в юридической науке уже не первый век. Вопрос этот, по сути, мировоззренческий, и ответ на него зависит от изначально выбранной тем или иным ученым позиции. В данной статье мы остановимся на одном из аспектов этой фундаментальной дискуссии, а именно на вопросе о сущности социально-нормативного порядка, который возникает на стадии становления ранней государственности и затем в течение продолжительного исторического периода действует одновременно с системой норм, создаваемой государством, постепенно уступая ей место или «абсорбируясь» ею, входя в ее состав.

Всякий раз, когда речь заходит о нормативном регулировании социальной жизни в традиционных обществах, как находящихся на догосударственной стадии развития, так и вступивших в эпоху ранней государственности, в современном научном дискурсе используется категория *обычное право*. Под этим понятием подразумевается система норм, используемых негосударственными институтами социального регулирования традиционного общества – прежде всего общинами. Применительно к сфере государственного регулирования обычное право рассматривается как первичный источник, к которому в дальнейшем добавляются другие формы права – законы, прецеденты и т.д. Термином *обычное право* обозначают и нормативные системы, регулирующие социальную жизнь самоуправляемых сообществ (общин), которые в современных условиях сохраняют ту или иную степень правовой автономии от государства.

Такая точка зрения является практически общепринятой и почти не подвергается сомнению (если не считать споров позитивистов и непозитивистов о том, может ли называться правом система обычаев, не признанная государством и не обеспеченная санкцией с его стороны). Тем не менее мы возьмем на себя смелость проблематизировать это устоявшееся представление и предложить иное, более адекватное, на наш взгляд, понятие, охватывающее право, регулирующее жизнь человеческих коллективов вне сферы прямого действия институтов государственной власти.

Понятие *обычное право* существует давно, оно успело прочно укорениться в научном обиходе и стать настолько привычным, что, казалось бы, не должно вызывать особых вопросов и дискуссий. В его теоретическую разработку внесло вклад не одно поколение ученых, начиная, по крайней мере, с выдающихся представителей исторической школы правоведения Г.Ф. Пухты и Ф.К. фон Савиньи и заканчивая нашими современниками М.А. Супатаевым, И.Е. Сеницыной, В.В. Бочаровым, В.Б. Безгиным, Г.Г. Небратенко, К.А. Алимжаном и др. Однако исследователям, которые непосредственно работают с комплексом социально-правовых феноменов, так или иначе соотносимых с этим понятием, приходится сталкиваться с целым рядом методологических проблем и «узких мест», имеющихся в теории обычного права.

Согласно принятому в современной российской юридической науке определению, **обычное право** – это совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной властью (Сухарев, Крутских 2001: 388). В качестве основных конституирующих признаков обычного права рассматриваются возникновение его норм из практики повторяющихся действий и неписаная форма.

Сфера употребления этого термина весьма обширна. Он используется по крайней мере в трех непересекающихся значениях. Обычным правом называют:

I. Правовой порядок, существующий в догосударственном обществе и тех сегментах государственно-организованных социумов, которые сохранили определенную степень правовой автономии от государства и разрешают возникающие юридические споры самостоятельно, не прибегая к помощи государственных институтов.

II. Неписанные нормы в составе системы права того или иного государства, применяемые судами и другими органами публичной власти. Сюда относят нормы самого разного характера – от старинных обычаев отдельных этнических общностей до обычаев делового оборота и даже конституционных обычаев (например, в Великобритании).

III. Неписанные нормы международного права.

Нас интересует обычное право в первом значении, но два других также надо иметь в виду для понимания того, насколько широко используется данный термин. При этом совершенно разнородные явления объединяются в одно понятие на основании формального признака «неписанности». Таким образом, объем понятия «раздувается», а его содержание «мельчает». В результате приходится всякий раз оговаривать, какое значение термина *обычное право* имеется в виду в конкретном случае. Ценность же научного понятия состоит именно в его однозначной определенности и содержательной глубине. Чрезмерная широта использования термина представляется первой гносеологической проблемой господствующей концепции обычного права.

Но это, пожалуй, наименьшая из ее проблем. Куда более серьезные вопросы возникают при содержательном анализе самой дефиниции обычного права, приведенной выше.

Прежде всего следует отметить, что на ней лежит неизгладимый отпечаток позитивизма – правом признается только то, что санкционировано государством. Позитивистское правопонимание по сию пору сохраняет доминирующие позиции в постсоветской юридической науке. Попытка полемизировать с ним увела бы нас далеко от рассматриваемой темы, однако нельзя не заметить, что именно в теории обычного права последовательный позитивизм приводит к неразрешимому противоречию. Действительно, первое значение этого термина включает системы социальных норм, формирующиеся в догосударственных обществах и продолжающие действовать в социумах, обладающих государственностью, но без непосредственного участия государственных органов в правоприменении. Возникает вопрос: можно ли считать эти нормативные системы правом? С позитивистской точки зрения, неразрывно связывающей право с государством, ответ должен быть отрицательным для времени, предшествующего возникновению государства, и положительным начиная с того момента, когда оно появляется и придает обычаям свою санкцию.

Очевидна искусственность такого разграничения: одна и та же правовая система, не изменившая ни своей сущности, ни своих проявлений, признается или не признается правом в зависимости от внешнего по отношению к ней обстоятельства существования государства (не говоря уже о том, что зарождение государства не одномоментное событие и зафиксировать точную дату его возникновения в том или ином обществе невозможно). Как правило, в раннегосударственный период институты общинного правосудия и «обычного» права продолжают функционировать в том же режиме, что и в догосударственный, независимо от государственной власти, которая далеко не сразу начинает оказывать влияние на уже сложившуюся систему правовых норм.

Некоторые сторонники позитивистского правопонимания предпочитают именовать право догосударственного общества «предправом» или «протоправом», одновременно применяя к нему и термин *обычное право*. На алогичность такого словоупотребления справедливо указывает Г.Г. Небрятенко (Небрятенко 2013: 7). Он, со своей стороны, предлагает различать обычное право в «социально-правовом» и «специально-юридическом» смысле, первый из которых, по его мнению, был характерен для права в догосударственном обществе, а второй складывается по мере формирования государства (Небрятенко 2013: 8). Такой подход представляется более логичным, однако и он не снимает того противоречия, которое призван разрешить, поскольку порождает новые вопросы, в частности: является ли «право в социальном смысле» правом в строгом значении этого слова? Ответ позитивистов, вероятнее всего, будет отрицательным, и цепочка рассуждений вновь приведет к отправной точке дискуссии – спору о праве и «предправе».

Поэтому с точки зрения эффективности научного познания феномена обычного права в значении I было бы разумнее совсем отказаться от позитивистского подхода и исходить из признания за правом самостоятельного онтологического статуса, не производного от бытия государства. Например, можно взять за основу определение из «Энциклопедического словаря»

Брокгауза и Ефрона: *право есть совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения людей в обществе* (Малый энциклопедический словарь 1909). Это позволяет снять описанное выше противоречие, специфичное именно для позитивистского правопонимания.

Но формулировка *«совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения»* при критическом рассмотрении оказывается нерелевантной для описания сложного правового порядка, существующего в безгосударственных обществах или сегментах современного общества, которые по каким-то причинам оказываются вынуждены решать возникающие юридические споры самостоятельно, не прибегая к помощи государственных институтов.

Во-первых, что значит «правило, сложившееся в результате многократного применения» – что именно «применяется многократно»? Если это – правило, то, следовательно, оно уже существовало до этого «многократного применения»; если же определенный способ действия в определенной ситуации, не будучи сначала правилом, становится таковым только после «многократного применения» (что, очевидно, и предполагает рассматриваемое определение обычного права), то возникает следующий вопрос: всякое ли многократно повторенное действие становится правовым обычаем? Безусловно, нет. Например, преступление, сколь бы часто оно ни совершалось, правилом поведения не будет по определению. Значит, должен существовать какой-то социальный механизм отбора тех «многократно повторяемых» актов, которые способны стать нормами. И механизм этот составляет существенный элемент «обычного права» (в значении I).

Во-вторых, далеко не все юридические обычаи возникают в результате «многократного повторения» неких действий. Возьмем, к примеру, такой широко распространенный обычно-правовой институт, как кровная месть. Действительно ли необходимы были «многократные повторения» актов мести, чтобы она вошла в обычай? Скорее, наоборот, уверенность в справедливости и даже необходимости мщения за кровь родича приводила к совершению этих актов в определенных случаях. За кровной мстью стоит вполне определенное мировоззрение, включающее представления о святости крови, связи индивида и рода, культе предков, погребальных жертвах и т.д., а в конечном счете и о справедливости – воздаянии за нанесенную «обиду». Можно ли утверждать, что обычай кровной мести сформировался в результате ее «неоднократного применения», а весь этот сложный идейный комплекс был «подверстан» лишь позднее, чтобы обосновать его? Не логичнее ли считать, что, напротив, кровная месть – это следование императиву, вытекающему из родового мировоззрения? Не говоря уже о том, что прагматическая функция данного института состоит как раз в том, чтобы не допускать таких ситуаций, в которых могло бы понадобиться его повторение. Это же относится и к обычно-правовым нормам, представляющим собой запреты. Какое действие надо было «многократно повторить», чтобы запрет вошел в обычай? Ведь он направлен именно на предотвращение совершения определенного рода деяний.

На эту логическую неувязку в теории обычного права обращал внимание еще Г.Ф. Пухта, считавший ошибочным «воззрение... что обычай рождает право... Народ в течение долгого времени действует слепо и без руководящих принципов, а потом вдруг воображает себе, что у него существует право» (Пухта 1874: 35). Не отказываясь от самого термина *обычное право*, немецкий ученый пошел дальше поверхностного взгляда на него как на совокупный результат многократного повторения неких действий. «Обычным называется то право, которое возникает непосредственно в народном сознании. Творя его, народный дух не пользовался ничем иным, кроме настроения своих членов», – писал Г.Ф. Пухта (Пухта 1874: 33). «Обычай есть применение уже существующего в народном сознании юридического права», – подчеркивал он (Пухта 1874: 35).

С Пухтой соглашался его коллега и единомышленник по исторической школе права Ф.К. фон Савиньи. Он утверждал: «...в приведенном мнении (о происхождении обычного права из многократного повторения. – П.К.) истинное отношение между причиной и следствием вывернуто наизнанку. ... Основание (обычного права. – П.К.) существует... в общем сознании народа. ... Обычай есть признак позитивного права, а не основание его возникновения» (Савиньи 2011: 293). Савиньи, впрочем, делал оговорку, что некоторые «относительно безразличные», второстепенные нормы, например определяющие внешнюю форму юридических сделок, могли возникать и путем многократного применения (Савиньи 2011: 294).

Полемический пафос исторической школы был направлен преимущественно против естественно-правовых воззрений, господствовавших в XVIII в., особенно во второй его половине, основными выразителями которых в Германии начала XIX в. были представители философской школы права, и прежде всего ее признанный лидер А.Ф.Ю. Тибо. Юснатуралисты выводили право из универсальной и неизменной человеческой природы, абстрагируясь от исторического и культурного контекста, приходя к выводу о необходимости коренного преобразования права на чисто рациональных началах. Тибо придерживался значительно смягченного варианта естественно-правовой теории, признавая важность учета исторически сложившихся институтов (почему и называл свой подход «историко-философским»), но тем не менее последовательно выступал за глубокое реформирование немецкого права путем общегерманской кодификации. Это неизбежно означало не только нивелирование региональных различий, но и полное стирание многих особенностей немецкого права. Тибо считал их «следствием грубости человеческой и привычки к издавна установившимся, хотя и нецелесообразным формам и отношениям» (Цит. по: Михайлов 2013: 108), а истористы – манифестацией того самого народного духа, из которого они выводили право как таковое. Отсюда во многом и проистекал их пиетет по отношению к обычному праву, оберегать которое от атак со стороны рационалистического реформизма они считали своим долгом.

Воззрения исторической школы подвергались критике со стороны многих ученых. Так, К.А. Алимжан, говоря о слабой обоснованности тео-

рии Г.Ф. Пухты, подчеркивает, что она априори предполагает «изначальное единство некоего народа – создателя обычного права, а также существование в его незримом правосознании определенной системы правовых норм», а кроме того, «не уделяет внимания механизму формирования нравов и обычаев» (Алимжан 2003: 219). С первым замечанием следует полностью согласиться: действительно, народ может реализоваться как активный субъект правотворчества только через государство, так как более ранние формы общественной организации – общины, племена и союзы племен – не объединяли целых народов (да и вообще, вызывает сомнения сама возможность применения категории «народ» к догосударственному периоду истории). Вполне обоснованно отвергнута современной наукой и идея юристов исторической школы о народном духе как активном начале, формирующем единые право и правосознание у целого народа поверх племенных, общинных и даже государственных границ.

Что же касается второго замечания К.А. Алимжана – о недостатке внимания к механизму формирования нравов и обычаев у представителей исторической школы, то его с еще большим основанием мы относим к господствующей теории обычного права. В самом деле, концепция «многократного применения» никак не может считаться удовлетворительным объяснением механизма формирования обычаев, поскольку не отвечает на главный вопрос: как именно происходит отбор из множества многократно повторяемых действий тех, которые затем становятся нормами? Нельзя не признать, что в этом вопросе представители исторической школы оказались пронизательнее своих критиков, а их взгляд на становление обычаев – гораздо глубже преобладающей ныне теории.

Обычно-правовая норма возникает не случайно, и далеко не всякое повторяющееся поведение способно превратиться в обычай, а только такое, которое соответствует сложившимся в обществе представлениям о должном, правильном, справедливом. А значит, сами эти представления составляют существенную, даже основную, часть того, что принято считать обычным правом. Г.Ф. Пухта и Ф.К. фон Савиньи именовали такие представления «нравами», «настроениями» и даже «юридическими правилами». Сейчас мы называем их правовыми ценностями и принципами. Юристы исторической школы действительно не раскрыли глубинный механизм их формирования, но было бы несправедливо ставить им это в вину. Это невозможно было сделать, оставаясь в предметном поле «чистой» юриспруденции, да и вообще для науки первой половины XIX века такая задача была неразрешимой. Ее впервые поставила и смогла приблизиться к решению юридическая антропология, возникшая позже (Рулан 1999; Костогрызов 2017).

В-третьих, обычаи составляют пусть и очень важную, но далеко не единственную часть правовых норм традиционного общества. Этнографам и антропологам хорошо известны примеры вполне сознательного конструирования новых норм общинными властями в форме приказов вождей или шаманов, решений старейшин или общинных собраний. Очевидно, что эти постановления становятся правом соответствующей общины сразу, без необходимости многократного применения. Кроме того, судебным органам

общин часто приходится иметь дело с ситуациями, для которых не существует никаких обычаев или иных заранее установленных норм: тем не менее они выносят по ним правовые решения. Чем же они при этом руководствуются? Видимо, тем же, что лежит и в основе процесса формирования обычаев, – представлениями о справедливости, правовыми ценностями и принципами. Если подобные ситуации и, соответственно, решения в дальнейшем повторяются, они могут войти и в обычай, но нормами права они становятся еще до этого, если не противоречат правосознанию общества.

Таким образом, постулат, согласно которому право догосударственных обществ и государственно-организованных социумов, сохранивших независимые от государства правовые институты, состоит из одних лишь обычаев, являющихся результатом многократного повторения неких (более или менее случайных) действий, неверен. Многократное применение не является не только единственным, но даже и основным механизмом творчества в традиционном обществе. Присущее этому обществу право обладает гораздо более сложной структурой и включает целые пласты норм, имеющих иные, чем вошедшая в обычай практика, источники. Это и нормы, сознательно устанавливаемые уполномоченными на то общинными органами (этот процесс до некоторой степени может служить аналогом законодательной деятельности государства), и юридические прецеденты. А в основе всех этих норм, содержащихся в различных источниках, лежит правосознание соответствующего человеческого коллектива, включающее определенные ценности и принципы, понятие о справедливом и несправедливом и т.д.

«Классическая» концепция обычного права, сводящая негосударственное право к одним лишь обычаям, неоправданно упрощает это явление. Кроме того что она определяет свой объект противоречиво, неполно и неоднозначно, ее последовательное применение приводит к новым теоретико-методологическим проблемам. К ним относится, например, вопрос о том, остается ли обычное право таковым после того, как его нормы зафиксированы письменно. Чаще всего основной характеристикой обычного права считают его неписаную форму, однако составление различных сборников обычаев – довольно распространенная практика. Это делают государственные власти, начиная с «варварских правд» раннего Средневековья и заканчивая кодексами обычного права в африканских странах в наше время. Это делали отдельные судьи для удобства работы – примерами здесь служат средневековые германские «зеркала» и французские сборники кутюмов. В результате такой записи возникает новый источник права, содержащий правовые обычаи, но сам по себе обычаем не являющийся. Он начинает «жить» самостоятельной жизнью – например, не меняется теми способами, которыми меняется обычай, и получает, как правило, высшую силу по отношению к «настоящим», то есть неписаным обычаям. Происходит своеобразное «отчуждение» обычного права от тех, кто его творит своей повседневной практикой. Путь постепенных малозаметных изменений, типичный для неписаных обычаев, в такой ситуации оказывается закрыт, обычное право «консервируется» в том состоянии, в котором оно пребы-

вало на момент письменной фиксации, и его нормальное, эндогенное развитие останавливается. Следует ли считать такое право обычным? Классическая теория обычного права однозначного ответа на этот вопрос не дает, так же как и на симметричный вопрос: может ли норма закона стать правовым обычаем?

Наконец, категория *обычное право* имеет богатый шлейф коннотаций, затрудняющих правильное понимание сути обозначаемого ей явления. Не будучи обязательной частью теории обычного права, эти коннотации, однако, оказываются настолько тесно связанными с ней, что влияют на ход мысли даже признанных специалистов в данной теме. Самый типичный пример такой ошибочной коннотации – представление об обычном праве как о чем-то застывшем, не подверженном изменениям и, как следствие, архаичном, отсталом и даже реакционном (Супатаев 1984; Yrigoyen Fajardo 1999).

Подведем промежуточный итог. Господствующее понятие обычного права слишком широко по объему, его определение противоречиво, неполно и приводит к неразрешимым методологическим проблемам. Если же брать его только в первом (и основном) значении, то оно оказывается, наоборот, чересчур узким, лишь частично соответствующим своему денотату. Поэтому имеет смысл ограничить сферу употребления термина *обычное право* теми сегментами правовых систем (как ныне существующих, так и исторических), которые действительно основаны на многократном применении некоторого юридически значимого образа действий. Сюда относятся, в частности, обычаи делового оборота, конституционные обычаи (особенно в странах англосаксонской правовой семьи), международное обычное право и т.д.

Что же касается обычного права как права догосударственного общества и сохранившихся в государственно-организованных социумах «анклавов» негосударственного правопорядка, то для его обозначения необходимо более точное понятие. Его поиск ведется учеными довольно давно. В частности, некоторые авторы предлагают называть это явление *народным правом* (англ. *folk law*). К. фон Бенда-Бекманн выдвигает в пользу этого варианта такие аргументы: «Это более нейтральный термин, введенный для того, чтобы показать: каково бы ни было право, по которому живут люди, то есть будь оно традиционным, обычным или вновь созданным, это и есть правовая система народа, и потому она должна восприниматься самым серьезным образом. Эта система права может соединять черты обычая и традиции, религии, государственного права, и она может даже включать новые нормы, не вписывающиеся ни в одну из перечисленных выше категорий» (Цит. по: Ковлер 2003: 38).

Но если термин *обычное право* в значении I подвергается критике за узость, то термин «народное право» страдает противоположным изъяном – он чересчур широк. Еще Ф.К. фон Савиньи применял его, имея в виду позитивное право в целом: «...позитивное право живет в общем сознании народа, а потому мы должны называть его *народным правом (Volksrecht)*» (Савиньи 2011: 282). С ним можно спорить, но невозможно не согласиться, что на наименование «народное» может претендовать не только то право,

которое вырабатывается народом без участия государства. Народ может быть организован в некоторое единство, способное создавать и обеспечивать правовой порядок, различными способами. Главной из таких форм организации является государство. Таким образом, и государственное право тоже может быть народным. Расхождение между народным и государственным правом возможно в случае внешнего или внутреннего завоевания, когда победители навязывают свое право побежденным. Поэтому замена термина *обычное право* термином *народное право* не снимает большинства связанных с первым проблем и противоречий.

Не годятся и часто употребляемые термины *негосударственное, неофициальное* или *неформальное право* (Understanding... 2012: 12). Помимо той же широты и неопределенности они страдают еще одним недостатком, общим для всех негативных определений: указывая, чем *не является* определяемый объект, ничего не говорят о его существенных чертах. Многие исследователи предпочитают использовать термины *право коренных народов* и *аборигенное право* (Barié 2008; Yrigoyen Fajardo 2004). Им свойственна ошибка противоположного характера – они сужают объем обозначаемого понятия. Обычное право в значении I действует отнюдь не только в сообществах коренных народов.

Чтобы найти более точное понятие для рассматриваемого класса явлений, необходимо прежде всего определить его место в типологии права вообще. По какому основанию выделяют обычное право и какой тип (или типы) права ему противопоставляют? Основным конституирующим признаком обычного права считают преимущественно его неписаную форму, хотя, как мы видели, даже этот критерий небесспорен – по вопросу, должны ли обычаи, зафиксированные письменно, считаться обычным правом, мнения теоретиков расходятся. Здесь возникают и другие трудности (например, устный приказ носителя государственной власти может содержать правовую норму, но обычаем не является); их пытаются разрешить с помощью признака многократности применения, эпистемологическая недостаточность которого показана выше. Так или иначе, в большинстве случаев подразумевается, что обычному праву противостоит писаное. Как показано выше, данное – чисто формальное – основание деления слишком слабо, что приводит к объединению в одном понятии широкого спектра разнородных феноменов (обычное право в значениях I–III).

Необходим иной критерий типологии, относящийся к самой сущности права, а не к его форме. Часто, когда речь идет об обычном праве в значении I, ему противопоставляют «государственное», или «официальное», право. Это указывает, на наш взгляд, верное направление, в котором следует искать критерий типологии права. Одним из атрибутов права является общеобязательность его норм. Поэтому наиболее релевантным в данном случае основанием деления понятия «право» представляется характер той силы, которая обеспечивает эту общеобязательность (что, разумеется, не исключает возможности классификации и по иным основаниям). Таких сил в истории права известно четыре: государство, международное сообщество, община, корпорация. Соответственно можно выделить четыре типа права:

- национальное (государственное)
- международное
- общинное
- корпоративное.

Община – древнейшая форма организации социальной жизни *homo sapiens*. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что она существует столько же, сколько и само человечество. Именно община обеспечивала социальный порядок в традиционном обществе: в догосударственный период – исключительно, в ранних государствах – разделяя эту функцию с органами публичной власти. Частью этого социального порядка и было то, что принято называть обычным правом (в значении I). Оно создавалось общинными институтами и применялось органами общинного правосудия.

Поэтому для обозначения этого явления наиболее точным представляется термин *общинное право*. Он, с одной стороны, указывает самый существенный признак правопорядков этого типа – то, что они установлены общиной и поддерживаются силами ее институтов. С другой стороны, он позволяет разграничить общинное право и другие типы негосударственного права (например, церковное как вид корпоративного), имеющие иные социальные корни и юридическую природу.

Большинство правовых конфликтов и споров в традиционных обществах разрешалось внутри организованных по территориальному принципу человеческих коллективов, без обращения к государственным органам. Государство, со своей стороны, вопреки редукционистским представлениям позитивистов, далеко не сразу после своего появления на исторической сцене признавало и санкционировало нормы общинного права, беря его применение на себя. На протяжении всего периода существования традиционного (доиндустриального) общества во всем мире сохранялась ситуация правового плюрализма, когда наряду с правопорядком, создаваемым и обеспечиваемым государством, продолжали функционировать партикулярные правопорядки, поддерживаемые общинами. Для стран западного цивилизационного ареала такое положение дел было характерно до эпохи Нового времени, а во многих развивающихся странах имеет место и в наши дни.

Итак, *общинное право* может быть определено как *нормативный и институциональный порядок, определяющий взаимные отношения людей в общине, общеобязательность которого обеспечивается этой общиной самостоятельно без участия государства*.

Понятие *общинное право* имеет ряд преимуществ перед категорией *обычное право*. Оно более релевантно для обозначения правовых систем традиционного общества, не основанных на волеизъявлении государственной власти, а также тех правовых порядков, которые существуют в современных социумах параллельно официальному праву государства. Его объем полностью соответствует обозначаемому множеству явлений, и его использование помогает избежать тех противоречий и вводящих в заблуждение коннотаций, которые возникают в связи с употреблением термина *обычное право*.

Вместе с тем его использование не предполагает тотальной перестройки дискурса тех направлений науки, которые ведут исследования по соответствующей тематике, и создания «с нуля» абсолютно нового нарратива. Оно позволяет сохранить все достижения современной теории обычного права и сделать следующий шаг на пути осмысления общинно-правовых феноменов за счет внесения большей ясности в ее концептуальный «каркас».

В последние десятилетия и в России, и за рубежом вышел целый ряд работ, способствующих углублению понимания проблематики общинного права. Прочитывать здесь их все или хотя бы наиболее значимые не представляется возможным, да и не входит в задачи данной статьи. Поэтому отметим лишь некоторые ключевые идеи, ставшие, на наш взгляд, важным вкладом в развитие научных представлений о праве традиционного общества. Так, постепенно преодолевается устаревший взгляд на «обычное» право как на статичную, консервативную, даже реакционную систему социального регулирования, постоянно отстающую от жизни и тормозящую политико-правовое и социально-экономическое развитие обществ, в которых оно действует. Об ошибочности этого взгляда пишут, в частности, В.В. Бочаров (Бочаров 2013: 145), В.Б. Безгин (Безгин 2017: 15) и Ю.В. Скворцова (Скворцова 2012). Р. Сидер в своих исследованиях показывает, что органическую и весьма значимую часть «обычного» права составляют «новые порядки и нормативные структуры», создаваемые как повседневной практикой, так и сознательными конструктивными усилиями ныне живущих членов общин (Sieder 1996: 12). К.А. Алимжан совершенно справедливо отмечает, что «обычному» праву присущ не только консерватизм, но и динамизм. Последний проявляется, во-первых, в «микроревизионных» изменениях, то есть постепенном, стихийном изменении обычной практики, а во-вторых – в целенаправленном формировании новых норм. На этом основании казахстанский ученый разделяет обычное право на «старое» – собственно обычаи – и «новое», которое, впрочем, он сам признает «обычным» лишь с некоторыми оговорками (Алимжан 2003: 266-267). Именно К.А. Алимжан ближе других авторов, разрабатывающих проблематику *обычного права*, подошел к осознанию нерелевантности этого термина. Сформулированное им определение *обычного права* как «совокупности обеспечиваемых социальным принуждением общеобязательных норм, устанавливающих пределы свободы членов определенной общественной группы (социума)» (Алимжан 2003: 266) может быть с минимальными изменениями трансформировано в дефиницию *общинного права*. Для этого достаточно лишь конкретизировать природу упоминаемой в нем общественной группы, прямо назвав ее общиной.

Все большее признание получает тезис о том, что обычай является далеко не единственным источником «обычного» права. Г.Г. Небрятенко выделяет две формы, в которых развивается «обычное» право в традиционном обществе – естественную и волевою (Небрятенко 2010: 165) (правда, вторую он относит исключительно к государственному периоду, с чем трудно согласиться). Источниками «обычного» права он полагает помимо обычаев

также юридические прецеденты, договоры, нормативные правовые акты (Небрatenко 2013: 28-34). Немаловажным представляется и положение, выдвигаемое Г.Г. Небрatenко, согласно которому народное правосознание способно осваивать нормативные акты государственной власти, превращая их в обычаи (Небрatenко 2013: 28-34). Российский ученый справедливо отмечает недостатки «классической» теории обычного права: «...до настоящего момента рассмотрение обычно-правовой системы осуществлялось только через призму обычного права»; это не позволило «сформировать глубокого доктринального представления об онтологических и трансформационных параметрах» данного феномена и «сформулировать понятийный аппарат» (Небрatenко 2013: 28). Чтобы преодолеть гносеологический тупик, в который с очевидностью ведет устоявшаяся парадигма, Г.Г. Небрatenко вводит собственное понятие обычно-правовой системы, которую предлагает рассматривать «в качестве конкретно-исторической совокупности обычного права, юридической практики и правосознания» (Небрatenко 2013: 28-34). На наш взгляд, такой шаг, хотя он до определенной степени и продуктивен, не решает всех обозначенных выше методологических проблем, так как сохранение предиката «обычно-правовая» не позволяет новому понятию избавиться от того «шлейфа» ошибочных коннотаций, который связан с «унаследованной» от классиков категорией *обычное право*.

Представляется, что использование в рамках теории Г.Г. Небрatenко понятия *общинное право* (и соответственно *общинно-правовая система*) было бы вполне органичным и обеспечило бы большую четкость ее понятийного аппарата.

В работах процитированных и некоторых других авторов (Зумбулидзе 2004; Ломакина 2005; Думанов, Першиц, 2005) наметился отход от позитивистского увязывания правового статуса действующих в общинной среде норм с наличием государственной санкции, взамен которого постепенно утверждается признание самостоятельного онтоса права. Используется рядом зарубежных исследователей и термин «общинное право» (Brandt, Franco 2006), но без четкого определения и глубокой теоретической проработки.

Итак, опираясь на уже достигнутый современной наукой уровень знаний об общинном праве, мы имеем возможность обозначить основные сущностные характеристики этого феномена, отличающие его от других типов права, и выделить формы его выражения.

Как было показано выше, общинное право не сводится к одним лишь обычаям; состав и структура его источников гораздо сложнее. Формы общинного права варьируются в зависимости от культурных, исторических и социальных условий жизни конкретного человеческого коллектива. Но в целом его источники, при всем их разнообразии, можно подразделить на четыре основные группы:

1. Правовые обычаи, или обычное право в узком смысле, то есть такие нормы, которые действительно формируются в ходе многократного применения единообразных юридически значимых действий в сходных ситуациях (общинное обычное право). Они занимают важное место в массиве норм

общинного права и в определенные периоды у определенных общностей составляют его большую часть, но никогда и нигде они не были единственным источником права. Как подчеркивалось выше, обычаи возникают не случайно, а в результате действия социального механизма, позволяющего выделить из всех способов поведения в ситуациях определенного типа тот, который может и должен стать нормативным. Эту функцию выполняет правосознание, в котором поведенческие паттерны проходят сверку с основополагающими правовыми ценностями и принципами данной общины. В обычай входит лишь то, что этим ценностям и принципам соответствует. Поэтому задача юридической этнографии при изучении данного компонента общинного права состоит не только в фиксации самих обычаев, но и в реконструкции лежащего в их основе мировоззрения.

2. Правовые установления органов власти общины (общинные нормативно-правовые акты). Это правила поведения, нормативная сила которых основывается уже не на обычае, а на воле общинного коллектива, выраженной в решениях народного собрания, совета старейшин, вождя или иного властного органа. Они становятся общеобязательными сразу после принятия, независимо от частоты и длительности применения. По мере усложнения общественных отношений и развития потестарных институтов доля и значимость таких норм в общинном праве растет. Нормы этого типа зафиксированы этнографами и историками как у первобытных народов, так и в общинах, сосуществующих с государственными институтами. В традиционном обществе они бытовали в неписаной форме, передаваясь изустно от поколения к поколению наравне с обычаями, что нередко приводит исследователей к ошибочному смешению их с последними. В современных условиях постановления общинных органов в развивающихся странах все чаще фиксируются письменно и хранятся у должностных лиц общины. Как показывают этнографические данные, некоторые общины, например в Латинской Америке, периодически (обычно раз в год, одновременно с переборами общинного руководства) в присутствии всех общинников проводят ревизию своих архивов, которая сопровождается публичным оглашением действующих нормативных актов. Это, с одной стороны, актуализирует действующие нормы в памяти членов коллектива, а с другой – дает возможность выявить устаревшие правовые положения, нуждающиеся в корректировке (Костогрызов 2018).

3. Юридические прецеденты (общинное прецедентное право). Правовая система, полностью или в значительной степени основанная на неписаных и некодифицированных источниках, неизбежно сталкивается с проблемой многочисленных пробелов и неурегулированных вопросов. Выход найден человечеством довольно давно – органы, уполномоченные отправлять правосудие, принимают решение по справедливости. Что является справедливым, устанавливается в каждом конкретном случае общинными судьями, причем они должны убедить в справедливости своего решения остальных общинников, то есть для того чтобы такое решение стало источником права в полном смысле, оно должно иметь основание в общинном правосознании.

4. Нормы государственного права. По мере становления и укрепления государства расширяется его правотворческая деятельность. При этом происходит взаимопроникновение общинного и государственного права. Чаще всего внимание исследователей сосредотачивается лишь на одной стороне этого процесса – рецепции государством общинных норм, которые, получая санкцию со стороны публичной власти, становятся частью государственного права. На наш взгляд, не менее важен и другой вектор этого взаимопроникновения, а именно инкорпорация отдельных норм государственного законодательства в общинное право. В дальнейшем происхождение таких норм (особенно если они бытуют в устной форме) может забываться, и органы общинного правосудия применяют их по традиции. Таким образом, законы могут трансформироваться в обычаи, сохраняясь в общинном праве иногда даже после того, как они утратили силу в правовой системе государства. В настоящее время нередки и случаи, когда общинные суды в развивающихся странах непосредственно применяют нормы национального законодательства.

Помимо этих, основных, источников в правовых системах некоторых общин могут играть большую или меньшую роль, в зависимости от культурно-исторических условий, и другие формы, такие как нормативные договоры (Небрятенко 2013: 28-34), религиозные тексты (которые в отдельных случаях вообще занимают ведущее место, например в мусульманских общинах) и т.д.

Как уже отмечалось, общинному праву присущ наряду с консерватизмом и определенный динамизм. Состав его источников обеспечивает одновременно стабильность правового регулирования и постепенное изменение норм, позволяющее не отставать от жизни. Следование правовым обычаям и традициям (первая группа источников) гарантирует преемственность, а постоянное создание новых нормативно-правовых актов и прецедентов (вторая и третья группы) наряду с рецепцией норм государственного права (четвертая группа) отражает мобильность общинного права, его приспособляемость к меняющимся условиям человеческого существования. Благодаря этому община и после возникновения государства еще долго остается тем социальным институтом, который творит право. В некоторых регионах она продолжает выполнять эту функцию и в наше время.

Фундаментальное структурное отличие общинного права от государственного состоит в том, что право государства дискретно, оно строится из единичных норм, как из «кирпичиков». Нормы слагаются в институты, институты – в отрасли. Общинное же право континуально, оно представляет собой единый нерасчлененный порядок, в котором как бы «растворены» отдельные нормы. В первом случае буква закона преобладает над духом права, во втором – дух над буквой. Соответственно различаются модусы действия государственной и общинной юстиции: первая видит свою задачу в применении конкретной нормы к конкретной конфликтной ситуации, вторая же воспринимает такую ситуацию как разрыв континуума правопорядка и стремится восстановить целостность последнего. При этом определенного, заранее установленного правила для конкретного случая может

не существовать. С позитивистской точки зрения – это пробел в праве, но для общинного права такой проблемы не существует, так как в данном правовом континууме юридические споры разрешаются исходя из основополагающих ценностей и принципов; единичные нормы играют подчиненную роль. Это одна из причин, по которым не представляется возможным создать полный кодекс общинного права.

Разное место в структуре общинного и государственного права занимают права личности. Стержень, вокруг которого выстраивается вся система государственного права (по крайней мере, в его романо-германском и англосаксонском вариантах), – субъективные права и законные интересы отдельных лиц. Сущность общинного права – поддержание приемлемого порядка жизнедеятельности сообщества. Центральным охраняемым общественным благом при этом является не законный индивидуальный интерес, а устойчивое, сбалансированное состояние общины и социальная гармония. Это не значит, что субъективные права индивидов приносятся в жертву. Просто на первый план здесь выступают права другого ранга – на социальный мир и защищенную спокойную жизнь в согласии и взаимоуважении с другими членами общины. «Правопритязания» такого рода не поддаются строгой формализации по схеме «X имеет право...» и т.п. Это тоже относится к числу причин, по которым общинное право невозможно кодифицировать.

Наконец, нельзя не отметить еще одну особенность общинного права, резко отличающую его от государственного: решающую роль правосознания в его функционировании и развитии. Государство, располагающее аппаратом принуждения, способно заставить население подчиняться нормам, предписанным властью, до некоторой степени независимо от того, насколько сознательно население принимает их. Община же, такого аппарата не имеющая, может опираться лишь на добровольное следование своих членов правовым установлениям. Поэтому для общины правосознание населения имеет намного большее значение, чем для государства. Смыслообразующими ценностями общинного правосознания являются социальная гармония и справедливость. При этом справедливость понимается не как безусловное соблюдение субъективных прав участников спорной ситуации, а как положение, в наибольшей степени удовлетворяющее интересам наибольшего круга общинников (в идеале – всей общины).

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на нескольких ключевых моментах.

Широко распространенная категория *обычное право* не вполне релевантна для обозначения права традиционного общества, а также правовых норм, которыми регулируется жизнь человеческих сообществ без непосредственного участия государственной власти на различных стадиях исторического развития вплоть до современности. Современная теоретико- и историко-правовая наука, по крайней мере в лице некоторых ее представителей (К.А. Алимжан, Г.Г. Небрятенко), вплотную подошла к выработке более точного понятия для данного феномена.

В этом качестве, на наш взгляд, целесообразно использовать понятие *общинное право*. Будучи более конкретным, чем *обычное право*, оно отвечает

основным требованиям, предъявляемым к научному понятию. Это прежде всего однозначность, точность, соразмерность по объему с обозначаемым явлением. Указывая самый существенный признак этого права – то, что оно устанавливается общиной и его общеобязательность обеспечивается общинными институтами, предлагаемое понятие более точно определяет место общинного права в ряду других типов права.

Наряду с обычаями источниками общинного права выступают нормативно-правовые акты (как общинных властей, так и исходящие от государства), юридические прецеденты, нормативные договоры, религиозные тексты и т.д.

Хотя общинное право может включать (и в современных условиях все чаще включает) более или менее значительные массивы писаных источников, например постановления общих собраний и судебные решения прецедентного характера, оно не может быть записано и кодифицировано полностью.

Обширный исторический и этнографический материал, собранный в разных географических регионах (Супатаев 1984; Сеницына 1997; Сушкова 2009; Безгин 2017; Костогрызов 2018 и др.), подтверждает универсальность перечисленных характеристик общинного права.

Общинное право, хронологически и генетически предшествующее всем остальным типам права, следует считать, таким образом, архетипом права вообще. Отсюда закономерен вывод о принципиальной важности его изучения для понимания сущности права как феномена социального бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алимжан К.А. 2003. Вопросы теории обычного права. Алматы : Издат. центр Обществ. фонда «Интерлигал». 319 с.

Безгин В.Б. 2017. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М. : Common place. 334 с.

Бочаров В.В. 2013. Неписанный закон: Антропология права. СПб. : АИК. 328 с.

Думанов Х.М., Першиц А.И. 2005. К уточнению понятия «обычное право» // Государство и право. № 3. С. 77–82.

Зумбулидзе Р.-М. 3. 2004. Обычное право как источник гражданского права // Обычай в праве. СПб. : Юрид. центр Пресс. С. 3–106.

Ковлер А.И. 2003. Антропология права и правовой плюрализм // Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии. М. : Издат. дом «Стратегия». С. 24–50.

Костогрызов П.И. 2017. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 4. С. 81–99.

Костогрызов П.И. 2018. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М. : Юрлитинформ. 248 с.

Ломакина И.Б. 2005. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. 44 с.

Малый энциклопедический словарь, 1909. Т. 2. Вып. 3. 2-е изд., вновь перераб. и значит. доп. СПб. : Брокгауз и Ефрон. 1055 с.

Михайлов А.М. 2013. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М. : Юрлитинформ. 632 с.

- Небратенко Г.Г. 2010. Институционализация обычно-правовой системы в общей теории права. М. : Вуз. кн. 178 с.
- Небратенко Г.Г. 2013. Обычно-правовая система: структура и элементы. Ростов н/Д. : ЮРИФ РАНХ и ГС. 52 с.
- Пухта Г.Ф. 1874. Курс римского гражданского права. Т. 1. М. : Изд. Ф.Н. Плевако. 560 с.
- Рулан Н. 1999. Юридическая антропология. М. : НОРМА. 310 с.
- Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Т. 1. М. : Статут. 508 с.
- Синицына И.Е. 1997. В мире обычая / Рос. акад. наук. Ин-т Африки. М. : Вост. лит. 144 с., [9] л. ил.
- Скворцова Ю.В. 2012. Обычное право как структурно-функциональный элемент правовой системы России // Учен. тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. № 1(24). С. 45-53.
- Супатаев М.А. 1984. Обычное право в странах Восточной Африки. М. : Наука. 118 с.
- Сухарев А.Я., Крутских В.Е. (ред.) 2001. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М. 704 с.
- Сушкова Ю.Н. 2009. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары. 49 с.
- Barié C.G. 2008. Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos // Urvio : Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana. № 3. Quito. Enero. P. 110-118.
- Brandt H.-J., Franco R. (eds.) 2006. Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 1: El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú. Lima : IDL. 280 p.
- Sieder R. 1996. Derecho consuetudinario y Transición Democrática en Guatemala : Cuaderno de Debate, FLACSO-Guatemala (diciembre de 1996). 83 p.
- Understanding access to justice and conflict resolution at the local level in the Central African Republic, 2012. Washington, DC : The World Bank Group. 82 p.
- Yrigoyen Fajardo R. 1999. Pautas de coordinación entre el derecho indígena y el derecho estatal. Guatemala : Fundación Myrna Mack. 80 p.
- Yrigoyen Fajardo R. 2004. Legal Pluralism, Indigenous Law and the Special Jurisdiction in the Andean Countries // Beyond Law. № 27. P. 32-49.

P. Kostogryzov. Obshchinnoye pravo [Community law],
Antinomies, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 67–86. (in Russ.).

Pavel I. Kostogryzov, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: pkostogryzov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9345-3900
ResearcherID: K-2794-2018

Article received 14.03.2019, accepted 12.05.2019, available online 01.07.2019

COMMUNITY LAW

Abstract. The article deals with the problem of conceptualization of the social-normative order, which is not directly related to the activities of the State and is most often denoted

in legal science by the terms “legal customs” and “customary law”. This type of law arises in the pre-state period, and then coexists with the system of norms created by the State for a long historical period; in some regions it continues to play the role of an important social regulator till now. Analyzing the well-established theory of “customary” law, the author proposes to look at this concept in a new way, revealing a number of theoretical and epistemological problems associated with it. It is shown that the most common definition of customary law is internally controversial; ambiguity and unjustifiably broad application of this concept impoverishes its content. The idea that the law of pre-state societies and those state-organized societies, which have retained legal institutions independent from the state, “consists” exclusively of customs being the result of “multiple repetition” of certain (more or less random) actions, is incorrect. Applying a fundamentally different approach to the typology of law based not on formal criteria, but on the nature of the force that enforces the general bindingness of legal norms, the author introduces and substantiates the concept of community law. It is shown that this term is most relevant to denote the law of traditional society that is not based on the state power’s will, as well as those legal orders that exist in modern societies in parallel with the official law of the State. Its scope fully corresponds to the set of phenomena it designates, and its use helps to avoid the contradictions and misleading connotations that arise from the use of the word combination “customary law”. Based on the factual material provided by legal history and legal ethnography, the author identifies the main structural and substantive features of community law that distinguish it from other types of law, and gives a description of its sources.

Keywords: community law; customary law; folk law; non-state law; law in traditional society; community; legal pluralism; legal anthropology; legal history.

References

- Alimzhan K.A. *Voprosy teorii obychnogo prava* [Questions of customary law theory], Almaty, Izdatel'skiy tsentr Obshchestvennogo fonda «Interligal», 2003, 319 p. (in Russ.).
- Barié C.G. *Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos* [Indigenous law and alternative conflict resolution], *Urvio : Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana*, 2008, no. 3, Quito, Enero, pp. 110-118. (in Spanish).
- Bezgin V.B. *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan* [Peasants' truth], Moscow, Common place, 2017, 334 p. (in Russ.).
- Bocharov V.V. *Nepisanny zakon: Antropologiya prava* [Unwritten law: legal anthropology], St. Petersburg, AIK, 2013, 328 p. (in Russ.).
- Brandt H.-J., Franco R. (eds.) *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 1: El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú* [Community justice in the Andes: Perú and Ecuador. Vol. 1], Lima, IDL, 2006, 280 p. (in Spanish).
- Dumanov H.M., Pershits A.I. *Kutochneniyu ponyatiya «obychnoe pravo»* [On clarification of the concept of customary law], *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 3, pp. 77-82. (in Russ.).
- Kostogryzov P.I. *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoj Ameriki* [Community justice in Latin American countries], Moscow, Yurlitinform, 2018, 248 p. (in Russ.).
- Kostogryzov P.I. *Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigmy* [Legal anthropology in search for a paradigm], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoj akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 81-99. (in Russ.).
- Kovler A.I. *Antropologiya prava i pravovoy plyuralizm* [Legal anthropology and legal pluralism], *Olen' vseгда prav: issledovaniya po yuridicheskoy antropologii*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Strategiya», 2003, pp. 24-50. (in Russ.).

Lomakina I.B. *Etnicheskoe obychnoe pravo: teoretiko-pravovoy aspekt : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Ethnic customary law: abstr. of diss.], St. Petersburg, 2005, 44 p. (in Russ.).

Malyy entsiklopedicheskiy slovar'. T. 2. Vyp. 3 [Small encyclopaedical dictionary by Brokgauz & Efron, vol. 2, iss. 3], 2nd ed., rev. end augm., St. Petersburg, Brokgauz i Efron, 1909, 1055 p. (in Russ.).

Mikhaylov A.M. *Sravnitel'noe issledovanie filosofsko-metodologicheskikh osnovaniy estestvenno-pravovoy i istoricheskoy shkoly pravovedeniya* [Comparative Study on Philosophical and Methodological foundations of the School of Natural Law and the German Historical School of Jurisprudence], Moscow, YurLitinform, 2013, 632 p. (in Russ.).

Nebratenko G.G. *Institutsionalizatsiya obychno-pravovoy sistemy v obshchey teorii prava* [Institutionalization of customary law system], Moscow, Vuzovskaya kniga, 2010, 178 p. (in Russ.).

Nebratenko G.G. *Obychno-pravovaya sistema: struktura i element* [Customary law system], Rostov-on-Don, YuRIF RANKh i GS, 2013, 52 p. (in Russ.).

Pukhta G.F. *Kurs rimskogo grazhdanskogo prava. T. 1* [Course of the Roman civil law. Vol. 1], Moscow, Izdanie F.N. Plevako, 1874, 560 p. (in Russ.).

Rouland N. *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal anthropology], Moscow, NORMA, 1999, 310 p. (in Russ.).

Savigni F. K. von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava. T. 1* [Modern Roman law system], Moscow, Statut, 2011, 508 p. (in Russ.).

Sieder R. *Derecho consuetudinario y Transición Democrática en Guatemala : Cuaderno de Debate, FLACSO-Guatemala (diciembre de 1996)* [Customary law and democratic transit in Guatemala], 1996, 83 p. (in Spanish).

Sinitsyna I.E. *Vmire obychnaya* [The world of custom], Moscow, Vostochnaya literature, 1997, 162 p. (in Russ.).

Skvortsova Yu.V. *Obychnoe pravo kak strukturno-funktsional'nyy element pravovoy sistemy Rossii* [Customary law as an element of Russia's legal system], *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2012, no. 1(24), pp. 45-53. (in Russ.).

Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. (eds.) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large legal dictionary], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Infra-M, 2001, 704 p. (in Russ.).

Supataev M.A. *Obychnoe pravo v stranakh Vostochnoy Afriki* [Customary law in East Africa], Moscow, Nauka, 1984, 118 p. (in Russ.).

Sushkova Yu.N. *Etnopravosudie u mordvy v kontse XIX – nachale XXI v.* [Mordovian ethnojustice in late 19th – early 20th century: abstr. of diss.], Cheboksary, 2009, 49 p. (in Russ.).

Understanding access to justice and conflict resolution at the local level in the Central African Republic, Washington, DC, The World Bank Group, 2012, 82 p.

Yrigoyen Fajardo R. *Legal Pluralism, Indigenous Law and the Special Jurisdiction in the Andean Countries, Beyond Law*, 2004, no. 27, pp. 32-49.

Yrigoyen Fajardo R. *Pautas de coordinación entre el derecho indígena y el derecho estatal* [Patterns of coordination between indigenous and state law], Guatemala, Fundación Myrna Mack, 1999, 80 p. (in Spanish).

Zumbulidze R.-M. 3. *Obychnoe pravo kak istochnik grazhdanskogo prava* [Customary law as a source of civil law], *Obychay v prave*, St. Peterburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2004, pp. 3-106. (in Russ.).

Кузнецова С.С. Особенности конституционно-правового статуса комиссий по защите прав человека в Индии // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 2, с. 87–103.

УДК 342.72/73

DOI 10.17506/aip.2019.19.2.87103

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОМИССИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНДИИ¹

Светлана Сергеевна Кузнецова

кандидат юридических наук

доцент кафедры конституционного права

Уральского государственного юридического университета,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: kss001@usla.ru

ORCID: 0000-0003-2426-8055

Материал поступил в редколлегию 07.05.2019 г.

В данной статье автор обращается к опыту Индийского Союза в плане формирования системы административных органов по защите прав человека, которая создавалась с учетом федеративного устройства государства. В статье рассматриваются особенности организации и деятельности Национальной комиссии по защите прав человека и комиссий по защите прав человека штатов, на основе анализа нормативно-правовых актов и правоприменительной практики Верховного Суда Индии и Высших судов штатов выявляются и формулируются преимущества и актуальные проблемы реализации ими своих полномочий. Отмечается доступность и легкость обращения в комиссии по защите прав человека, высокая популярность комиссий штатов среди населения, что позволяет сделать вывод о целесообразности организации системы органов по защите прав человека с учетом федеративного устройства. В статье подчеркивается высокая эффективность ежегодных докладов комиссий по защите прав человека, представляемых Правительству Индии и правительствам штатов для обеспечения последними реализации, защиты и восстановления нарушенных прав человека, что обусловлено, прежде всего, обязательностью принятия мер по указанным в докладах фактам нарушения прав человека и необходимостью представления правительствами парламентам федерального и регионального уровней отчетов по результатам принятых мер. Выявлены существенные проблемы практики применения законодательства: коллизии при разграничении компетенции между Национальной комиссией по защите прав человека и комиссиями штатов, а также при применении их рекомендаций органами публичной власти в своей деятельности, отсутствие финансовой самостоятельности комиссий, ограничения

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-011-00697 «Верховенство права, федерализм и защита прав человека: сравнительное исследование».

в осуществлении ими своих функций по жалобам лиц, состоящих в вооруженных силах. Автор определяет основные, по его мнению, направления деятельности по повышению эффективности работы комиссий по защите прав человека в Индии, укреплению их статуса во взаимоотношениях с органами государственной власти федерального и регионального уровней. В частности, предлагается законодательно закрепить обязанность органов, в чьих действиях комиссиями выявлены признаки нарушения прав человека, готовить ответы последним по результатам принятия мер, направленных на восстановление нарушенных прав, а также разработать меры профилактики повторных нарушений. Кроме того, по мнению автора, целесообразно предусмотреть участие комиссий в определении размера их финансирования на следующий бюджетный год путем составления расчета с обоснованием размера финансирования, необходимого для эффективной реализации полномочий.

Ключевые слова: федерация, защита прав человека в Индийском Союзе, Национальная комиссия по защите прав человека, комиссия по защите прав человека штата, разграничение компетенции, порядок исполнения решений комиссий по защите прав человека, полномочия по защите прав человека.

В сентябре 1993 г. в Индии были учреждены Национальная комиссия по защите прав человека и региональные комиссии «под воздействием большого числа внутренних и международных факторов. Внутригосударственные конфликты в Пенджабе, штате Джамму и Кашмир, северо-восточных штатах, обострившиеся в 80-х – начале 90-х гг. разрешались правительством с применением силы. Средства массовой информации, некоммерческие организации и общество в целом все чаще выражали протест в случаях применения полиции и вооруженных сил, когда фундаментальные права человека игнорировались в интересах государственной безопасности. Международное сообщество также продолжало напоминать правительству о неисполнении принятых на себя обязательств по созданию механизма по защите прав человека» (Tiwana 2004: 5). Принятый в 1993 г. «Акт о защите прав человека» (Protection Human Rights Act, 1993) предусматривает создание специализированных органов на двух уровнях государственной власти: федеральном и региональном, исключая при этом отношения инстанционности между ними, что соответствует принципу разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Индии и органами государственной власти штатов.

В научно-правовой литературе федеративное политико-территориальное устройство государства нередко рассматривается в качестве наиболее действенного механизма децентрализации политических и общественных институтов, некоего «маркера» демократичности государств, гаранта признания и уважения прав и свобод личности. Как отмечает А.Е. Бочило, федеративное устройство способствует расширению «каталога прав личности в конкретном субъекте федерации», созданию «дополнительных гарантий для реализации прав личности», а также повышает «степень вероятности более оперативного реагирования на местах на изменение условий жизни граждан», более целенаправленно обеспечивает защиту прав этнических, религиозных и лингвистических меньшинств «и сохранение условий существования небольших сообществ людей посредством учета природно-

климатических, экономико-географических, национально-этнических и иных особенностей их существования» (Бочило 2013: 9).

Изучение не только федеральных, но и региональных институтов обеспечения реализации и защиты прав человека в Индии представляется актуальным в плане оценки эффективности двухуровневой системы защиты прав человека в условиях федеративного государства.

Анализируя правовую связь федерализма и институтов защиты прав человека в Индии, исследователи отмечают, что «с момента принятия Конституции Индии 1950 года большинство жалоб было написано по фактам о нарушении прав человека органами государственной власти штатов, а не федеральными властями. Если бы штаты Индии были независимыми государствами, а не субъектами федерации, они бы игнорировали нарушения прав, даже если бы последние гарантировались их конституциями... Развитие федерализма в Индии также способствует признанию... понятий достоинства и свободы личности. Ожидается, что признание растущих требований населения отдельных территорий страны к уровню их самостоятельности на региональном и федеральном уровнях приведет к формированию понимания гражданами всей страны, что жители других территориальных единиц имеют аналогичные права на автономию. Таким образом, формируется уважение права на самостоятельность не только территориальных единиц, но и групп населения и отдельной личности» (Singh Mahendra 2005: 444–445)¹. Тезис Махендра Сингха о том, что штаты, будучи отдельными государствами, не смогли бы обеспечить реализацию и защиту гарантируемых прав человека, представляется некорректным, излишне патерналистским, однако тот факт, что нарушение прав, по статистике, в первую очередь связано с деятельностью органов государственной власти штатов, позволяет сделать вывод, что создание двухуровневой системы комиссий по правам человека обусловлено необходимостью обеспечения доступного для населения механизма защиты прав.

В Конституции Индии в главе 4, посвященной принципам государственной политики, на государство (под которым понимаются не только федеральные органы государственной власти, но и правительство и легислатура каждого штата, а также местные органы и иные органы власти, находящиеся на территории Индии и подконтрольные правительству государства) возложены широкие социальные обязательства: содействовать благосостоянию людей, минимизировать неравенство возможностей и статусов и неравенство в оплате труда мужчин и женщин, обеспечить защиту института детства, защиту от трудовой дискриминации и вредных условий труда, социальную защиту от безработицы и помощь пенсионерам, инвалидам и т.д. Помимо этого штаты обязаны осуществлять правовое регулирование и обеспечивать исполнение правовых норм в рамках предметов их исключительного ведения, а также предметов совместного ведения федерации и штатов. В соответствии с Приложением 7 Конституции Индии предметами совместного ведения являются такие сферы, как социальное

---

¹ Здесь и далее перевод автора. – Прим. ред.

страхование, безработица, условия труда, образование, уголовное право и уголовный процесс, семейные правоотношения, подведомственность и полномочия всех судов, входящих в судебную систему Индии, за исключением Верховного Суда и т.д. К вопросам исключительного ведения штатов относятся общественный порядок, статус органов полиции, общественное здоровье и санитария, помощь инвалидам и безработным, сельское хозяйство, водоснабжение, рыбалка и т.д. (The Constitution of India, 1950). По данным категориям вопросов штаты принимают на себя обязательства и по регулированию прав, и по обеспечению их реализации и защиты.

Круг институтов защиты прав человека определяется отдельными законодательными актами. Например, в соответствии с «Актом о защите прав человека» в федерации создана Национальная комиссия по правам человека, а также предусмотрены аналогичные комиссии в штатах, специальные районные суды по защите прав человека. Ввиду того что норма статьи 21 Акта рассматривает учреждение региональных комиссий в качестве права штатов, на сегодняшний день региональные комиссии действуют в двадцати пяти штатах из двадцати девяти: по-прежнему нет комиссий в штатах Аранучал Прадеш, Мизорам, Нагалэнд, а в штате Телангана действует единая комиссия по защите прав человека штатов Андхра Прадеш и Телангана. Также в Индии организованы комиссии по защите прав отдельных категорий населения: Национальная комиссия по защите прав женщин (National Commission for Women Act, 1990 г.), Комиссия по защите прав детей (the Commissions for Protection of Child Rights Act, 2005 г.), Национальная комиссия по защите прав этнических, религиозных и лингвистических меньшинств (National Commission for Minorities (Amendment) Act, 1995 г.), Национальная комиссия по защите лиц, отнесенных к зарегистрированным кастам (The Constitution (sixty-fifth amendment) Act, 1990 г.), Комиссия по защите лиц, отнесенных к зарегистрированным племенам (The Constitution (sixty-fifth amendment) Act, 1990 г.), Комиссия по защите прав отдельных каст (National Commission for Backward Classes Act, 1993 г.).

Функции Национальной комиссии и комиссий штатов широки и в целом совпадают; их можно разделить на следующие категории:

- охранительная (вмешиваться на основании жалобы пострадавшего или лица, действующего в его интересах, а также обращения суда в случае нарушения прав человека или подстрекательства к их нарушению, участвовать с согласия суда в рассмотрении последним дел, касающихся нарушения прав человека);

- экспертная (готовить уполномоченным органам государственной власти заключения по результатам посещения мест лишения свободы и рекомендации по наиболее эффективным методам реализации предусмотренных законодательством мер по обеспечению и защите прав человека, а также предлагать меры по устранению обстоятельств, препятствующих реализации прав);

- просветительская (повышать грамотность в области прав человека среди различных слоев населения и распространять информацию о гаран-

тиях защиты этих прав через научно-популярные издания, средства массовой информации, семинары и другие доступные средства);

– надзорная (пресекать халатность в предотвращении нарушения со стороны должностных лиц, посещать тюрьмы и иные учреждения, предназначенные для содержания заключенных или находящихся на принудительном лечении, в целях исследования условий содержания отбывающих наказания);

– научная (проводить исследования в области прав человека и способствовать их проведению третьими лицами);

– координационная (поддерживать работу неправительственных организаций, деятельность которых направлена на обеспечение реализации и защиты прав человека).

Национальная комиссия по защите прав человека наделена также полномочием по анализу международных договоров и других международных актов, регламентирующих права человека, в целях подготовки заключения об эффективных способах их имплементации.

Сферы деятельности комиссий штатов и Национальной комиссии по правам человека определяются в соответствии с общим правилом разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти штатов Индии: комиссия штата может расследовать факт нарушения прав человека, если такое нарушение было совершено в рамках вопросов, отнесенных Конституцией к предметам совместного ведения федерации и штатов или к предметам исключительного ведения штатов. При этом, в соответствии со статьей 36 Акта, ни одна из комиссий не вправе расследовать любой вопрос, который находится на рассмотрении Национальной комиссии или любой другой комиссии. Таким образом, если жалоба принята комиссией штата к рассмотрению (вне зависимости от того, было ли нарушено разграничение компетенции между комиссиями или нет), Национальная комиссия автоматически лишается права рассмотрения данного дела. Настоящий процессуальный аспект неоднократно создавал сложности при обеспечении защиты прав человека. Например, в штате Тамил Наду в 2001 г. разразился скандал по поводу ареста ряда министров штата, в связи с чем Национальная комиссия приняла жалобу и обратилась к правительству штата за получением информации по делу. Однако правительство Тамил Наду не предоставило информации по запросу, отметив, что данное дело уже рассматривается специально учрежденной комиссией штата. В штате Сикким комиссия рассмотрела жалобу в отношении Университета штата Сикким, который находится в ведении федерации. Ввиду того что в соответствии с пунктом d статьи 29 Акта (Protection Human Rights Act, 1993) региональные комиссии не вправе запрашивать информацию по делу у федерального правительства, эффективное расследование данного дела, с нашей точки зрения, невозможно. Как справедливо отмечает Фазиль Джамал, «образование, в том числе высшее, в соответствии с Конституцией Индии относится к предметам совместного ведения, однако создание ряда университетов отнесено к предметам исключительного ведения федерации (список I); из перечня предметов совместного ведения

(список III) регулирование деятельности таких университетов исключено» (Fazil Jamal). Таким образом, штаты могут злоупотреблять своим правом организации комиссий по защите прав человека, для того чтобы избежать осуществление контроля за соблюдением прав человека на их территории со стороны Национальной комиссии.

Одним из принципов организации национальных учреждений по защите прав человека в соответствии с «парижскими принципами» (Резолюция 48/134, 1993) является их независимость, которая должна обеспечиваться организационно и финансово. Согласно статье 3 «Акта о защите прав человека» в состав Национальной комиссии входят председатель Верховного Суда Индии, действующий судья Верховного Суда (или судья в отставке), председатель одного из Высоких судов штатов (или председатель в отставке), а также два члена из лиц, обладающих знаниями и опытом работы в сфере реализации и защиты прав человека. При этом комиссия формируется Президентом федерации по рекомендации специального комитета, в состав которого входят спикеры обеих палат парламента, руководители оппозиции обеих палат, премьер-министр Индии и министр внутренних дел. Члены Национальной комиссии назначаются на срок 5 лет и могут быть переизбраны; предельный допустимый возраст членов – 70 лет. Комиссии штатов формируются правительствами штатов в составе председателя – председателя Высокого суда, судьи Высокого суда или районного суда (или судьи в отставке) с опытом работы в качестве судьи районного суда не менее семи лет, а также лица, которое обладает знаниями и опытом работы в сфере реализации и защиты прав человека (Protection Human Rights Act, 1993). Как отмечает В.В. Чуксина, привлечение в качестве членов комиссий действующих судей или судей в отставке обусловлено тем, что каждая «комиссия при расследовании жалоб действует как гражданский суд» (Чуксина 2013).

Наравне с судьями в работе комиссий задействованы и иные государственные служащие. Деятельность комиссий обеспечивается административным аппаратом, состоящим из различных подразделений: правового, следственного, административного, исследовательского. В следственном подразделении работают преимущественно полицейские. Работа в комиссиях государственных служащих зачастую оценивается негативно; высказывается мнение, что это ведет к построению бюрократической системы в данном органе и фактическому игнорированию принципа независимости комиссий при проведении расследований по жалобам (Krishnan 2004: 547). С другой стороны, справедливо отмечается, что при назначении членов Национальной комиссии участвуют представители оппозиции обеих палат федерального парламента, а комиссий штатов – лидер оппозиции легислатуры, что «позволяет обеспечить баланс интересов» (International Human Rights Protection... 2017: 18-19).

Кроме того, необходимо отметить особый порядок досрочного прекращения полномочий членов комиссий: члены Национальной комиссии и комиссий штатов могут быть отстранены от деятельности Президентом Индии только на основании заключения Верховного Суда Индии о недо-

стойном поведении лица или неспособности выполнять свои полномочия. Усложненная процедура отстранения является весомой гарантией обеспечения их независимости; особенно показательно это по отношению к комиссиям штатов, члены которых организационно полностью независимы от органов государственной власти штатов.

В соответствии с «Актом о защите прав человека», финансирование комиссий осуществляется из средств утвержденного парламентом бюджета соответствующего уровня. При этом размер финансирования определяется Правительством Индии (штата соответственно) на основе его расчетов о том, «сколько средств необходимо для реализации положений Акта» (Protection Human Rights Act, 1993). Мы полагаем, что эффективное обеспечение финансовой независимости комиссий возможно, если ежегодное финансирование их деятельности будет осуществляться с учетом представленных в правительство расчетов комиссий с обоснованием необходимых затрат. Таким образом будет значительно снижен риск злоупотребления со стороны правительства соответствующего уровня, которое выступает основным объектом критики в докладах комиссий по защите прав человека. Анализируя действующий порядок финансирования комиссий, А.Р. Прасад отмечает, что, несмотря на фактическое отсутствие финансовой независимости комиссий, «участие парламента при определении размера финансирования обеспечивает определенную проверку, заключающуюся в том, что оппозиционные партии могут выявить и предотвратить попытки правительства ограничить финансирование комиссий» (Prasad 2011: 206–207). К числу основных задач комиссий относится всестороннее расследование фактов нарушения прав человека. Комиссии вправе осуществлять свои полномочия как на основании жалобы лица, чьи права были нарушены (его представителя), так и по собственному усмотрению в случае получения информации о нарушении прав человека (процедура «сумоту»). Круг вопросов, по которым может быть подана жалоба, в Акте определен как нарушение прав человека, под которыми понимаются «права, связанные с жизнью, свободой, равенством и достоинством личности, гарантированные Конституцией Индии или отраженные в международных конвенциях и обеспечиваемые судебной защитой» (Protection Human Rights Act, 1993).

В регламентах комиссий раскрывается понятие жалобы, которое определяет условия ее допустимости. Так, например, Комиссия штата Хараяна в своем регламенте вслед за Национальной комиссией по защите прав человека понятие жалобы сформулировала следующим образом: «...петиции или сообщения, представленные в комиссию от жертвы или любого другого лица в ее интересах, лично, по почте, телеграммой, по факсу или любым другим способом, в которой содержится информация о нарушении государственными служащими всех или некоторых из прав человека или о халатности в предотвращении таких нарушений» (Notification 48, 2016; National Human Rights... 1997). Соответственно, комиссии могут рассматривать лишь те дела, которые касаются нарушения прав человека государственными служащими, а также бездействия с их стороны при выполнении своих функций по обеспечению защиты прав и свобод человека; в компетенцию комиссий

не входит рассмотрение дел о нарушениях прав, которые совершаются в рамках частно-правовых отношений.

В то же время анализ практики Национальной комиссии по защите прав человека позволяет сделать вывод, что в целях обеспечения реальной и эффективной защиты прав человека комиссии могут рассматривать и те дела, которые связаны с массовым нарушением прав человека негосударственными институтами, ввиду того, что «основной и неизбежной обязанностью государства является защита права на жизнь, свободу, равенство и достоинство человека. Государство также обязано обеспечить, чтобы такие права не нарушались ни в результате совершения умышленных действий, ни путем подстрекательства или в связи с халатностью. Это позволяет говорить о зарождении принципа в области прав человека, согласно которому государство ответственно не только за действия своих собственных должностных лиц, но и за действия иных лиц, действующих в пределах его юрисдикции» (Report of the National Human Rights Commission in the case of Gujarat Communal Riot, 2002. Цит по: Prasad 2011: 222). При расследовании таких дел комиссии рассматривают государственный орган в качестве субъекта, способствующего нарушению прав человека, что повышает эффективность деятельности комиссий всех уровней.

Законодательством установлены сроки для подачи жалобы в комиссии: в соответствии с пунктом 2 статьи 36 «Акта о защите прав человека» комиссии не вправе расследовать какие-либо дела в случае, если с момента нарушения права прошло более года (Protection Human Rights Act, 1993). Таким образом, жалобы, поданные по истечении года с момента нарушения права, уполномоченными комиссиями приняты не будут. Представляется, что пресекательный срок для подачи жалобы должен быть установлен с учетом того, что лицо, чьи права нарушены, могло узнать о нарушении своего права значительно позже, чем оно произошло. При этом необходимо отметить, что в случае, если дело о нарушении прав человека рассматривается судом, то даже по истечении годового срока суд вправе передать спорный вопрос на рассмотрение комиссии, поскольку «такое расследование потребует допроса свидетелей, сбора и исследования документов, чтобы прийти к выводу по делу» (State Human Rights Commission... 2017). Передача судом дела на рассмотрение комиссии обусловлена тем, что при исследовании вопросов нарушения прав человека административные комиссии по защите прав человека федерального и регионального уровней обладают широким кругом полномочий. Все полномочия могут быть разграничены в зависимости от стадии их реализации при рассмотрении дела о нарушении права.

На *стадии рассмотрения жалобы* первоочередной задачей комиссии является сбор исчерпывающей информации по делу. Перед началом проведения собственного расследования по жалобе комиссия вправе обратиться в уполномоченный государственный орган за получением информации о том, проводилась ли проверка по факту нарушения прав и какие меры были приняты. Собственную проверку комиссия начинает лишь в том случае, если не получила в установленные ею сроки информацию либо если сочтет необходимым проведение соответствующего расследования по ре-

зультатам ознакомления с предоставленной информацией. В соответствии со статьей 13 Акта Национальная комиссия и комиссии штатов обладают таким же объемом полномочий, что и суды при рассмотрении гражданских дел на основании положений Гражданско-процессуального кодекса Индии (The Code Of Civil Procedure, 1908 г. (Act No. 5 of 1908)), по вопросам, связанным со сбором информации: вызывать и обеспечивать присутствие свидетелей и проверять их присягу, собирать доказательства, изымать необходимые документы из судов и различных учреждений. При сборе информации комиссии не только обладают процессуальными полномочиями суда, но и вправе обращаться к следственным органам для проведения дополнительного сбора информации. Все органы государственной власти обязаны сотрудничать с комиссиями и оказывать любое необходимое содействие. Препятствование законной деятельности комиссии рассматривается как преступление против правосудия.

Полномочия Национальной комиссии по расследованию дел по жалобам военных значительно ограничены: в соответствии со статьей 19 «Акта о защите прав человека» Комиссии разрешается лишь послать запрос Правительству Индии для получения информации о ситуации по жалобе и подготовить рекомендацию по результатам изучения представленной информации, однако она полностью лишена права самостоятельно проводить сбор информации по делу (Protection Human Rights Act, 1993). Комиссии штатов в принципе не могут рассматривать жалобы на нарушение прав человека в вооруженных силах ввиду отнесения данного вопроса к предметам исключительного ведения федерации. В соответствии со статьей 2 «Акта о вооруженных силах» под ними понимаются «регулярная армия, военно-морской и воздушный флот, а также иная военизированная организации или их части» (The Army Act, 1950). Таким образом, под вооруженными силами понимаются и полиция, и службы безопасности, и пограничные службы, а также все административные подразделения, обслуживающие их деятельность. Следовательно, перечень лиц, в отношении жалоб которых Национальная комиссия вправе совершать действия по сбору информации и подготовке полного и достоверного отчета, значительно сужается. Национальная комиссия неоднократно призывала федеральный парламент пересмотреть определение вооруженных сил, исключив иные военизированные организации из их состава, однако до сегодняшнего дня такие правки не были внесены.

На *стадии принятия решения* комиссией по результатам проверки наблюдается значительное сужение полномочий, что вызывает критику самой природы данного правового института: комиссия «выполняет процессуальные функции почты, состоящие в том, чтобы запрашивать у правительства информацию о нарушении прав человека и направлять отчеты о совершении таких действий тому же правительству» (Singh 2010: 277). Комиссия не вправе принимать решения, носящие обязывающий характер, ее полномочия ограничиваются в первую очередь подготовкой отчета для заявителя, уполномоченных органов, а также рекомендаций различного характера. Комиссией может быть рекомендовано органу, совершившему

нарушение права или не выполнившего свои обязательства по защите права, а также правительству штата (федеральному правительству) произвести компенсацию или возмещение убытков заявителю или жертве, возбудить дело о преследовании против заинтересованного лица. Рекомендательная природа актов комиссии приводит к их игнорированию уполномоченными органами государственной власти, сводит к нулю те квазисудебные полномочия комиссии, которые предоставляются ей на стадии расследования факта нарушения прав человека. Именно поэтому исследователи нередко выражают разочарование в институте комиссий по защите прав человека в Индии («прекрасный и неэффективный ангел, напрасно бьющий своими светящимися крыльями в пустоте») (Krishna 1999: 137).

Судебная практика преимущественно сводится к тому, что принятие решения об учете рекомендаций или их игнорировании является правом уполномоченного органа. Например, по делу «Энтони против штата Керала» Верховный Суд Индии указал, что «доклад и выводы Комиссии по расследованию предназначены для информирования Правительства. Принятие Правительством доклада Комиссии будет означать лишь то, что, будучи связанными верховенством права и обязанностью действовать справедливо, оно одобрило программу действий в соответствии с данным докладом» (T.T. Antony... 2001). Высокий суд Чхаттисгарха в деле «Совет по электричеству штата Чхаттисгарх против Комиссии по правам человека штата Чхаттисгарх» (Chhattisgarh State... 2017) отметил, что Комиссия по своей природе является консультативным органом, поэтому ее рекомендации по компенсации пострадавшим ущерба не могут рассматриваться как приказ. Таким образом, с нашей точки зрения, данной судебной практикой Индийской Союз предоставляет публичной власти возможность по собственному усмотрению следовать принципу верховенства права; данный принцип действует опосредованно, только при «одобрении» его применения в конкретном случае.

В противовес этой порочной практике большим шагом вперед является решение Высокого суда Алахабада штата Уттар-Прадеш при рассмотрении дела «Штат Уттар-Прадеш против Комиссии по правам человека штата Уттар-Прадеш», в котором суд указал, что рассмотрение рекомендации лишь как формулировки мнения, которое «можно безнаказанно игнорировать», ослабляет «эффективность Комиссии и ведет к поражению сущности такого органа... Принимая во внимание важность верховенства права, которое есть проявление гарантии справедливого обращения в соответствии со статьей 14 и основных принципов равенства, было бы невозможно признать, что органы штата могут игнорировать рекомендации Комиссии... Соблюдающее принцип верховенства закона и основополагающие принципы защиты жизни, свободы и человеческого достоинства в соответствии с конституционными положениями, правительство штата не будет открыто игнорировать мнение Комиссии. Правительство штата может в судебном порядке оспаривать решение Комиссии по существу, поскольку закон не предусматривает инстанционного обжалования. Но оно не может при вынесении судом решения об отказе отмены, измене-

ния или пересмотра приказа игнорировать приказ по своему усмотрению» (Chief Justice's Court... 2016).

Представляется, что рекомендации актов комиссий должны оцениваться таким образом, что они не предполагают возможность для пострадавшего требовать совершения со стороны уполномоченных органов действий, направленных на восстановление его прав в той форме, которая была избрана комиссией, но при этом рекомендации комиссий должны рассматриваться в качестве обязательных для уполномоченных органов в части принятия эффективных мер по обеспечению защиты и восстановления нарушенного права. Аналогичное мнение нашло отражение в решении Высокого суда штата Мадрас по делу «Раджеш Дас против Комиссии по правам человека штата Мадрас»: «Правительство обязано рассмотреть рекомендацию Комиссии и принять в разумные сроки меры, руководствуясь представленными материалами, чтобы обеспечить исполнение Акта о правах человека, международных пактов и конвенций, в случае нарушения основных прав, гарантированных в соответствии с Конституцией Индии» (Rajesh Das... 2010). Данный подход, с нашей точки зрения, находит подтверждение в пункте b статьи 18 «Акта о правах человека», где указано, что комиссии вправе обращаться в Верховный Суд Индии или Высокий суд штата для получения приказа, распоряжения, которое суд считает необходимым. Таким образом, если правительство отказалось выполнять рекомендации, комиссия обращается в суд, который, в свою очередь, может обязать уполномоченный орган (правительство) своим решением выплатить рекомендуемые компенсации (но не выполнить сам акт комиссии, который носит рекомендательный характер).

Национальная комиссия по защите прав человека и комиссии штатов по результатам своей работы готовят доклады. Доклады представляют собой отчеты комиссий по результатам их деятельности во всех предусмотренных законодательством направлениях: в них отражаются выявленные проблемы, связанные с реализацией и защитой прав человека в государстве (штате), результаты научной и просветительской деятельности, взаимодействия с некоммерческими организациями в сфере защиты прав человека, а также формулируются выводы комиссии об основных угрозах правам и свободам человека. Законодательство утверждает обязанность Национальной комиссии представлять такие доклады ежегодно в Правительство Индии и правительства тех штатов, где установлены факты нарушения прав человека, а комиссий штатов – в правительство соответствующего субъекта федерации. Так, например, в ежегодном докладе, подготовленном по результатам работы в 2015–2016 гг. Национальной комиссией по защите прав человека, указываются следующие основные угрозы: терроризм, незаконное лишение свободы и применение пыток. В докладе нашли отражение отчеты комиссии по совершенствованию механизмов обеспечения и защиты прав человека, в том числе отчет по результатам учреждения специальной экспертной комиссии в рамках Национальной комиссии по защите прав человека, деятельность которой направлена на обеспечение соблюдения и защиты прав человека в местах лишения свободы. Также комиссией

представлен новый исследовательский проект по изучению социального статуса подсудимых и категорий совершаемых ими преступлений (Annual Report...). Наряду с обязанностью подготовки ежегодных докладов законодательство предоставляет комиссиям право подготовки специальных докладов «в случае, если, по их мнению, подготовка такого доклада необходима в связи со срочностью и важностью вопроса, который не может быть отложен до момента подготовки ежегодного доклада» (Protection of Human Rights Act, 1993).

Доклады Национальной комиссии по защите прав человека и комиссий штатов подлежат обязательному рассмотрению соответствующими правительствами, которые должны принять эффективные меры, направленные на устранение выявленных нарушений. Федеральное правительство по результатам проведенных мероприятий отчитывается перед каждой палатой парламента Индии, а региональные правительства перед legislatures соответствующих штатов. Таким образом, в отличие от правового статуса актов комиссий, принимаемых по результатам рассмотрения дел о нарушении прав человека, обязательность вынесения решений по которым соответствующими правительствами устанавливается лишь при комплексном анализе судебной практики, обязательность принятия правительствами мер по защите прав человека по результатам ознакомления с докладами комиссий отражена законодательно, что существенно повышает значимость таких докладов. Кроме того, представление правительствами отчетов палатам парламента соответствующего уровня по результатам изучения докладов комиссий является гарантией выполнения ими обязательств по обеспечению реализации и защиты прав человека ввиду того, что согласно статьям 75 и 164 Конституции Индии (The Constitution of India, 1950) национальное правительство несет коллективную ответственность перед нижней палатой парламента – Лок Сабха, а правительства штатов – перед legislatures соответствующих штатов. Невыполнение обязанностей, возложенных на правительство в той или иной сфере, в том числе в сфере обеспечения и защиты прав человека, является поводом для привлечения последнего к конституционно-правовой ответственности посредством воступающего недоверия.

Анализ правового положения Национальной комиссии по защите прав человека в Индии и комиссий по защите прав человека в штатах позволяет сделать вывод, что в рамках данного федеративного государства административная система защиты прав человека востребована: ежегодно в комиссии по защите прав человека подается более 100 000 жалоб (по данным отчета Национальной комиссии в 2013–2014 гг. было представлено 98 136 жалоб, в 2014–2015 гг. – 114 167, в 2015–2016 гг. – 117 808), при этом в 2015–2016 гг. в Национальную комиссию поступило лишь 416 жалоб; остальные жалобы пришлись на штаты. Следует отметить, что нагрузка комиссий штатов неоднородна: в то время как в штатах Нагалэнд и Дадра и Нагар Навели рассматривается по 8 жалоб, в штате Уттар Прадеш – 49 721. Большой поток обращений в административные институты защиты прав человека в Индии обусловлен достаточно тревожной статистикой нарушения прав человека

в федерации, с одной стороны, а также доступностью и легкостью процедуры обращения в комиссии для лиц, чьи права нарушены, широкими полномочиями комиссий при проведении расследования по факту нарушения прав человека – с другой.

Однако правовое регулирование статуса комиссий федерального и регионального уровней создает ряд проблем при правоприменении, в том числе проблему разграничения компетенции между Национальной комиссией по защите прав человека и комиссиями штатов. Представляется, что наделение Национальной комиссии возможностью изъятия дела по факту нарушения прав человека из комиссии штата в случае, если последняя выходит за пределы своей компетенции, повысило бы эффективность института административных комиссий по защите прав человека. Законодательное закрепление обязанности уполномоченных органов, в действиях которых комиссией обнаружены факты нарушения прав человека, давать письменный ответ комиссии по результатам принятия мер по полученным рекомендациям позволило бы повысить значимость ее решений для органов публичной власти. Органы государственной власти были бы вынуждены чаще принимать меры по улучшению своей работы в сфере обеспечения реализации и защиты прав человека. На наш взгляд, Индийский Союз не в полной мере обеспечивает финансовую независимость комиссий, как того требуют «парижские принципы» (Резолюция 48/134, 1993).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бочило А.Е. 2013. Российский федерализм и правовой статус личности : (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 25 с.

Чуксина В.В. 2013. Особенности правового статуса индийских государственных институтов по содействию и защите прав человека // Изв. Иркут. гос. экон. акад. : электрон. науч. журн. № 5. 21 с.

Резолюция № 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 10.04.2019).

Annual Report of the National Human Rights Commission, 2015–2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://nhrc.nic.in/publications/annual-reports> (дата обращения: 30.05.2019).

Fazil Jamal. A verdict and some questions [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/2025682/Jurisdiction_of_State_Human_Rights_Commissions_in_India (дата обращения: 10.04.2019).

International Human Rights Protection: The Role of National Human Rights Institutions – a Case Study, Work Package No. 4. Deliverable No. 3. 2017. 131 p.

Krishna I.R. 1999. Human Rights in India. Oxford : Oxford Univ. Press. 592 p.

Krishnan J.K. 2004. Book Review // Journal of National Human Rights Commission. India. P. 542-547.

Prasad A.R. 2011. Human rights enforcement machinery with special reference to the Supreme court of India: Thesis submitted to Acharya Nagarjuna University for the award of the degree of doctor of philosophy in law. Andhra Pradesh University of Law. India. 304 p.

Singh Mahendra P. 2005. Federalism, democracy and human rights: some reflections // Journal of the Indian Law Institute. № 4. P. 429-446.

Singh P. 2000. Protection of human rights through public interest litigation in India // Journal of the Indian Law Institute. Vol. 42, № 2/4. P. 263-283.

Tiwana M. 2004. Needed: More Effective Human Rights Commission in India. Access to Justice Program, CHRI. 3 p.

The Constitution of India, 1950 (as amended by the Constitution (One Hundredth Amendment) Act, 2015 Date on which the Act came into force: 28-05-2015). [Электронный ресурс] URL: <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text> (дата обращения: 08.04.2019).

The Army Act, 1950 [Электронный ресурс]. URL: <https://mod.gov.in/sites/default/files/TheArmyAct1950.pdf> (дата обращения: 08.04.2019).

Protection Human Rights Act, 1993 (as amended by the Protection of Human Rights (Amendment) Act, 2006, No. 43 of 2006) [Электронный ресурс]. URL: <http://nhrc.nic.in/acts-&-rules/protection-human-rights-act-1993-1> (дата обращения: 06.04.2019).

National Human Rights Commission Notification № 22 of the 13th March, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://nhrc.nic.in/acts-&-rules/nhrc-procedure-amendment-regulations-1997-1> (дата обращения: 06.04.2019).

Notification 48 of the 24th October of 2016 Harayana Human Rights Commission (Procedure) Regulations [Электронный ресурс]. URL: <http://hhrc.gov.in/home.aspx?scode=m> (дата обращения: 10.04.2019).

T.T. Antony vs State of Kerala, 2001 (6) SCC 181 [Электронный ресурс]. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1974324/> (дата обращения: 08.04.2019).

Rajesh Das vs Tamil Nadu State Human Rights Commission on 27th August of 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1075114/> (дата обращения: 06.04.2019).

Chief Justice's Court AFR Case: WRIT-C No. 15570 of 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://allahabad148.rssing.com/browser.php?indx=64178515&item=6> (дата обращения: 08.04.2019).

Chhattisgarh State Electricity Board vs Chhattisgarh Human Rights Commission, 2017 SCC OnLine Chh 1415 [Электронный ресурс]. URL: [http://highcourt.cg.gov.in/Afr/court/judgementandAFR/2017/November/WP\(C\)2585_08\(07.11.17\).pdf](http://highcourt.cg.gov.in/Afr/court/judgementandAFR/2017/November/WP(C)2585_08(07.11.17).pdf) (дата обращения: 10.04.2019).

State Human Rights Commission vs E. Natesan on 1 November, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://indiankanoon.org/doc/106768408/> (дата обращения: 10.04.2019).

S. Kuznetsova. Osobennosti konstitutsionno-pravovogo statusa komissiy po zashchite prav cheloveka v Indii [Features of the constitutional legal status of the National Human Rights Commission and the state human rights commissions in India], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 87–103. (in Russ.).

Svetlana S. Kuznetsova, Candidate of Law, Assistant Professor,
Constitutional Law Department, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: kss001@usla.ru
ORCID: 0000-0003-2426-8055

Article received 07.05.2019, accepted 03.06.2019, available online 01.07.2019

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL STATUS OF THE NATIONAL HUMAN RIGHTS COMMISSION AND THE STATE HUMAN RIGHTS COMMISSIONS IN INDIA

Abstract. In this study, the author refers to the experience of India in forming the system of administrative bodies for the protection of human rights, which is based on the federal structure of the state. The article deals with the features of the organization and activities of the National Human Rights Commission and states human rights commissions. The advantages and topical problems of the exercise of their powers on the basis of legal acts and law enforcement practice of the Supreme Court of India and the State High Courts are identified and formulated. The availability and ease of appeals to the human rights commissions, the high popularity of the state commissions among citizens, which leads to the conclusion about the effectiveness of the organization of the human rights body system, considering federal organization is noted. The role of annual reports of the human rights commissions submitted to the government of India and state governments to ensure the latest implementation, protection and restoration of violated human rights is highly appreciated taking into account the necessity of taking action on the results of their study and the need to submit reports on the results of measures taken to the parliaments of the federal and regional level. Significant problems are identified relating to the application of legislation: conflicts in the division of powers between the National Human Rights Commission and the state commissions, as well as the application of their public powers in their activities; lack of financial independence of the commissions, as well as restrictions on the implementation of its functions on complaints of persons in the armed forces. The author formulates possible measures, the use of which will increase the effectiveness of the commissions activity in India and strengthen their status in relations with federal and states authorities. In particular, it is offered to legislate the obligation of the bodies in whose actions the commissions revealed signs of a violation of human rights; to prepare answers to the latter as a result of taking measures aimed at restoring violated rights, as well as preventing of repeated violations. It is also proposed to provide for the participation of the commission in determining the amount of their funding for the next fiscal year by drawing up a calculation with justification of the amount of funding necessary for the effective exercise of authority.

Keywords: federation; protection of human rights in Indian Union; National Human Rights Commission; State Human Rights Commission; distribution of powers; procedure of execution of human rights commission recommendation; competence in sphere of human rights protection.

References

Annual Report of the National Human Rights Commission, 2015–2016, available at: <http://nhrc.nic.in/publications/annual-reports> (accessed May 30, 2019).

Bochilo A.E. *Rossiyskiy federalizm i pravovoy status lichnosti : (konstitutsionno-pravovoe issledovanie) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Russian federalism and legal status

of the human person (constitutional-legal research: abstr. of diss.), Chelyabinsk, 2013, 25 p. (in Russ.).

Chhattisgarh State Electricity Board vs Chhattisgarh Human Rights Commission, 2017 SCC OnLine Chh 1415, available at: [http://highcourt.cg.gov.in/Afr/courtJudgementandAFR/2017/November/WP\(C\)2585_08\(07.11.17\).pdf](http://highcourt.cg.gov.in/Afr/courtJudgementandAFR/2017/November/WP(C)2585_08(07.11.17).pdf) (accessed April 10, 2019).

Chief Justice's Court AFR Case: WRIT-C No. 15570 of 2016, available at: <http://allahabad148.rssing.com/browser.php?indx=64178515&item=6> (accessed April 08, 2019).

Chuksina V.V. *Osobennosti pravovogo statusa indiysskikh gosudarstvennykh institutov po sodeystviyu i zashchite prav cheloveka* [Peculiarities of Legal Status of Indian States Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights], *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii : elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2013, no. 5, 21 p. (in Russ.).

Fazil Jamal. *A verdict and some questions*, available at: https://www.academia.edu/2025682/Jurisdiction_of_State_Human_Rights_Commissions_in_India (accessed April 10, 2019).

International Human Rights Protection: The Role of National Human Rights Institutions – a Case Study, Work Package No. 4. Deliverable No. 3, 2017, 131 p.

Krishna I.R. *Human Rights in India*, Oxford, Oxford Univ. Press, 1999, 592 p.,
Krishnan J.K. Book Review, *Journal of National Human Rights Commission*, India, 2004, pp. 542-547.

National Human Rights Commission Notification № 22 of the 13th March, 1997, available at: <http://nhrc.nic.in/acts-&-rules/nhrc-procedure-amendment-regulations-1997-1> (accessed April 06, 2019).

Notification 48 of the 24th October of 2016 Harayana Human Rights Commission (Procedure) Regulations, available at: <http://hhrc.gov.in/home.aspx?scode=m> (accessed April 10, 2019).

Prasad A.R. *Human rights enforcement machinery with special reference to the Supreme court of India: Thesis submitted to Acharya Nagarjuna University for the award of the degree of doctor of philosophy in law*, Andhra Pradesh Univ. of Law, India, 2011, 304 p.

Protection Human Rights Act, 1993 (as amended by the Protection of Human Rights (Amendment) Act, 2006, No. 43 of 2006), available at: <http://nhrc.nic.in/acts-&-rules/protection-human-rights-act-1993-1> (accessed April 06, 2019).

Rajesh Das vs Tamil Nadu State Human Rights Commission on 27th August of 2010, available at: <https://indiankanoon.org/doc/1075114/> (accessed April 06, 2019).

Rezolyutsiya № 48/134 General'noy Assamblei OON ot 20 dekabrya 1993 goda [Resolution No. 48/134. National institutions for the promotion and protection of human rights (20 December 1993)], available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (accessed April 10, 2019). (in Russ.).

Singh Mahendra P. Federalism, democracy and human rights: some reflections, *Journal of the Indian Law Institute*, 2005, no. 4, pp. 429-446.

Singh P. Protection of human rights through public interest litigation in India, *Journal of the Indian Law Institute*, 2000, vol. 42, no. 2/4, pp. 263-283.

State Human Rights Commission vs E. Natesan on 1 November, 2017, available at: <https://indiankanoon.org/doc/106768408/> (accessed April 10, 2019).

T.T. Antony vs State of Kerala, 2001 (6) SCC 181, available at: <https://indiankanoon.org/doc/1974324/> (accessed April 08, 2019).

The Army Act, 1950, available at: <https://mod.gov.in/sites/default/files/TheArmyAct1950.pdf> (accessed April 08, 2019).

The Constitution of India, 1950 (as amended by the Constitution (One Hundredth Amendment) Act, 2015 Date on which the Act came into force: 28-05-2015), available at: <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text> (accessed April 08, 2019).

Tiwana M. *Needed: More Effective Human Rights Commission in India*, Access to Justice Program, CHRI, 2004, 3 p.

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 30–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 30000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indentation, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets ( ). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 01.07.2019 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,0 Уч.-изд. л. 7,0
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134